

ed ‘population.’”²³ It would be as if turning back to the Hobbesian Commonwealth.

To the cosmopolitan-democracy theorist, a society must be viewed in terms of its different levels of governance, conceived in functional as well as in hierarchical terms. At the local level there can be networks that are trans-border in their functionality. There can even be global dimensions to such networks.²⁴ What this implies is that those materially interested and actually affected—stakeholders, whether citizens or not—be given greater authority over their lives. This can be done through devolution, through regional cooperation, and through global diplomacy, in the name of universal human rights. In some countries, non-nationals are allowed on this basis to vote in local elections.

Diplomatic Representation

What does the above—the democratic transition from sovereign to people—mean for diplomacy—more particularly, for the professional diplomat as representative? *Whom* does he (or, nowadays equally, she) represent? More profoundly, *what* does a country’s diplomat represent? And, further, what does this imply for *how* he (or she) does the representing? Does the method change?

There would seem to be, fundamentally, two ways of “representing.” One is through the practical demonstration of skill, that is, getting the job done—in a word, *effectiveness*. An example would be a

diplomat delivering a *démarche* that brings about the desired change in a host government’s policy or behavior. Many present-day cases could be cited, including the efforts made by U.S. and EU representatives to moderate the actions of governments in the Middle East. The other is through symbolic action—“flying the flag,” so to speak, in various ways.²⁵ *Expressiveness*, this might be called. Both kinds of representation are purposeful, to be carried out intentionally. Even modes of dress can be emblematic. In the historical case of Benjamin Franklin, emissary to the court of Louis XVI, the means of influence included conspicuously wearing a Quaker frock coat.²⁶ Another was the rigid character and conduct of the “Jeffersonian” professor, William E. Dodd, whom President Franklin Roosevelt sent as U.S. ambassador to Nazi Germany.²⁷ The two ways of representation—*making* a point and *being* the point itself—may or may not be mutually supportive. In Franklin’s case they were. In Dodd’s case they were not.

Within absolute monarchies, as earlier noted, the role of the ambassador was to represent the king. A one-for-one correspondence may even have been assumed. Paul Sharp notes skeptically: “If Michel Foucault was right, medieval thought accepted the idea of direct correspondence, one-for-one, far more readily than we do today.”²⁸ Although having formally re-

²³ Archibugi Daniele. *Cosmopolitan Democracy and its Critics: A Review* // *European Journal of International Relations*. 2004. Vol. 10. № 3. P. 461.

²⁴ Held D. *Democracy and the Global Order* Cambridge: Polity Press, 1995; Archibugi, Daniele and David Held, eds., *Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order*. Cambridge: Polity Press, 1995.

²⁵ Faizullaev A. *Diplomacy and Symbolism* // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2013. 8. P. 91-114.

²⁶ Crane Verner W. *Benjamin Franklin and a Rising People*. Boston: Little, Brown and Company, 1954. P. 174; Isaacson W, *Benjamin Franklin: An American Life*. New York: Simon and Schuster, 2003. P. 328.

²⁷ Larson E. *In the Garden of Beasts: Love, Terror, and an American Family in Hitler’s Berlin*. New York: Crown, 2011.

²⁸ Sharp. *Who needs diplomats? His reference is to Michel Foucault, The Order of Things*. New York: Vintage Books, 1994. P. 18.

ceived a royal appointment as “Her Britannic Majesty’s Ambassador,” a diplomatic head of mission today may seldom have met, following a gracious personal send-off, the state’s sovereign. Likewise, a head of mission may only rarely have a chance to talk substantively, at length, with the head of state of the country to which he or she is accredited. The idea of the ambassador-as-sovereign or bearer of sovereignty is a “fiction,” as Sharp puts it. It rests on the even deeper fiction of the “division of the political world into sovereigns and subjects.”²⁹

For the double-fiction to work—and indeed for the very concept of diplomatic representation to work—some vestige of the past may need to be retained. The “sovereign” idea has given diplomats many advantages, including their presumption of immunity. Diplomats “may not think that their symbolic status is necessary to function effectively (in which case they are almost certainly wrong), but they do regard it as helpful,” observes Sharp. But here, he continues, “problems begin in earnest: the idea of embodying the state is seen as immodest, false, and dangerous in a democratic and empiricist era replete with memories of the evils which can flow from treating nations as real and states as ends rather than means.” Once acknowledged, however, the idea of symbolic representation can either be “cordoned off” or be “watered down”—cordoned off by restricting it to relatively innocuous “ceremonial occasions” or watered down by viewing diplomats as exemplifying or expressing only “national, cultural identity.”³⁰

If a diplomat responds simply, when asked, that he represents “my government” or “my country,” what does that mean, ex-

actly? If representation refers to *identity*, rather than to the state, significant complexity might be indicated. Sharp mentions the Canadian diplomat, Marcel Cadieux, born in Montreal of French Canadian parents who spent a notable career in the federal service, becoming the first francophone ambassador of Canada to the United States and then head of its mission to the European Communities.³¹ Canada sees itself as a “binational, multicultural” country, and it interacts with the world as such, belonging both to the Commonwealth of Nations and to the Organisation Internationale de la Francophonie. A Canadian diplomat has a dual, or even multiple, identity.

For the United States, what diplomats can also represent is *power*—the country as, especially, a “great power,” the standard comparative-historical term for dominant Western states.³² In diplomacy itself, power as such is rarely spoken of directly. It is implied—and meant to be inferred—or just felt. The United States, with its nuclear arsenal and logistic capability, remains in a special category as the sole surviving “superpower.” The Soviet Union during the Cold War came within that category, too. Currently, however, Russia’s leadership favors the more historically resonant “great power.” Foreign Minister Sergei Lavrov, who is an admirer of the tsarist-era foreign minister Alexander Gorchakov, recalls how his predecessor achieved “the restoration of the Russian influence in Europe” after the defeat of the Crimean War—“exclusively through diplomacy,” without firing a shot. The Russian Federation’s veto prerogative as one of the five permanent members of the United Na-

²⁹ Sharp. Who needs diplomats?

³⁰ Sharp. Who needs diplomats?

³¹ Sharp. Who needs diplomats?; Cadieux, M. *The Canadian Diplomat: An Essay in Definition*. Toronto: University of Toronto Press, 1962.

³² Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House, 1987.

tions Security Council is an institutionalized representation of Russia's continuing greatness. It was understood by those who wrote the UN Charter, Lavrov insists, that "if one of the great powers objects, then the decision would not really be made because it wouldn't work."³³ Power can be represented negatively, and made effective that way.

A diplomat also can represent a country's *interests*. "Protecting in the receiving State the interests of the sending State and of its nationals" is the second-listed function of a diplomatic mission in the VCDR. Some nations have very well defined conceptions of their geographical and other interests. France is such a one, with its strategic notions of "*frontières naturelles*" and "*alliance de revers*."³⁴ Tallyrand's view of the servant of the French state, as Sharp epitomizes it, is "that Napoleons come and go but that the interests of France are eternal."³⁵ A diplomat should not only know his country's interest; he should be able to state it, as Russia's representatives still, emphatically, do today. Gorchakov was always saying that "openness is the key to success," recalls Sergei Lavrov. "In foreign policy, you always have to lay down your interests bluntly, the way people will understand—and even if these interests do not coincide with the interests of your partner, even if those interests contradict the interests of your partner."³⁶

³³ Glasser S.B. The Law of Politics' According to Sergei Lavrov. An exclusive interview with Russia's top diplomat, The Power Issue // Foreign Policy. April 29, 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/the_law_of_politics_according_to_sergeri_lavrov_russia.

³⁴ Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*, trans. Richard Howard and Annette Baker Fox. New York: Frederick A. Praeger, 1967. P. 97.

³⁵ Sharp. Who needs diplomats?

³⁶ Glasser. The Law of Politics' According to Sergei Lavrov.

Should not a diplomat also represent a country's *values*? In some cases these are built into the very name of a state: the Islamic Republic of Afghanistan, the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, and the People's Democratic Republic of Algeria, for example. Or, more distinctively, the State of Brunei, the Abode of Peace (*Negara Brunei Darussalam*). The formal diplomacy of these states is bound to express, on more than the rhetorical level, the values that are constitutive for them. Of course, the particular *policies* of a state's government also need diplomatic articulation and require representation. In some cases, such as the post-9/11 "global war on terror" of the U.S. government under President George W. Bush, supporting the declared policy of the nation abroad was difficult for some American diplomats, even professionals who took the long view. Underneath the "cynicism" that comes from being exceptionally well informed, reflects John Brady Kiesling, who was one of several U.S. Foreign Service officers who resigned in protest, was "a powerful sense of mission"—of American purpose in the world. "Most of us simplified the complex world: what was good for America and for us personally was also good for humankind in general."³⁷ For him, values still transcended policy.

Some, perhaps even most diplomats believe, without necessarily saying so, that they represent not only their own countries' national identity, power, interests, values, or policies but also the *diplomatic system* itself. This includes the principles of the VCDR—not just the privileges and immunities of diplomats but also the inviolability of diplomatic premises, in 1979 flagrant-

³⁷ Kiesling J.B. *Diplomacy Lessons: Realism for an Unloved Superpower*. Washington, DC: Potomac Books, 2006. P. 7.

ly challenged when the U.S. Embassy in Tehran was overrun. Diplomats themselves have been regarded as having a group identity, as if they belong to a guild—a “freemasonry” of internationalism. There is a risk in excessive cosmopolitanism. Paul Sharp gently faults a British member of the North Atlantic Council, Ambassador Frank Roberts, for stating that he, though “like any Ambassador, representative of his country,” also had a duty “to press upon London, when required, the collective views of the Council”—a *collective* responsibility.³⁸ The European Union generates a similar collective ethos. Within the “late sovereign” European Union, as the Danish political scientist Rebecca Adler-Nissen characterizes the EU, the “very construction” of national positions increasingly takes place within the European Council and in Brussels.³⁹

Diplomats occupy an intermediate space between communities—their own and those to which they are accredited. They always have. They are in-between people, detached from home and yet not fully at home abroad. Their practical freedom from direct sovereign control allows them a certain leeway. They sometimes blur sovereign differences. “Diplomats see themselves as more aware than those they represent of the conceptual sand on which the international order is built and believe that it is their professional duty to let this awareness guide their actions,” writes Sharp. It is “the amateurs”

who “take an idea like sovereignty literally and insist upon its implications uncompromisingly.” By contrast: “The professionals keep the notional world of sovereign states running by curbing the impulses to apply its principles too vigorously.” Occasionally, they can even “cheat” on the rules, in the larger interest. They can do so, Sharp suggests, “because, thanks to their expertise and training, they do not inhabit the international world in quite the way the rest of us apparently do.”⁴⁰

This is most of all true of “multilateral” diplomats, those who represent their countries at international organizations, especially in the United Nations. National diplomats who themselves become international civil servants illustrate the phenomenon. UN Secretary-General Ban Ki-moon, previously foreign minister of South Korea, now speaks for all 193 members of the world body. His Assistant Secretary-General for Peacekeeping, Edmond Mulet, formerly was Guatemala’s ambassador to the United States and later to the European Union. When Mulet visited the Fletcher School, I asked him to comment, from his perspective, on “the difference” between being a national diplomat and an international civil servant. His answer: When you are a national diplomat, you represent your government. As an international civil servant, “you represent the [United Nations] Charter.”⁴¹

Members of the European Commission speak and act on behalf of “Europe.” The thousands of *fonctionnaires* in Brussels owe their primary allegiance to the European Union. The same is true for the EU’s

³⁸ Sharp. Who Needs Diplomats? Sharp picks up on Roberts’s idea of “pressing upon” London rather than just reporting to it. His reference is to Frank Roberts, *Dealing with Dictators: The Destruction and Revival of Europe, 1930-70*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. P. 196. Roberts’s use of the term, “collective responsibility,” reminds one of the British concept of Cabinet collective responsibility.

³⁹ Adler-Nissen R. Late Sovereign Diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2009. 4. P. 121, 132.

⁴⁰ Sharp. Who Needs Diplomats?

⁴¹ Mulet E. Talk at The Fletcher School of Law and Diplomacy, December 3, 2012. See also Fletcher Forum Interview with Mr. Edmond Mulet URL: <http://fletcherforum.org/2012/12/18/mulet>.

representatives abroad—the members of the new European Union External Action Service (EEAS). In composition, the EEAS is drawn, in thirds, from the staff of the Commission, the secretariat of the Council, and the diplomatic services of the member states.⁴² Its aim is to produce a “new diplomatic breed.”⁴³

The North Atlantic Treaty Organization, also with 28 members, has an international staff as well. It is no less diverse in composition. Being well-practiced, NATO operates with extraordinary efficiency, even when the purposes of the Alliance itself might not be clear, in the world’s changing circumstances. Its senior military commander in Europe, until recently Admiral James Stavridis, serves both as Supreme Allied Commander Europe (SACEUR) and, in his national capacity, as Commander of U.S. Forces in Europe (EUCOM)—a dual responsibility that General Eisenhower, its first holder, initially was reluctant to accept.⁴⁴ A “multilateral” military officer, like an international organization’s diplomat, reports to and represents many heads, many “sovereigns.” A “democratic” representative in such a position can have a still wider role, reaching out to and informally reporting to national constituents and even a global public. Admiral Stavridis, a “huge consumer of social networks,” as SACEUR and COMEUCOM had more than 13,000 followers on Twitter and more than 10,000 friends on Facebook.⁴⁵

⁴² European External Action Service. URL: http://www.eeas.europa/background/organisation/index_en.htm.

⁴³ Rettman Andrew. EU ponders creation of new diplomatic breed // EU Observer. June 4, 2010.

⁴⁴ History of EUCOM. URL: <http://www.eucom.mil/mission/background/history-of-eucom>.

⁴⁵ NATO Commander Admiral James Stavridis Named Next Fletcher Dean // May 6, 2013. URL: [http://fletcher.tufts.edu/News-and-](http://fletcher.tufts.edu/News-and-Media/2013/05/06/NATO-Commander-Admiral-James-Stavridis-Named-Next-Fletcher-Dean)

In reflecting upon the history of diplomatic representation to the present day, one sees, recurrently, the emergence of the individual Self even in the midst of sovereignty-oriented statecraft. As I noted at the outset, this process, and trend, continues not only inside formal diplomacy but also entirely outside the sphere of the State. “International” representation is becoming an equal opportunity activity, as a review of a progression of selected thinkers on the subject will demonstrate—along with the tension that exists between State and Self in a diplomatic world that has vastly expanded.

Niccolò Machiavelli and “Court” Diplomacy

Modern diplomacy originated in Renaissance Italy. The Florentine statesman, Nicolò di Bernardo dei Machiavelli (1469–1527), is its exemplar. Best known for his treatise on politics, *Il Principe*, Machiavelli held high office in the Republic of Florence. He was also a diplomat. The intense rivalry among the city-states of Italy during his time placed a high premium on the accurate discernment of rulers’ interests and intentions. Machiavelli’s governing standard of conduct was not Christian religion or principled truth but “*verità effettuale*”—the truth that gets results. Context—reading of immediate situations—was all-important. Diplomacy required involvement in court politics, where power lay. Gaining a favorable reputation there mattered, especially gained in the view of the receiving sovereign himself.

In his sage and still-pertinent letter of advice to the young Raffaello Girolami, to be sent as Florentine ambassador to

[Media/2013/05/06/NATO-Commander-Admiral-James-Stavridis-Named-Next-Fletcher-Dean](http://www.fletcher.tufts.edu/News-and-Media/2013/05/06/NATO-Commander-Admiral-James-Stavridis-Named-Next-Fletcher-Dean).

Charles V of Spain, Machiavelli wrote that he who executes such a mission adequately “knows well the character of the sovereign to whom he is accredited, and that of those who govern him, and who knows best how to adapt himself to whatever may open and facilitate the way for a favorable reception.” It was important to act “on every occasion like a good and just man; to have the reputation of being generous and sincere, and to avoid that of being mean and dissembling, and not to be regarded as a man who believes one thing and says another,” he counseled. “And yet if it be sometimes necessary to conceal facts with words, then it should be done in such a manner that it shall not appear; or should it be observed, then a defence should be promptly ready.”⁴⁶

To gain access at the top, in a competitive diplomatic setting, remains an objective for a “bilateral” ambassador. “Court politics” exists even in the capitals of democracies.⁴⁷ In the Washington, D.C., of John F. Kennedy—a “Camelot,” as some remember it—the ambassador of the United Kingdom, David Ormsby-Gore, was a particular favorite. “The Kennedys (to the irritation of the rest of the diplomatic corps) enjoyed no couple more than they did the Ormsby-Gores,” noted the White House special assistant and historian, Arthur M. Schlesinger, Jr.⁴⁸ Per-

haps with this and other ambassadorial precedents in mind, Prime Minister Tony Blair’s chief of staff, Jonathan Powell, gave this instruction to Christopher Meyer, the New Labour government’s choice to be its emissary to Washington: “We want you to get up the arse of the White House and stay there.” By Meyer’s own account, he did gain influence. However, he came to feel that, as a result of doing so, 10 Downing Street, which developed its own “selfish” relationship with the White House, viewed him almost as a rival.⁴⁹

Cardinal Richelieu, François de Callières, and French Diplomacy

Armand Jean du Plessis (1585–1642), Cardinal-Duke of Richelieu, was chief minister of Louis XIII. He systematized the foreign relations of France, including its diplomatic representation abroad. Intellectually, Richelieu’s “system,” articulated in his *Testament politique*, was based on *raison d'état*—the interests of State, as expressed through the will of the Sovereign, being its touchstone. Richelieu is credited with creating in 1626 the first ministry of foreign affairs.⁵⁰ Most importantly, he laid down the principle of “uninterrupted foreign negotiations”—the wisdom of having continuous, even universal diplomatic relations. From experience, Richelieu found it “absolutely necessary to the well-being of the state to negotiate ceaselessly, either openly or secretly, and in all places, even in those from whom future prospects as yet seem unlikely.”⁵¹

⁴⁶ Machiavelli Niccolò. Advice to Raffaello Girolami, on his departure, 23 October 1522, as ambassador to the emperor Charles V, in Spain / G.R. Berridge, ed. / *Diplomatic Classics: Selected texts from Commynes to Vattel*. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 41.

⁴⁷ Henrikson A.K. *The Washington Diplomatic Corps: The Place, the Professionals, and their Performance / The Diplomatic Corps as an Institution of International Society* / ed. Paul Sharp and Geoffrey Wiseman. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 41-74.

⁴⁸ Schlesinger A.M., Jr. *A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1965. P. 424.

⁴⁹ Meyer C. *DC Confidential: The Controversial Memoirs of Britain’s Ambassador to the U.S. at the Time of 9/11 and the Run-up to the Iraq War*. London: Phoenix, 2005. P. 1, 88-91.

⁵⁰ Berridge. *Diplomacy: Theory and Practice*. P. 6.

⁵¹ This and the quotations below are from Richelieu: *Political Testament* / Berridge, ed. / *Diplomatic Classics*. P. 115-21.

Along with centralized management went strict discipline. Cardinal Richelieu stressed the need “to be discerning in the choice of ambassadors and other negotiators,” and further believed that “one cannot be too severe in punishing those who exceed their authority, since by such misdeeds they compromise the reputation of princes as well as the fortunes of states.” The “irresponsibility” or “corruptness” of some and the “consuming ambition” of others “to accomplish something” may cause them, unless “held within bounds prescribed in terms of fear and the threat of utter condemnation,” to be “drawn into the making of a bad treaty rather than none at all.” The competitive Self of an errant ambassador could threaten the integrity of the State and its policy.

Building upon the legacy of Richelieu, whom he considered “the model for all statesmen,” François de Callières (1645–1717) served Louis XIV, particularly in handling relations with the Dutch. In his evergreen essay, *De la manière de négocier avec les Souverains* (1716), Callières posits: “The art of negotiation with princes is so important that the fate of the greatest states often depends upon the good or bad conduct of negotiations and upon the degree of capacity in the negotiators employed.”⁵²

⁵² Callières F. *On the Manner of Negotiating with Princes; on the Uses of Diplomacy; the Choice of Ministers and Envoys; and the Personal Qualities necessary for Success in Missions abroad.* Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1963. P. 7. This finds a modern, and perhaps conscious, echo in the arresting opening statement of a book by the American diplomat: Monteagle Stearns, *Talking to Strangers: Improving American Diplomacy at Home and Abroad.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. xiii: “Diplomacy is both servant to and master of foreign policy: servant because the diplomat’s role is to carry out the instructions of political policymakers, master because what the diplomat cannot accomplish, policymakers will usually have to do without.”

Callières addresses the character of representation explicitly. Observing that novices in diplomacy “become easily intoxicated with honours done in their person to the dignity of their royal master,” he comments: “They are like the ass in the fable who received for himself all the incense burned before the statue of the goddess which he bore on his back.” Some posturing, of course, is necessary for a diplomat. Indeed an ambassador “resembles in a certain sense the actor placed before the eyes of the public in order that he may play a great part, for his profession raises him above the ordinary condition of mankind and makes him in some sort the equal of the masters of the earth by that right of representation which attaches to his service.” He therefore must “be able to simulate a dignity even if he possesses it not; but this obligation is the rock upon which many an astute negotiator has perished because he did not know in what his dignity consisted.”⁵³

Harold Nicolson and the “New Diplomacy”

The British diplomat and man of letters, Sir Harold Nicolson (1886–1968), author of the *Diplomacy* and *The Evolution of Diplomatic Method* as well as *Peacemaking 1919* and other works known to students of the subject, was a transitional figure in a time of transition. During his life he experienced the shift from the old diplomacy to a “new diplomacy,” as he called it. An admirer of French diplomacy, he began with a traditional definition: “Diplomacy essentially is the organized system of negotiation between sovereign states.”⁵⁴

⁵³ Callières. *On the Manner of Negotiating with Princes.* P. 9, 21–22.

⁵⁴ This and subsequent quotations from Nicolson can be found in T. G. Otte, *Nicolson / Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger* /ed.

Negotiation within the diplomatic system, Nicolson believed, is based on “the element of representation—the essential necessity in any negotiator that he should be fully representative of his own sovereign at home.” In Nicolson’s time, new ideas of sovereignty were emerging. These included the concept of plural sovereignty developed by the British political scientist Harold J. Laski and others, according to which the locus of sovereignty in a society shifts from one place or one group (or alliance of groups) to another.⁵⁵ Nicolson probably was responsive to this thinking. As the historian T. G. Otte points out, “There was no doubt in Nicolson’s mind that the professional diplomatist was the representative and servant of the sovereign authority of his state, *whatever the latter’s political form might be*” (emphasis added). The “efficiency” of diplomacy depended on its being reflective of society. In “the age of the common man,” international relations were going to be “conducted on democratic lines.” Consent rather than authority—royal prerogative based on divine right or natural law—became both source and sanction for the “new diplomacy.” Moreover, leaders, and perhaps diplomats too, were obliged to inform the general public—the “sovereign” electorate—of their aims and their methods. “Public opinion” became “a constant, rather than intermittent factor” in the making of foreign policy. Nicolson accepted this, but regretted it. Diplomats were knowledgeable and expert. The public was

not. Not being well informed, the general public was likely to react to events emotionally, rather than rationally.

Nicolson was critical, too, of another aspect of the “new diplomacy”: conference diplomacy—meetings of political leaders themselves. The political Self distorted long-term State interests—and displaced the professional diplomat. The function of a diplomatic service should be that of “a filter in the turgid stream of international relations,” in his view. “Direct contact between British and foreign statesmen dispenses with that filter.” He admitted that “the rush of water is thereby rendered more potent and more immediate.” However, “the conduct of foreign policy requires no gush or rush.” It requires “deliberation, experience and detachment.”

Henry Kissinger and “Linkage” Diplomacy

Henry Kissinger was born Heinz Alfred Kissinger in Fürth, Germany, in 1923. Both as a scholar and as a diplomat, he owes a great deal intellectually to Germany’s Iron Chancellor, Otto von Bismarck, whom he characterized in a study, with admiration, as a “white revolutionary.”⁵⁶ Bismarck, in the service of the Prussian king, later German emperor, overturned the existing European order that was based on the principle of “legitimacy” and unresponsive to the changing realities of power. What Kissinger writes of Bismarck’s “new Germany” can be applied also to the United States as he—under the presidential aegis of Richard M. Nixon—conceived and himself often brilliantly conducted its foreign policy. German

G.R. Berridge, Maurice Keens-Soper, and T. G. Otte. Basingstoke, U.K.: Palgrave, 2001. P. 151-80, a fine essay drawing from the above-mentioned and many other, lesser-known writings of Nicolson on diplomatic topics.

⁵⁵ Entry on “sovereignty” / The New Encyclopedia Britannica. Vol. II, Micropedia. Chicago: Encyclopedia Britannica, Inc., 1986. P. 56.

⁵⁶ Kissinger Henry A. The White Revolutionary: Reflections on Bismarck // Daedalus. 1968. Vol. 97. № 3. P. 888-924. See also Kissinger. Diplomacy. New York: Simon and Schuster, 1994, especially chapters 5 and 6.

policy was “tailored to a genius who proposed to direct the forces he had unleashed, both foreign and domestic, by manipulating their antagonisms—a task he mastered but which proved beyond the capacity of his successors.”⁵⁷ It was a “great man” theory of international relations—the Self almost above all.⁵⁸

The Nixon-Kissinger strategy for ending the Cold War, and extricating the United States from war in Indochina was, through skillful diplomacy, to exploit the antagonism between the Soviet Union and the People’s Republic of China. The two men agreed that, as Kissinger explained their shared belief, “if relations could be developed with both the Soviet Union and China the triangular relationship would give us great strategic opportunity for peace.” The factor of diplomacy by itself could hardly accomplish such a result. “Triangular diplomacy, to be effective, must rely on the natural incentives and propensities of the players,” Kissinger well realized. “The hostility between China and the Soviet Union served our purposes best if we maintained closer relations with each side than they did with each other. The rest could be left to the dynamic of events.”⁵⁹

“Events,” however, perhaps could be arranged. A master of bureaucratic infighting and an adroit manipulator of personal ambitions, Kissinger in the White House managed to gain effective control of the Nixon administration’s foreign policy apparatus—and to ignore it when he and his even more Machiavellian chief wanted, as in seeking direct contact with the People’s

Republic of China. “Transparency is an essential objective, but historic opportunities for building a more peaceful international order have imperatives as well,” as Kissinger rationalized this, in a Bismarckian sense, “revolutionary” diplomatic move.⁶⁰

Relations with Moscow also were conducted secretly from the White House, with Kissinger communicating directly with Soviet Ambassador Anatoly Dobrynin through the “backchannel.” With all lines of policy coming to a focus in the Office of the Presidency, it was possible, at least imaginatively, à la Richelieu, to manage the overall U.S. relationship with the Soviet Union tightly through a broad-front strategy of “linkage”—that is, interrelating issues across different sectors and areas of negotiation in order to maximize leverage. This approach ran against the American “pragmatic” tradition, Kissinger pointed out, of “examining issues separately: to solve problems on their merits, without a sense of time or context or the seamless web of reality.”⁶¹

Jorge Heine and “Network” Diplomacy

Jorge Sievert Heine Lorenzen—a Chilean political scientist born in Santiago in 1948—served as Chile’s ambassador first to South Africa and then to India, Bangladesh, and Sri Lanka. Thus he may be viewed as a representative of the global South as well as of a Latin American and a middle-sized power. Critical of the traditional “club model” of diplomacy, founded on the principle of national sovereignty and conducted according to creaky conventions, Heine advocates replacing it with a less-hierarchical “network model”—flatter, less formal,

⁵⁷ Kissinger. *Diplomacy*. P. 105.

⁵⁸ May Ernest R. *The Great Man Theory of Foreign Policy* // *The New York Times*. — April 3, 1994, a critical review of Kissinger’s *Diplomacy*.

⁵⁹ Kissinger Henry. *White House Years*. Boston: Little, Brown and Company, 1979. P. 164, 712.

⁶⁰ Kissinger H. *On China*. London: Penguin Books, 2012. P. 236.

⁶¹ Kissinger. *White House Years*. P. 129-30.

more open, and much farther-reaching. In a graceful and thought-provoking essay, *On the Manner of Practising the New Diplomacy* (2006), whose title pays tribute to Callières, he argues that, rather than “representation,” which is too passive, diplomats should think of what they do as “projection”—actively inserting their country in a host nation. This more dynamic approach that Heine recommends entails meeting more of the “players” of that country, well beyond the foreign ministry and even the government. More parties, some of whom “would never have thought of setting foot in the rarefied atmosphere of the salons and private clubs the diplomats of yester-year used to frequent,” needed to be engaged. They dealt with finance and other non-traditional matters—and at multicontinental distances. “More and more,” reasons Heine, “diplomacy is becoming ‘complexity management,’ to a degree earlier master practitioners like Cardinal Richelieu would not have imagined.”

The new setting of diplomacy today is not just the result of “democratization,” the growing number of relevant actors that have to be taken into consideration. It is also, Heine explains, a result of the increased “interpenetration” of societies—at the cultural level as well as on political and economic levels. “All of this is leading to a progressive ‘hollowing out’ of traditional diplomatic duties,” he concludes, “sometimes leaving the impression of diplomats as mere ‘coordinators’ of the substantive activities of other agencies.” The situation could be corrected if diplomats would take the initiative in developing new constituencies—as he himself apparently did for Chile, even internally—by making “direct links between missions and their home state’s own regions and localities,” thereby

showing that “diplomats on the ground actually help to generate jobs.” This solution requires a diplomat’s understanding that it is “no longer enough to count on the good will of the ‘Prince.’”⁶² The inventive diplomat Self could reinvent Diplomacy itself.

Manuel Castells and “the Public’s” Diplomacy

Manuel Castells Oliván, a Spanish sociologist born in the province of Albacete in 1942, is currently a professor at the Annenberg School for Communication at the University of Southern California. A “global thinker” and theoretician of the information society, rather than a commentator on diplomacy as such, Castells is skeptical of the very idea of government as it exists today. In fact he sees political systems as engulfed “in a structural crisis of legitimacy,” being increasingly isolated from the citizenry. For him, it is social identity, rather than state interest, that truly matters. “In a world of global flows of wealth, power, and images, the search for identity, collective or individual, ascribed or constructed, becomes the fundamental source of social meaning.” People increasingly organize “not around what they do but on the basis of what they are, or believe they are,” as Castells observes. However, “global networks of instrumental exchanges selectively switch on and off individuals, groups, regions, and even countries, according to their relevance in fulfilling the goals processed in the network”—the globalizing webs that are replacing vertically integrated hierarchies, including structures of government. It follows

⁶² Heine Jorge. *On the Manner of Practising the New Diplomacy // Working Paper No. 11*. The Centre for International Governance Innovation. October 2006. P. 1-2, 3, 4-5, 7-9, 12, 18, and passim.

therefore: “Our societies are increasingly structured around a bipolar opposition between the Net and the Self.”⁶³

The media, Castells argues, today have become “the social space where power is decided.” He sees the development of networks of communication, being horizontal and becoming more interactive, as having “induced the rise of a new form of communication, mass self-communication”—many-to-many, peer-to-peer interaction. Most web logs, or blogs, are “of a personal character,” and may even be closer to “electronic autism” than to actual communication, he opines. Mass self-communication, by contrast, is “a new form of socialized communication.” It potentially reaches a global audience through p2p networks. As digitization allows reformatting, it is multimodal. “And it is self-generated in content, self-directed in emission, and self-selected in reception by many that communicate with many.” Its importance is that it enables “insurgent politics and social movements” to “intervene more decisively” in the communication space—to oppose the exercise of power by corporate media, and governments too, with its “counter-power” projects.⁶⁴

What is the relevance of the above theory for diplomacy? Governments—and diplomats—are bypassed by it. People and peoples represent *themselves*—by communicating directly with each other. “Public diplomacy,” writes Castells in a contribution to a volume edited by Geoffrey Cowan and Nicholas J. Cull of USC’s Center on Public Diplomacy, “is not government

diplomacy . . . Public diplomacy is the diplomacy of the public, that is, the projection in the international arena of the values and ideas of the public.” The resulting “public debate could inform the emergence of a new form of consensual global governance”—amounting to “de facto global governance without a global government.”⁶⁵

A key factor in Castells’s seemingly utopian scheme is “the rise of a global civil society.”⁶⁶ However, it may be critically noted, “global civil society,” when examined closely, often turns out to consist largely of international NGOs and single-issue activist groups.⁶⁷ An illustrative case of civil-society action mentioned by Castells is the movement that brought about the Ottawa Treaty—the Anti-Personnel Mine Ban Convention. The International Campaign to Ban Landmines (ICBL) and Jody Williams, its founding coordinator, jointly were awarded the Nobel Prize for Peace in 1997. The award was a recognition of individual initiative—the Self—and also of the efficacy of e-mail as a facilitator of social communication, even mass self-communication.⁶⁸ In his recent book, *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Castells tests his hypothesis of emerging consensual governance through mass self-communication by comparing a

⁶³ Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 3.

⁶⁴ Castells M. *Communication, Power and Counter-power in the Network Society* // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. P. 238, 239, 247, 248.

⁶⁵ Castells M. *The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance / Public Diplomacy in a Changing World* / ed. Geoffrey Cowan and Nicholas J. Cull. // *The Annals of The American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616. P. 89, 91.

⁶⁶ Castells. *The New Public Sphere*. P. 83-87.

⁶⁷ This is pointed out in my review of Cowan and Cull, eds., “Public Diplomacy in a Changing World,” *CPD Book Reviews*, July 10, 2008, URL: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/research/book_reviews_detail/public_diplomacy_in_a_changing_world.

⁶⁸ International Campaign to Ban Landmines. URL: <http://www.icbl.org/intro.php>

diverse set of cases: Iceland's Kitchenware Revolution, Tunisia's "Revolution of Liberty and Dignity," the Internet-mediated revolution in Egypt, the rise of the Indignadas in Spain, and, within the United States, the Occupy Wall Street movement. All of these movements, he finds, "*share a specific culture, the culture of autonomy.*"⁶⁹

"Autonomy" can refer to both individual and collective selves. It "refers to the capacity of a social actor to become a subject by defining its action around projects constructed independently of the institutions of society, according the values and interests of the social actor," as Castells defines it. The Internet "provides the organizational communication platform to translate the culture of freedom" into the actual practice of autonomy." It was "too early," Castells significantly concedes, to evaluate the ultimate outcome of the social movements that he describes in *Networks of Outrage and Hope*. Yet it appeared to him that "a possible legacy" was Democracy. "A new form of democracy. An old aspiration, never fulfilled, of humankind."⁷⁰

Dominance of Representation of the State or by the Self in the New Digital Age?

"Soon everyone on Earth will be connected." So predict Eric Schmidt, executive chairman of Google, and Jared Cohen, a fellow of the Council on Foreign Relations, in *The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business* (2013). They argue that citizens, as individuals and presumably as a massed citizenry, will have more power than at any other time

⁶⁹ Castells Manuel. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge, U.K.: Polity, 2012. P. 230.

⁷⁰ Castells. *Networks of Outrage and Hope*. P. 244-45.

in history.⁷¹ What will be the consequences for the State, and for state-conducted diplomacy? "The near monopoly of power once enjoyed by sovereign entities is being eroded," wrote Richard Haass, president of the Council on Foreign Relations, in 2006. His focus then was on the challenge posed for "the 190-plus states" by "a larger number of powerful non-sovereign and at least partly (and often largely) independent actors" ranging from corporations to NGOs, from terrorist groups to drug cartels, and from regional and global institutions to banks and private equity funds.⁷² Today the individual citizen—the private person—also is in a position to challenge state control, not, as in the case of Edward Snowden, so much through direct confrontation of the state as through what Manuel Castells calls mass self-communication, conducted entirely aside from and around the state.

For the institution of diplomacy this development can have profound consequences. Nowadays individual persons *represent themselves* to the world, through Facebook and other social media. They post photographs and personal profiles—"identities"—in ways not wholly unlike the manner in which states, too, now are posting images and promoting national "brands."⁷³ What is being projected publicly may be less the actual person than a persona—a "Second Self," as the M.I.T. psychologist of technology Sherry Turkle has

⁷¹ Cohen J., Eric Schmidt. *Explore the Promise and Perils of Our Digital Future* // *The Chronicle: Newsletter of the Council on Foreign Relations*. May 2013. P. 8.

⁷² Haass R.N. *Sovereignty and Globalisation*, // *Council on Foreign Relations*. February 17, 2006. URL: <http://www.cfr.org/sovereignty/sovereignty-globalisation/p9903>.

⁷³ Simonin B.L. *Nation Branding and Public Diplomacy: Challenges and Opportunities*. // *The Fletcher Forum of World Affairs* 2008. Vol. 32. № 1. 3 P. 19-34.

characterized it.⁷⁴

People “edit” themselves online, if not as carefully as ministries and embassies must do when communicating via the Internet. As the media analyst Alexis Wichowski, working as an adviser in the Office of Press and Public Diplomacy of the U.S. Mission to the United Nations, has pointed out, diplomats, like others, now use Twitter but

their tweets are “almost always intentional and carefully considered.” They “know that anything they say, out loud or online, can be construed as a statement of policy.”⁷⁵

Unlike formal diplomatic communication between state representatives, individual or mass self-communication that is entirely private mostly ignores “international” lines—except when these may be emphasized by governments attempting to block communication by jamming radio broadcasts or cutting off Internet access. In profound contrast with the image of the giant Sovereign-figure on the cover of Thomas Hobbes’s *Leviathan*—a “Common-wealth” whose form contains all of the state’s pop-

Figure 2

ulation—a social graph from Facebook, a network of individuals with their faces posted, indicates no political boundaries whatsoever [Figure 2].⁷⁶ It could be worldwide in scope. On a social-networked globe, persons (“netizens”) communicate directly, and cluster independently, and in new and unpredictable patterns.

Can there be, in a more globalized world, “Diplomacy without Diplomats?,” as the American diplomat George Kennan asked in a *Foreign Affairs* article in 1997. In the era then “already upon us” of “rapidly decentralizing government and broadly diffused authority,” Kennan concluded with resignation, “perhaps the present foreign service, lacking the rigidities of earlier conceptions, will do as well as any.”⁷⁷ Today’s diplomats, living in an “egalitarian” age, do need to engage publicly. To a degree, they always have done so. Paul Sharp cites as an example Lord Carnock (Harold Nicolson’s

⁷⁴ Turkle S. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon and Schuster, 1984. See also her recent study, Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More From Technology and Less From Each Other*. New York: Basic Books, 2011.

⁷⁵ Wichowski A. *Social Diplomacy, Or How Diplomats Learned to Stop Worrying and Love the Tweet* // *Foreign Affairs*. April 5, 2013. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139134/alexis-wichowski/social-diplomacy>.

⁷⁶ URL: <http://steve-dale.net/wp-content/uploads/2011/03/Facebook-Social-Graph.png>.

⁷⁷ Kennan. *Diplomacy Without Diplomats?* P. 212.

father) who as Britain's plenipotentiary in Morocco "spent at least some of his time while in Tangier building local coalitions to oppose the deforestation of the surrounding hills by charcoal burners."⁷⁸

Seclusion and secrecy limit the diplomat. As Kennan himself observed nearly sixty years ago, in words quoted by Alexis Wichowski: "A large part of a diplomatic mission's work does not involve or require elaborate secrecy. Diplomacy, after all, is not a conspiracy." She adds: "The point of diplomatic communication has always been to clearly deliver a message." Recognizing, however, that there is "risk" involved for diplomats in using social media, she emphasizes the benefits nonetheless: "Diplomatic tweets can make government more interesting, coaxing officials into having real interactions with the broader public: diplomats speak to citizens, and the citizens speak back."⁷⁹

Does this mean a new sort of diplomat is required? A new kind of "international" representative, a man or woman with computer skills and a new, more popular orientation, and perhaps even greater independence in expressing policy? The circumstances in which diplomats find themselves do often require quick responses, suited to immediate situations, which they do know far better than do most officials back in their capitals. I once too-boldly commented to Ambassador Bosworth that the United States today doesn't really have a foreign policy, in an overall sense, and that American diplomats in the field, rather than policy makers, are supplying it, *de facto*. While it is true that there may no specific instructions that are appropriate, there are always, the Dean said in reply, "certain principles" that provide guidance. In the case of

American diplomacy, these principles include democracy and the rule of law. U.S. diplomats must adhere to them.

The scholar Paul Sharp, taking a long view of the trajectory of diplomacy, emphasizes its essentially statist character. "Diplomats should remind themselves and others that they are first and foremost the representatives of sovereign states, that this is their *raison d'être* and a precondition for anything else they might aspire to be or to do." Sharp does take non-state factors and new conditions into account. "This might require an adjustment in their professional orientation but not a transformation."⁸⁰ The State has a *symbolic* function that is vital. Such powerful units as "France," a nation-state, are needed to make and to carry out international agreements. To be sure, as Richard Haass points out, today "states must be prepared to cede some sovereignty to world bodies if the international system is to function"—for example, in addressing major common problems such as global climate change.⁸¹

Today "world bodies," including those of the United Nations system, are not only representative of states but also reflective of civil society. There is nonetheless, as Sharp rightly insists, a fundamental difference between a governmental delegate, with official responsibility, and a private person acting as an advocate—ultimately, between the sovereign State and an autonomous Self. The difference is not just formal. It is also functional. "A world of states whose citizens possessed the consciousness of diplomats would be unrepresentable," writes Sharp, "and a world of states whose diplomats possessed the consciousness of citizens would be unmanageable."⁸²

⁷⁸ Sharp. Who needs diplomats?

⁷⁹ Wichowski. Social Diplomacy.

⁸⁰ Sharp. Who needs diplomats?

⁸¹ Haass. Sovereignty and Globalisation.

⁸² Sharp. Who needs diplomats?

Representation—*being*—and management—*doing*—are twin necessities of today’s world. There are diverse social identities and complex policy issues. Diplomacy is at the

forefront of both of these challenges. In reconciling the former and resolving the latter, as Stephen Bosworth might say, diplomacy—and the diplomat—“can do a lot.”

Суверенитет, дипломатия, демократия: меняющийся характер международного представительства — от государства к личности

Алан Хенриксон, профессор истории дипломатии,
директор Центра исследования дипломатии факультета права
и дипломатии Университета Тафтса

Аннотация. Рассматривая вопрос новой дипломатии XXI в. с точки зрения философии и истории, автор анализирует происходящие изменения, когда на смену суверенному государству, в котором послы представляли собой формальных представителей своих государств, приходят автономные личности, индивиды, которые могут представить миру себя и свои группы через социальные сети. Придет ли «Фейсбук» на место Левиафана Томаса Гоббса в качестве социальной конфигурации следующего миропорядка? Это создает вызов традиционным институтам дипломатии и профессиональным дипломатам, которым приходится адаптироваться, чтобы продолжать следовать международным соглашениям для разрешения глобальных вопросов.

Ключевые слова: дипломатия, суверенитет, демократия, дипломатическое представительство, глобализация.

Sovereignty, Diplomacy and Democracy: The Changing Character of “International Representation” — from State to Self

Alan K. Henrikson, Lee E. Dirks Professor of Diplomatic History
and the Director of Diplomatic Studies at The Fletcher School of Law
and Diplomacy, Tufts University

Abstract. Addressing (the question of) a new diplomacy for the 21st century, Alan Henrikson reflects philosophically and historically upon a shift that may be occurring from the sovereign State, with ambassadors serving as formal representatives of entire nations, to the autonomous Self, with individual persons, employing social media, being able to represent themselves, and their group concerns, to the world. Will the Leviathan of Thomas Hobbes be replaced by the Facebook social graph as the pattern for the next world order? The traditional institutions of diplomacy—and professional diplomats—are being challenged, are now adapting, and are still vital to the making and carrying out of the international agreements needed if global issues are to be resolved.

Key words: diplomacy, sovereignty, democracy, diplomatic representation, globalization.

References

1. Adler-Nissen R. Late Sovereign Diplomacy //The Hague Journal of Diplomacy. 2009. 4. P. 121, 132.

2. Agnew J. Sovereignty Regimes: Territoriality and State Authority in Contemporary World Politics // *Annals of the Association of American Geographers*. 1995. Vol. 95. № 2. P. 437-61.
3. Agnew J. *Globalization and Sovereignty*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2009.
4. Archibugi Daniele. Cosmopolitan Democracy and its Critics: A Review // *European Journal of International Relations*. 2004. Vol. 10. № 3. P. 461.
5. Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*, trans. Richard Howard and Annette Baker Fox. New York: Frederick A. Praeger, 1967. P. 97.
6. Berridge G. R. *Diplomacy: Theory and Practice*, 4th ed. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2010. Ch. 1 "The Ministry of Foreign Affairs."
7. Cadieux M. *The Canadian Diplomat: An Essay in Definition*. Toronto: University of Toronto Press, 1962.
8. Callières F. *On the Manner of Negotiating with Princes; on the Uses of Diplomacy; the Choice of Ministers and Envoys; and the Personal Qualities necessary for Success in Missions abroad*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1963. P. 7.
9. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. P. 238, 239, 247, 248.
10. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge, U.K.: Polity, 2012. P.230.
11. Castells M. *The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance / Public Diplomacy in a Changing World* / ed. Geoffrey Cowan and Nicholas J. Cull. // *The Annals of The American Academy of Political and Social Science*. 2008. 616. P. 89, 91.
12. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 3.
13. Chas. W. Freeman, Jr., *The Diplomat's Dictionary* (Washington, DC: National Defense University Press, 1994), 97-110.
14. Cohen J., Eric Schmidt. Explore the Promise and Perils of Our Digital Future // *The Chronicle: Newsletter of the Council on Foreign Relations*. May 2013. P. 8.
15. Crane Verner W. *Benjamin Franklin and a Rising People*. Boston: Little, Brown and Company, 1954. P. 174; Isaacson W. *Benjamin Franklin: An American Life*. New York: Simon and Schuster, 2003. P. 328.
16. Edward R. Murrow Center for Public Diplomacy. URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow>.
17. Entry on "sovereignty" / *The New Encyclopedia Britannica*. Vol. II, Micropedia. Chicago: Encyclopedia Britannica, Inc., 1986. P. 56.
18. Faizullaev A. Diplomacy and Symbolism // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2013. 8. P. 91-114.
19. For VCDR's origins, see Richard Langhorne, "The Regulation of Diplomatic Practice: The Beginnings to the Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961," in *Diplomacy*, Vol. II, *History of Diplomacy*, ed. Christer Jönsson and Richard Langhorne (London and Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2004).
20. Gaddis, J.L. *George F. Kennan: An American Life*. New York: The Penguin Press, 2011.
21. Glasser S.B. *The Law of Politics' According to Sergei Lavrov*. An exclusive interview with Russia's top diplomat, *The Power Issue* // *Foreign Policy*. April 29, 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/the_law_of_politics_according_to_sergeri_lavrov_russia.
22. Haass R.N. *Sovereignty and Globalisation*, // *Council on Foreign Relations*. February 17, 2006. URL: <http://www.cfr.org/sovereignty/sovereignty-globalisation/p9903>.
23. Heine J. *On the Manner of Practising the New Diplomacy* // *Working Paper No. 11*. The Centre for International Governance Innovation. October 2006. P. 1-2, 3, 4-5, 7-9, 12, 18, and passim.
24. Held D. *Democracy and the Global Order*. Cambridge: Polity Press, 1995; Archibugi, Daniele and David Held, eds., *Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order*. Cambridge: Polity Press, 1995.
25. Henrikson A.K. *The Washington Diplomatic Corps: The Place, the Professionals, and their Performance / The Diplomatic Corps as an Institution of International Society* / ed. Paul Sharp and Geoffrey Wiseman. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 41-74.
26. *History of EUCOM*. URL: <http://www.eucom.mil/mission/background/history-of-eucom>.
27. Kennan G.F. *Diplomacy Without Diplomats?* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 5. P. 198.
28. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York: Random House, 1987.
29. Kiesling J.B. *Diplomacy Lessons: Realism for an Unloved Superpower*. Washington, DC: Potomac Books, 2006. P. 7.

30. Kissinger H. *On China*. London: Penguin Books, 2012. P. 236.
31. Kissinger Henry A. *The White Revolutionary: Reflections on Bismarck* // *Daedalus*. 1968. Vol. 97. № 3. P. 888-924.
32. Kissinger Henry. *White House Years*. Boston: Little, Brown and Company, 1979. P. 164, 712.
33. *Korean Relations. Through the Eyes of the Ambassadors*. Washington, DC: Korea Economic Institute, 2009, P. 106-28.
34. L. Susan Brown, *The Politics of Individualism: Liberalism, Liberal Feminism and Anarchism* (Montreal: Black Rose Books, 1993).
35. Larson E. *In the Garden of Beasts: Love, Terror, and an American Family in Hitler's Berlin*. New York: Crown, 2011.
36. Machiavelli Niccolò. Advice to Raffaello Girolami, on his departure, 23 October 1522, as ambassador to the emperor Charles V, in Spain / G. R. Berridge, ed. / *Diplomatic Classics: Selected texts from Commynes to Vattel*. Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 41.
37. May Ernest R. *The Great Man Theory of Foreign Policy* // *The New York Times*. April 3, 1994, a critical review of Kissinger's Diplomacy.
38. Meyer C. *DC Confidential: The Controversial Memoirs of Britain's Ambassador to the U.S. at the Time of 9/11 and the Run-up to the Iraq War*. London: Phoenix, 2005. P. 1, 88-91.
39. Mueller Sherry Lee. *Professional Exchanges, Citizen Diplomacy, and Credibility / America's Dialogue with the World* / ed. William P. Kiehl. Washington, DC: Public Diplomacy Council, School of Media and Public Affairs, The George Washington University, 2006. P. 59-70. The quotation is on p. 62.
40. Mulet E. Talk at The Fletcher School of Law and Diplomacy, December 3, 2012. See also Fletcher Forum Interview with Mr. Edmond Mulet URL: <http://fletcherforum.org/2012/12/18/mulet>.
41. Rettman Andrew. *EU ponders creation of new diplomatic breed* // *EU Observer*. June 4, 2010.
42. Schlesinger A.M., Jr. *A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1965. P. 424.
43. Sharp P. *Diplomatic Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
44. Sharp P. Who needs diplomats? The problem of diplomatic representation. / *Modern Diplomacy* / ed. Jovan Kurbalija. 1998. URL: <http://www.diplomacy.edu/resources/general/who-needs-diplomats-problem-diplomatic-representation>
45. Sharp. Who needs diplomats? His reference is to Michel Foucault, *The Order of Things*. New York: Vintage Books, 1994. P. 18.
46. Sharp. Who Needs Diplomats? Sharp picks up on Roberts's idea of "pressing upon" London rather than just reporting to it. His reference is to Frank Roberts, *Dealing with Dictators: The Destruction and Revival of Europe, 1930-70*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. P. 196.
47. Simonin B.L. *Nation Branding and Public Diplomacy: Challenges and Opportunities*. // *The Fletcher Forum of World Affairs* 2008. Vol. 32. № 1. 3 P. 19-34.
48. T.G. Otte, Nicolson / *Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger* / ed. G.R. Berridge, Maurice Keens-Soper, and T.G. Otte. Basingstoke, U.K.: Palgrave, 2001. P. 151-80.
49. This and the quotations below are from Richelieu: *Political Testament* / Berridge, ed. / *Diplomatic Classics*. P. 115-21.
50. Thomas Hobbes of Malmesbury, *Leviathan, Or the Matter, Forme and Power of A Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil* (London: Printed for Andrew Crooks, at the Green Dragon in St. Paul's Churchyard, 1651), <http://commons.wikipedia.org/wiki/File:Leviathan.jpg>.
51. Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More From Technology and Less From Each Other*. New York: Basic Books, 2011.
52. Turkle S. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon and Schuster, 1984.
53. *Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961*, United Nations, Treaty Series, vol. 500. New York: United Nations, 2005. Article 3, 1(a).
54. Wichowski A. *Social Diplomacy, Or How Diplomats Learned to Stop Worrying and Love the Tweet* // *Foreign Affairs*. April 5, 2013. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139134/alexis-wichowski/social-diplomacy>.
55. Wood J.R. and Jean Serres. *Diplomatic Ceremonial and Protocol: Principles, Procedures, and Practice*. New York: Columbia University Press, 1970. P. 9.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РАССТАНОВКА ЗОН ВЛИЯНИЯ И ПЕРЕНОС НЕСТАБИЛЬНОСТИ С ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА ВОСТОЧНЫЙ*

В.Н. Колотов

Данная статья посвящена общему анализу сложившейся на сегодняшний день ситуации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также сравнению геополитических процессов, одновременно протекающих на ее западном и восточном флангах, на которых находятся основные производители и потребители нефти.

В отличие от прошлых веков, в обновившейся с новой силой и с невиданным еще масштабом на евразийской шахматной доске «Большой игре» появился новый игрок — Китай. В настоящее время КНР попала под доминирующее влияние своеобразного замкнутого круга роста, движение в рамках которого все больше настораживает соседние государства. Кратко суть проблемы состоит в том, что длительный экономический рост Китая вызывает увеличение его политического влияния, а также расширение возможностей использования самого разнообразного набора инструментов для обеспечения возросших геополитических «аппетитов», удовлетворение которых позволит еще больше усилить потенциал экономическо-

го роста. Значительно большую роль в активизировавшихся геополитических играх играет углеводородное сырье, которое КНР вынужден импортировать во все возрастающих количествах.

Анализируя сложившуюся в Евразии ситуацию в сфере безопасности, прежде всего следует обратить самое пристальное внимание на несколько важных тенденций:

1. В настоящее время евразийская дуга нестабильности впервые в истории простирается от Тихого до Атлантического океана и имеет многочисленные ответвления, которые, как щупальца, опутывают попавшие в ее сферу влияния страны и регионы, погружая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации.

2. В центральной части Евразии еще со времен «Большой игры» уже проложен основательно модернизированный к нашим дням своеобразный «бикфордов шнур», западный конец которого уже подожег, огонь прошел по Северной Африке, сейчас идет по Ближнему Востоку и, по идее, рано или поздно должен прийти не просто в Восточную Азию, а именно в Китай, а также постепенно по всему фронту смещаться в северном направлении.

3. Наличие фундаментальных геополитических противоречий в Евразии

* Исследование выполнено в рамках гранта НИР СПбГУ «История Азии и Африки в контексте геокультурной парадигмы глобального развития» (шифр ИАС: 2.38.103.2012).

обеспечивает как бесперебойную модернизацию «шнура», так и его «горение» в направлении с Запада на Восток. Напряженность в отношениях между Вашингтоном и Пекином состоит в том, что одни хотят обеспечить себя бесперебойными поставками углеводородов (прежде всего, нефти), что даст им мощный дополнительный ресурс для развития, а другие, видя в этом для себя угрозу, этому активно противодействуют, пытаясь взять под свой исключительный контроль доступные конкуренту месторождения, а также обеспечить в случае необходимости возможность блокирования маршрутов транспортировки. Причем за основу такого контроля над уровнем развития потенциальных конкурентов взята концепция проведения управляемой региональной дестабилизации в ключевых регионах добычи и транзита.

4. Видя в такой политике угрозу своим интересам и одновременно испытывая насущную потребность в углеводородах, Пекин вынужден наращивать активность действий вблизи своих границ в Южно-Китайском море, где, по неподтвержденным данным, имеются значительные запасы нефти и газа.

5. Получается, что ситуация раскачивается в соответствии со следующим механизмом: чем сильнее геополитическая конкуренция между США и КНР, тем сильнее Пекин будет выдвигать чужими руками из Африки и из Ближнего Востока, тем сильнее Китай будет нуждаться в ресурсах в ЮВА и тем активнее он будет действовать в Южно-Китайском море, как наименее защищенном богатым ресурсами регионе вблизи КНР, поскольку соотношение между наличием ресурсов и защи-

щенности в регионе Южно-Китайского моря наиболее «привлекательное». Именно поэтому США уже сейчас в ЮВА выступают на стороне «обиженных» поднимающимся Китаем средних и малых стран. Так называемая «историческая обоснованность» претензий сторон, имеющих отношение к этим территориальным спорам, здесь ни при чем. Просто в данной ситуации так выгоднее.

6. Наиболее грамотным методом сдерживания китайской экспансии в ЮВА представляется создание региональной антикитайской коалиции — противопоставить Вьетнам и другие страны, в том числе исламский фактор от Малайзии и Индонезии до как минимум Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и других регионов с мусульманским населением, где пересекаются геополитические интересы.

7. В настоящее время на фоне невиданной в регионе АТР гонки вооружений под прикрытием разговоров о «северокорейской ракетной угрозе» полным ходом идет создание азиатско-тихоокеанского сектора ПРО по широкому фронту от Японии до Австралии.

В совокупности указанные выше факторы говорят о наличии причинно-следственной связи между попытками ограничить рост влияния КНР на соседние регионы и дестабилизирующими событиями на Ближнем Востоке. Очевидно, что возросший нефтяной голод КНР может быть удовлетворен в настоящее время только с помощью поставок сырья с Ближнего Востока, РФ и стран Центральной Азии или в результате разработки месторождений в спорных регионах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 2011 г., когда «арабская весна» еще только набирала обороты, КНР импортировала 20% сырой нефти из Саудовской Аравии, 12% из Анголы, 11% из Ирана, 8% из России, 7% из Омана, 5% из Ирака, 5% из Судана, 5% из Венесуэлы, 4% из Казахстана, 4% из Кувейта и еще 19% из других стран [14]. Эти данные показывают, что Пекин крайне чувствителен в отношении поставок нефти с Ближнего Востока, без чего он не сможет удержать экономический рост и стабильность в стране. Несмотря на это, китайская национальная нефтяная корпорация (СНПС) очень жестко ведет переговоры с альтернативными поставщиками углеводородов.

Как отмечают Александр Габуев и Кирилл Мельников на страницах газеты «Коммерсант», российские нефтяные компании долго не могли договориться с китайским покупателем о цене на нефть, поставляемую по контракту 2010 г., пока китайский партнер не согласился на «символическую» скидку \$1,5/баррель, тогда как сначала требовал снизить цену на \$10/баррель. Изначально твердая позиция, которая затем вдруг сменилась «уступчивостью» СНПС, по их мнению, объясняется тем, что поразившая Северную Африку и Ближний Восток «арабская весна» создала угрозу стабильности поставок нефти в Китай [4].

Авторитетный российский эксперт профессор А.Д. Воскресенский еще в 2006 г. предвидел будущее столкновение интересов, когда обратил внимание на обозначившиеся ««нефтяные» интересы Пекина» [3, с. 60] в отношении стран Ближнего Востока и Латинской Америки, а также на то, что «пока неясна реакция США на этот счет» [3, с. 60–61].

Широкомасштабных ответных действий США на возросшие «интересы» Пекина, которые вошли в историю под названием «арабская весна», мир дождался в конце 2010 г. Эти события привели в ряде случаев к существенным политическим преобразованиям в Северной Африке, а затем и в ряде стран на Ближнем Востоке. При всех нюансах, единстве и различии внешних форм протеста по последствиям все эти сценарии укладываются в понятие управляемой региональной дестабилизации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также в установление своего прямого контроля над стратегическими ресурсами.

По мнению одного из наиболее информированных в сфере безопасности экспертов — генерал-майора КГБ СССР, который возглавлял управление нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР (Управление «С»), Ю.И. Дроздова, «Большая игра фокусируется уже не только в пространстве стратегического противостояния США с Россией и Китаем, определяющим элементом которого является «Пайплайнинстан» (совокупность трубопроводов, протянувшихся в Центральной и Передней Азии). Доктрина полномасштабного доминирования предполагает контроль Пентагона над «дугой нестабильности» от Африканского Рога до Западного Китая» [5].

Совершенно точное описание «дуги нестабильности», данное Ю.И. Дроздовым в 2010 г., можно существенно дополнить. С момента выхода процитированной книги идет всего лишь третий год, а обозначенные им западный и восточный фланги евразийской дуги нестабильности уже не ограничивают-

ся регионами Африканского Рога и Западного Китая. Обостряющееся геополитическое соперничество уже привело к хаосу в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Продолжается управляемая региональная дестабилизация в Афганистане, что несет угрозы основным субъектам евразийской геополитики. Традиционно индуцируется нестабильность на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Также активизируются находившиеся до сих пор в режиме ожидания территориальные споры в Восточной Азии [6, 59–60].

Известно, что в Евразии нет формальных механизмов обеспечения безопасности, однако есть неформальный, но очень надежный механизм обеспечения избирательной нестабильности основных субъектов евразийской геополитики подлинно континентального масштаба — евразийская дуга нестабильности. Именно этот механизм и формирует основные параметры геополитического климата в Евразии.

Активизация западного фланга евразийской дуги нестабильности оказывает мощное дестабилизирующее воздействие на восточный фланг. Так, драматические события, которые в настоящее время происходят на Ближнем Востоке, трактуются некоторыми авторитетными экспертами в том числе и как угроза Китаю. В частности, летом 2013 г. в западном регионе КНР, в СУАР, произошли столкновения мотивированных религиозными лозунгами сепаратистов с правоохранительными органами, в результате которых появились человеческие жертвы. По мнению известного российского китаеоведа д.э.н. А.В. Островского: «Данный инцидент является собой попытку обострить ситу-

ацию. Деньги вбрасываются через мусульманские экстремистские организации, что там происходит, всем известно, это в точности как у нас в Чечне или как в Сирии, сценарий одинаковый. Произошедшее надо рассматривать не как отдельное событие, а в непосредственной связи с “арабской весной”» [10]. Позднее, 28 октября 2013 г., выходцы из СУАР, где пустила глубокие корни радикальная сепаратистская организация «Восточный Туркестан», организовали жестокий теракт на площади Тяньаньмэнь в Пекине с использованием шахидов.

О том, что США в обозримом будущем приступят к широкомасштабному переформатированию Западной и Центральной Евразии, заранее писали наиболее компетентные эксперты. Так, авторитетный российский ученый-международник профессор А.Д. Богатуров, анализируя внешнеполитическую стратегию США, еще в 2004 г. совершенно точно определил основные параметры грядущего переформатирования: *«Геополитический смысл — в принципиальном повороте США к реорганизации всего пространства западной и отчасти центральной зон Евразии в интересах придания ему новой государственной и коммуникационной структуры, максимально соответствующей желанным перспективам поступательного развития мировой экономики и национального хозяйства промышленно развитых стран в первых десятилетиях XXI в. По сути дела, речь ведется о перезакладке фундамента для сохранения и совершенствования той модели развития, которая в понимании зарубежной политологии принесла успех Западу и достойна поэтому переноса, с соответствующими модификация-*

ми, в новое столетие... При постановке задачи такого масштаба не думать о естественном сопротивлении материала, т.е. международно-политической страновой среды, невозможно. В меру ясности этого обстоятельства очевидна объективная заинтересованность «мирового ядра» в минимизации возможного сопротивления и, стало быть, в размягчении, разрыхлении среды» [1, с. 20–21]. Спустя почти десятилетие после написания этих строк, анализируя события в Восточной Европе, в Северной Африке, на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, можно полностью подтвердить их справедливость. Очень точно сказано и о «естественном сопротивлении материала» [1, с. 21]. Ставшие доступными позднее поучительные примеры со Слободаном Милошевичем, Саддамом Хусейном, Хосни Мубараком, Муаммаром Каддафи, Башаром Асадом и др. служат красноречивым подтверждением правильности сделанного профессором А.Д. Богатуровым анализа.

Профессор А.Д. Богатуров совершенно справедливо обратил внимание на тогда еще только проявлявшиеся направления изменения характера международных отношений, которые он определил как: 1) «азиатизация НАТО» [1, с. 28] и 2) отход от «*принцип[а] обеспечения международной безопасности на региональной основе*» [1, с. 30]. Только с началом второй декады XXI в., когда с разной степенью интенсивности по всей длине евразийской дуги нестабильности были активизированы местные протестные движения, которые в случае необходимости получали поддержку войск США и НАТО, началось мощное движение, призванное сбросить накопившееся геополитиче-

ское напряжение, стало понятно, насколько он был прав. Наиболее заметные невооруженному глазу события разворачиваются на западном фланге евразийской дуги нестабильности, а в восточном направлении продолжает свою пока скрытую деятельность мощный импульс региональной дестабилизации. В Восточной Азии такого хаоса, как в Северной Африке и на Ближнем Востоке, пока нет, однако ситуация далеко не безоблачная, и в настоящее время активно создается инфраструктура проекции силы.

Насколько прочны позиции КНР в Восточной Азии в преддверии неотвратимо надвигающихся масштабных геополитических перемен? Среди наметившихся к сегодняшнему дню политически значимых трансформаций в Восточной Азии следует обратить внимание на изменение отношения к китайской политике в регионе. После азиатского финансового кризиса 1997 г., и особенно в первой декаде XXI в., Китай однозначно воспринимался как экономический локомотив региона, защитник от произвола и диктата стран Запада, что привело к созданию зоны свободной торговли с десятью странами АСЕАН 1 января 2010 г. с единым рынком товаров и услуг численностью в 2 млрд потребителей!

В то время профессор А.Д. Воскресенский имел все основания сделать следующее заключение: «...Китай создал к сегодняшнему дню такой задел, к которому не смогло приблизиться ни одно другое региональное государство, причем создал этот задел таким образом и действовал так корректно и осторожно, что не вызвал открытого противодействия других государств, и уж тем

более образования какой-либо антикитайской коалиции» [3, с. 48].

Еще в 2009 г. в отношении китайской политики в Восточной Азии господствовали настолько радужные настроения, что, когда в интервью ВВС автор этих строк определил долгосрочную политику Китая как «стратегическую экспансию в южном направлении», что подразумевает соответствующее сопротивление со стороны Вьетнама, то корреспондент вынес эту фразу в заголовок со знаком вопроса [12], наличие которого в моих комментариях не подразумевалось.

С тех пор прошло всего несколько лет, и сегодня в Восточной Азии в отношении политики КНР в регионе господствуют уже совсем другие настроения. Активизировались территориальные споры вдоль всей восточноазиатской дуги нестабильности, которые напрямую затрагивают Китай. В Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии уже в открытую высказывают сомнения в «чистоте намерений» Пекина и пытаются найти геополитический противовес давлению со стороны КНР. Больше всего озабоченности у партнеров из ЮВА вызывает территориальная экспансия КНР в акватории Южно-Китайского моря, где впервые с момента окончания холодной войны наметился масштабный передел сфер влияния с далеко идущими геополитическими последствиями. КНР, пытаясь сдвинуть южный фланг восточноазиатской дуги нестабильности в южном направлении, настаивает на двустороннем формате переговоров по территориальным спорам со странами АСЕАН, однако, поскольку данная проблематика напрямую затрагивает интересы так-

же других региональных и глобальных игроков, очевидно, что обсуждение получит широкий глобальный резонанс и будет использовано как минимум для обсуждения формата создания антикитайской коалиции под эгидой США и при их всемерной поддержке.

Анализируя ситуацию на западном и восточном флангах евразийской дуги нестабильности, можно заметить следующие особенности: чем острее потребность в нефти и больше проблем появляется на Ближнем Востоке, тем меньше корректности наблюдается в конкретных действиях Пекина в направлении установления своего контроля над спорными территориями в акватории Южно-Китайского моря, что вполне предсказуемо вызывает активизацию сопротивления ряда стран ЮВА, которые в своем противодействии Пекину получают существенную поддержку со стороны США. До создания антикитайской коалиции в регионе пока не дошло, но процесс довольно быстро развивается именно в этом направлении. Уже вспомнили про традиционную китайскую стратегию 蚕食 (цань ши)¹, которую на русский язык можно перевести так — «поедать постоянно земли соседей так же, как шелковичный червь листья» тутового дерева [9].

Политика установления китайского контроля над Южно-Китайским морем также получила несколько более или менее политкорректных определений. Самое нейтральное — «У-образная линия» (вьетн. Đường chữ U), затем идет китайский вариант — «Линия девяти черт» (кит. 九段线 (вьетн. Đường chín đoạn) и самое распространенное — «Линия бычье-

¹ Кит. cán shí, вьетн. tằm thực.

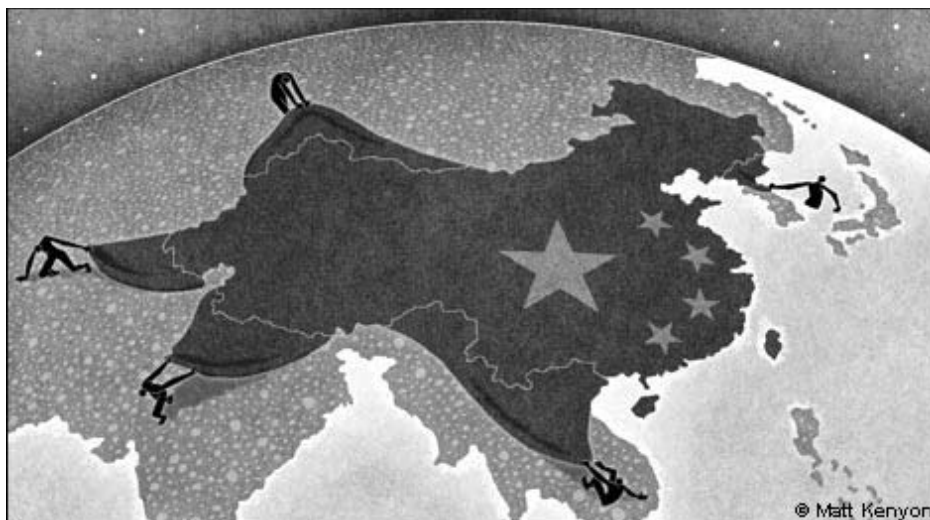

Рис. 1. «Chinese strategic miscalculations in the South China Sea» [16]

го языка» (вьетн. *Đường lưõi bở*), с вполне предсказуемым предложением этот «язык» отрезать или прибить колом к морскому дну. У нас нет информации о том, кто рисует и распространяет эти карикатуры и каково отношение к ним со стороны официальных кругов², однако они имеют важное влияние на формирование общественного мнения и вполне определенного негативного отношения к политике Китая в территориальных спорах по периметру границ КНР в целом и в Южно-Китайском море в частности. В Интернете и различных социальных сетях Вьетнама, самой близкой к Китаю в политическом и культурном отношении стране ЮВА, широкое распространение получили карикатуры, посвященные внешней политике КНР.

Жесткая линия КНР в отношении соседних стран по территориальным спорам в Пекине создает иллюзию «воз-

вращения утраченного» и закрепления возросшего международного авторитета, однако такая политика, очевидно, не внушает оптимизма соседним странам, стимулирует проблематику «китайской угрозы», активизацию антикитайских сил и способствует формированию международной антикитайской коалиции по периметру границ. Этот тезис уже активно используется в пропаганде.

Сюжет карикатуры о политике Пекина в направлении расширения зон влияния вряд ли нуждается в особых комментариях.

Намек на сражения в устье реки Батьданг, где трижды был разгромлен китайский флот в X и XIII вв., содержится в широко растиражированных карикатурах, посвященных экспансии КНР в Южно-Китайском море.

Впервые на реке Батьданг в Северном Вьетнаме флот китайской династии Южная Хань (917–971) был разгромлен вьетнамским полководцем Нго Куеном в 938 г. Суть его замысла состо-

² Ссылки даны на ресурсы, где помещены карикатуры в сети Интернет.

Рис. 2. Карикатура из сети Интернет [15]. Надпись — «Батьдангский кол»

яла в том, чтобы во время отлива вбить в дно реки заостренные сверху деревянные колья такой высоты, чтобы во время прилива их было не видно. Когда китайский флот появился в заливе Халонг, вьетнамцы вступили в бой, а затем с началом прилива по приказу своего главнокомандующего начали отступление, заманивая противника в устье реки Батьданг. Как только начался отлив, вьетнамский флот с подкреплениями перешел к широкомасштабному наступлению, тесня противника к месту заранее подготовленной засады. Тяжелые китайские корабли на скорости налетали на вбитые колья, получали пробоины и тонули. Более половины судов

неприятеля отправились на дно реки. Во второй раз эту хитрость против флота китайской династии Сун (960–1279) в 981 г. применил вьетнамский полководец Ле Хоан, который устроил здесь двойную засаду, используя тактику Нго Куена. В третий раз в 1288 г. в аналогичную засаду в устье реки Батьданг попал флот монгольской династии Юань (1271–1368), которая к тому времени захватила весь Китай и стремилась установить контроль над Вьетнамом, чтобы получить плацдарм для расширения агрессии на Юго-Восточную Азию. Монголо-китайский флот под командованием Омара также заманили в заранее подготовленную засаду во время

прилива, а затем отбросили на вбитые в дно реки колья в ходе яростной контратаки, когда начался отлив. В этот раз с берегов в корабли с полученными от кольев пробоинами еще метали подожженные факелы. Так же как и в X веке, для агрессоров этот бой закончился полным разгромом.

В современном Вьетнаме подробные описания этих битв содержатся в популярной исторической литературе и широко известны в народе. Намек на сражения в устье реки Батьданг содержится в широко растиражированных карикатурах, где в высунутый над Южно-Китайским морем «бычий язык» вбивается батьдангский кол с соответствующей надписью.

Иная версия актуальной карикатуры содержит предложение отрезать распростертый над Южно-Китайским морем, которое по-вьетнамски называется Восточным морем (Biển Đông), «бычий язык». В первой декаде XX в. карикатур, высмеивающих китайскую политику в регионе, во Вьетнаме не было заметно. И это происходит в соседнем социалистическом государстве, где у власти, как и в КНР, находится коммунистическая партия! Что уж говорить про позицию других стран ЮВА, в которых десятилетиями проводилась совершенно иная идеологическая политика.

Все это можно расценивать как проявление определенной информационной политики, направленной на торпедирование «китайского проекта» в регионе. Очевидно, что такая пропаганда не способствует повышению международного авторитета Китая в ЮВА, а также консолидации сил перед очередным раундом надвигающегося передела сфер влияния в регионе. Очевидно,

Рис. 3. Карикатура из сети Интернет, призывающая отрезать «бычий язык» в Южно-Китайском море [13]

что простого решения у этой проблемы нет. Развернувшаяся карикатурная война не помогает спокойному продвижению к взвешенному конструктивному диалогу, стимулируя проблематику постепенного формирования «санитарного кордона» и антикитайской коалиции. Игнорирование политически значимого контента в Интернете и социальных сетях уже плохо закончилось для ряда режимов Восточной Европы и Северной Африки в ходе «цветных революций» и «арабской весны».

Пока что идет «всего лишь» пропагандистская война, и остается надеяться на то, что у субъектов региональной геополитики хватит мудрости не вступать в военные действия друг с другом, поскольку в этом случае масштабным планам потенциальной интеграции ряда стран Восточной Азии под эгидой Китая в том или ином формате будет нанесен тяжелый удар.

Совершенно справедливо отмечал профессор А.Д. Воскресенский, когда писал, что «“китайский фактор” становится одним из важнейших для анализа динамики “стяжения” Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в единый Восточно-Азиатский региональный комплекс безопасности («Большая Восточная Азия»)» [3, с. 48–49]. Действительно, игнорировать «китайский фактор» в современном мире нельзя, однако надо помнить, что рост и возвышение Пекина устраивают далеко не всех и «китайскому фактору» будет оказываться соответствующее противодействие, тем более что, по последним статистическим данным, совокупная доля Азии и Океании в мировом ВВП впервые превысила соответствующие показатели как США, так и ЕС.

Известно, что для торпедирования альтернативных интеграционных проектов, представляющих потенциальную геополитическую угрозу, достаточно эффективно применяются дуги нестабильности. Одна из таких дуг — восточноазиатская дуга нестабильности — как раз и пересекает с севера на юг Восточную Азию, отсекая РФ и КНР от Японии, Тихого океана и ЮВА.

«Для понимания характера политики США в этом регионе мира полезно вспомнить сформулированные Збигневом Бжезинским «три великих императива имперской геостратегии», которые заключаются в «предотвращении сговора между вассалами и поддержании их зависимости в обеспечении безопасности, сохранении покорности и защиты подчиненных, а также недопущении объединения варваров» [11, с. 40]. Следуя этой логике, сама возможность «объединения варваров» под эгидой

какой-либо иной державы в Вашингтоне будет трактоваться как угроза национальной безопасности США со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые очевидно будут предусматривать все виды воздействия с опорой на систему двусторонних договоров об обеспечении безопасности, имеющихся с некоторыми странами Восточной Азии. Обратим особое внимание на формулировку, данную Збигневом Бжезинским: «maintain security dependence among the vassals», т.е. «поддержание зависимости вассалов в обеспечении безопасности». Иными словами, основная задача в Евразии в целом и Восточной Азии в частности состоит в том, чтобы не допустить самодостаточности «варваров» в обеспечении безопасности и всемерно сохранять их зависимость в этой важнейшей сфере. Именно поэтому в регионе также нет «комплексного механизма обеспечения безопасности», поскольку он не нужен Вашингтону как самому влиятельному субъекту глобальной геополитики. Напомним, что в политическом, культурном и религиозном отношении регион Восточной Азии весьма разнообразен, что существенно облегчает дело создания разнообразных противовесов, коалиций и союзов, для сдерживания «угроз» в виде появления влиятельного геополитического конкурента» [7, с. 298–299].

Во времена холодной войны, в период биполярного противостояния двух сверхдержав и их союзников, по мнению З. Бжезинского, было три «центральных стратегических фронта» [11, с. 7], на основе которых позднее были созданы дуги нестабильности. В те годы главную роль играл западный «фронт». Восточный «фронт»

просто фиксировал сложившийся status quo, который был закреплен в ходе войны на Корейском полуострове и двух индокитайских войнах. В это масштабное геополитическое противостояние прямо или косвенно были втянуты СССР, КНР, США, Франция, Япония, Австралия, Республика Корея, Филиппины и др. За десятилетия интриг, закулисной борьбы и открытых столкновений вдоль восточноазиатской дуги нестабильности произошло только одно значимое изменение: удалось «всего лишь» объединить территорию Вьетнама на континенте, оставив архипелаги в Южно-Китайском море на потом. Центральный «фронт» в то время по большому счету представлял собой наследие «Большой игры», которая в данном регионе с разной степенью интенсивности продолжается уже не первый век. После дезинтеграции СССР основное внимание было обращено на укрепление контроля над Восточной Европой, что дало некоторым странам Восточной Азии редкий исторический шанс повысить свой статус, который был грамотно использован. В наши дни на основе разросшегося до беспрецедентных размеров центрального «стратегического фронта», который в период холодной войны был самым коротким, уже сложилась единая евразийская дуга нестабильности, которая не только пролегает через всю Евразию от Восточной Азии до Ближнего Востока, но и пересекает всю Северную Африку, протянувшись в целом от Тихого до Атлантического океана! Геополитических проектов такого масштаба в Евразии еще не было.

События последних лет наглядно демонстрируют, что активизация геополитических процессов на западном

фланге евразийской дуги нестабильности позволяет оказывать существенное воздействие на восточный фланг и наоборот. Дестабилизация богатых углеводородными ресурсами и не очень хорошо защищенных стран Ближнего Востока, а также транзитных регионов позволяет оказывать влияние на темпы развития так сильно зависящего от ближневосточной нефти Китая.

Пытаясь снизить зависимость от нефти из все больше погружающегося в пучину управляемой региональной дестабилизации Ближнего Востока, в октябре 2013 г. китайский лидер Си Цзинпин посетил четыре страны Центральной Азии, где подписал соглашения о вложении в проекты, связанные с разведкой и транспортировкой углеводородов инвестиции на 68 млрд долл. [8], однако, по нашему мнению, не стоит возлагать слишком большие надежды на регион, нависающий в опасной близости над евразийской дугой нестабильности, который к тому же защищен не многим лучше стран Северной Африки.

Попытки диверсифицировать нефтяные потоки происходят на фоне не столько сохранения обозначенных З. Бжезинским восточного и западного «стратегических фронтов», сколько их существенной модернизации и трансформации в полноценные дуги нестабильности. Западный «фронт» по итогам распада советского блока сместился в восточном направлении и «закреплен» вступлением в НАТО новых членов. Как на Западе, так и на Востоке вдоль соответствующих «фронтов» идет строительство европейского и азиатского секторов противоракетной обороны, что мотивируется необходимостью за-

щиты от «ракетной угрозы» со стороны Ирана и Северной Кореи. Несмотря на существенно изменившийся баланс сил в пользу Китая в Восточной Азии, никаких значимых изменений в положении восточноазиатской дуги нестабильности пока не произошло. Стремление КНР усилить свои позиции в регионе Южно-Китайского моря путем смещения южного фланга восточноазиатской дуги нестабильности в южном направлении предвещает более масштабные геополитические последствия, чем результат двух индокитайских войн, которые с 1946 по 1975 г. велись Францией, а затем и США преимущественно во Вьетнаме [7]. Напряженной геополитической борьбе за повышение регионального статуса КНР, а также не менее активному и грамотному противодействию с широким вовлечением в сопутствующие геополитические игры глобальных и региональных игроков будут посвящены грядущие годы, причем ареной этой борьбы станет большая часть Евразии.

По мнению генерал-майора А.И. Владимирова, президента коллегии военных экспертов России, «**Мир** — есть способ исполнения ролей, сформированных последней войной, он формирует потенциал перемен, и это его работа и его дело.

Война — есть способ структуризации, т.е. способ перехода к новой модели архитектуры мира и управления им, способ перераспределения старых и получения (завоевания) новых мест, ролей и статусов государств» [2]. Если анализировать текущую ситуацию в Евразии через призму столь авторитетной точки зрения, то следует признать, что на континенте в целом уже идет полномасштабное перераспределение ролей и статусов субъектов глобальной и региональной геополитики, а его основным инструментом выступает евразийская дуга нестабильности, с той разницей, что бурные события на ее западном фланге в определенном смысле тесно связаны с пока менее заметными процессами на восточном.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. «Стратегия перемальвания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д. Богатуров. М. : УРСС, 2004. С. 20–21, 28, 30, 48.
2. Владимиров А.И. Россия в условиях Четвертой мировой войны. Технологии войн мирного времени / А.И. Владимиров // Плацдарм № 1 (6). 2003. Цит. по: Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Наглый орел. 2007 (Разведка и война в системе США) / Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин. М. : Артстиль-полиграфия, 2007. С. 198–199.
3. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность / А.Д. Воскресенский. М. : ЛЕНАНД, 2006. С. 48–49, 60–61.
4. Габуев А.Т., Мельников К. Сырьевой задаток. Китай готов предоставить России все больше денег / А.Т. Габуев, К. Мельников. URL: <http://kommersant.ru/doc/2326062> (дата обращения: 04.03.2014).
5. Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Операция «Президент». От «холодной войны» до «перегрузки» / Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин. М. : Артстиль-полиграфия, 2010. С. 172–173.
6. Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки / В.Н. Колотов ; отв. ред. В.Н. Колотов. СПб. : Студия НП-Принт, 2013. С. 59–60.
7. Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического

- и экономического развития стран современной Азии и Африки / В.Н. Колотов ; отв. ред. В.Н. Колотов. СПб. : Студия НП-Принт, 2011. С. 289–305.
8. Мануков С. Новый Шелковый путь. Блиц-кампания в Центральной Азии обошлась Пекину в 68 млрд долларов. Китай начал прокладывать новый Шелковый путь на Запад / С. Мануков. URL: <http://expert.ru/2013/10/16/novyyij-shejkovyij-put/?n=667> (дата обращения: 15.03.2014).
 9. Переломов Л.С. Китай и Вьетнам в III в. до н. э. — Китай и соседи в древности и Средневековье / Л.С. Переломов. М. : Наука, 1970. С. 56.
 10. Эксперт: События в Китае нужно рассматривать в контексте «арабской весны». URL: <http://www.pravda.ru/news/world/26-06-2013/1162941-spring-0/> (дата обращения: 15.03.2014 г.).
 11. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. NY: Basic Books, 1997. P. 7, 40.
 12. Chiến lược dài hạn của Trung Quốc? URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2009/05/090513_kolotov_interview.shtml (date of access: 20.03.2014).
 13. Hồng Thất Công — Tuần Quỳnh. Trung Quốc quyết dùng ‘lưỡi bò’ liếm sạch Biển Đông. URL: <http://vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/trung-quoc-quyet-dung-luoi-bo-liem-sach-bien-dong.html> (date of access: 05.03.2014).
 14. Office of The Secretary of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments. Involving the People’s Republic of China 2013. P. 20.
 15. Tạp chí nổi tiếng Science sẽ không đăng bài báo có “đường lưỡi bò”. URL: <http://www.anlackle.com/2011/10/tap-chi-noi-tieng-science-se-khong-dang-bai-bao-co-duong-luoi-bo/>
 16. Weekly Bulletin (24 September — 30 September). URL: <http://nghiencuubiendong.vn/en/weekly-bulletin/740-weekly-bulletin-24-september-30-september> (date of access: 05.03.2014).

Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный

Колотов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

***Аннотация.** Данная статья посвящена общему анализу сложившейся на сегодняшний день ситуации вдоль евразийской дуги нестабильности, а также сравнению геополитических процессов, одновременно протекающих на ее западном и восточном флангах. В настоящее время евразийская дуга нестабильности впервые в истории простирается от Тихого до Атлантического океана и имеет многочисленные ответвления, которые, как щупальца, опутывают попавшие в ее сферу влияния страны и регионы, погружая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации. Фундаментальные геополитические противоречия в Евразии между глобальными и региональными акторами обеспечивают как бесперебойную модернизацию этого «бикфордова шнура», так и его «горение» в направлении с Запада на Восток.*

***Ключевые слова:** евразийская дуга нестабильности, управляемая региональная дестабилизация, «арабская весна», подъем Китая.*

The Current State of the Eurasian Arc of Instability: The Spheres of Influence and the Shift of Instability from the Western to the Eastern Flank

Vladimir Kolotov, Ph.D., Professor, Head of the Department of History of the Far East Countries, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University

Abstract. This article focuses on the general analysis of the present situation along the Eurasian Arc of Instability, as well as comparison of geopolitical processes simultaneously going on its western and eastern flanks. Currently, the Eurasian Arc of Instability for the first time in the history stretches from the Pacific to the Atlantic Ocean and has numerous offshoots, which like the tentacles entangle countries and regions trapped in its sphere of influence, plunging them into the abyss of a long-term controlled destabilization. The fundamental geopolitical contradictions between the global and regional actors in Eurasia provide a permanent upgrade of this “Bickford fuse” and its “burning” in the direction from west to east.

Key words: Eurasian Arc of Instability, Regional controlled destabilization, “Arab spring”, China’s Rise.

References

1. Bogaturov A.D. «Strategija peremalyvanija» v mezhdunarodnyh otnoshenijah i vneshnej politike SShA. M. : URSS, 2004. S. 20–21, 28, 30, 48.
2. Vladimirov A.I. Rossiya v uslovijah Chetvertoj mirovoj vojny. Tehnologii vojn mirnogo vremeni // Placardum № 1 (6). 2003. Cit. po. Drozdov Ju. I., Markin A. G. Naglyj orel — 2007. (Razvedka i vojna v sisteme SShA). Moscow: Artstil’-poligrafija, 2007. S. 198–199.
3. Voskresenskij A.D. «Bol’shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i jenergeticheskaja bezopasnost’. M. : LENAND, 2006. S. 48–49, 60–61.
4. Gabuev A.T., Mel’nikov K. Syr’evoy zadatok. Kitaj gotov predostavit’ Rossii vse bol’she deneg. URL: <http://kommersant.ru/doc/2326062> (date of access: 04.03.2014).
5. Drozdov Ju. I., Markin A.G. Operacija «Prezident». Ot «holodnoj vojny» do «perezagruzki». M. : Artstil’-poligrafija, 2010. S. 172–173.
6. Kolotov V.N. Vostochnoaziatskaja duga nestabil’nosti kak osnovnoj jelement sistemy regional’noj bezopasnosti // Aktual’nye problemy regional’noj bezopasnosti sovremennoj Azii i Afriki / Otv. red. V.N.Kolotov. SPb.: Studija NP-Print, 2013. S. 59–60.
7. Kolotov V.N. V’etnam mezhdru SShA i KNR: Istoriko-politologicheskij analiz sovremennoj geopoliticheskoy situacii v regione // Osnovnye tendencii politicheskogo i jekonomicheskogo razvitiya stran sovremennoj Azii i Afriki. SPb.: Studija NP-Print, 2011. S. 289–305.
8. Manukov S. Novyj Shelkovyj put’. Blic-kampanija v Central’noj Azii oboshlas’ Pekinu v 68 mlrd. dollarov. Kitaj nachal prokladyvat’ novyj Shelkovyj put’ na zapad. URL: <http://expert.ru/2013/10/16/novyy-shelkovyy-put/?n=667> (date of access: 15.03.2014).
9. Perelomov L.S. Kitaj i V’etnam v III v. do n. je. Kitaj i sosedi v drevnosti i srednevekov’e. M. : Nauka, 1970. S. 56.
10. Jekspert: Sobytiya v Kitae nuzhno rassmatrivat’ v kontekste “arabskoj vesny” URL: <http://www.prawda.ru/news/world/26-06-2013/1162941-spring-0/> (date of access: 15.03.2014).
11. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. NY: Basic Books, 1997. P. 7, 40.
12. Chiến lược dài hạn của Trung Quốc? URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2009/05/090513_kolotov_interview.shtml (date of access: 20.03.2014).

13. Hồng Thất Công — Tuấn Quỳnh. Trung Quốc quyết dùng ‘lưỡi bò’ liếm sạch Biển Đông. URL: <http://vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/trung-quoc-quyet-dung-luoi-bo-liem-sach-bien-dong.html> (date of access: 05.03.2014).
14. Office of The Secretary of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments. Involving the People’s Republic of China 2013. P. 20.
15. Tạp chí nổi tiếng Science sẽ không đăng bài báo có “đường lưỡi bò”. URL: <http://www.anlackle.com/2011/10/tap-chi-noi-tieng-science-se-khong-ang.html>
16. Weekly Bulletin (24 September — 30 September). URL: <http://nghiencuubiendong.vn/en/weekly-bulletin/740-weekly-bulletin-24-september-30-september> (date of access: 05.03.2014).

A COMPARATIVE ANALYSIS OF DISPUTE RESOLUTION DYNAMICS IN ASIA

Pawel Voronin

Introduction

The overarching theme of this essay is the question of China's rise to prominence in the international community following the end of the Cold War and whether or not this rise will be peaceful. Growth in economic power and population numbers project that China will become the leading world power within several decades, regardless of the course its government takes.

Historically, power transitions have been accompanied by military conflict as one power seeks to maintain its hegemony and the associated international system underpinning its rule while an emerging power seeks to carve out spheres of influence and change international institutions to suit its interests. This is the realist interpretation of international relations. In fact, realist scholars such as John Mearsheimer insist that China will try to push the US out of the Asia-Pacific region.¹

While the US-China rivalry is about great power competition on a global scale, there is also the question of China's rivalry with regional powers. To the north, it faces Russia, which is re-emerging from the crisis-riddled aftermath of the Cold War to the centre stage of international politics. To the South, India, the world's most populous democracy is rising almost as dynamically as China. To the East and Southeast, China is facing a host of middle powers in Japan, Korea and Australia, as well as an increas-

ingly close-knit group in the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN).

As China grows stronger in the face of its neighbours, we could expect Beijing to become more expansionist.² The PRC has invested heavily in military modernisation, acquiring capabilities to project force beyond the borders of China. Yet, in many territorial disputes, it has refrained from using force to achieve favourable outcomes against often much weaker neighbours. To the contrary, compromises were achieved in several of these disputes. This study seeks to examine why this occurred in some disputes but not others.

Many of the more theoretical texts on the subject have adopted a "billiard-ball" model of interaction between states, with states being portrayed as unitary actors.³ However, in the cases that will be examined here, it becomes evident that different actors and institutions within states need to be taken into account. Any foreign policy move is restricted by domestic issues and the acceptance of foreign policy outcomes by the domestic audience.⁴ Balancing actions within China as well as within the states it has negotiated with are important to understanding the dynamics that led to resolution of some disputes and not others. In the

¹ Tow, W. and Rigby, R. China's Pragmatic Security Policy: The Middle-Power Factor // *The China Journal*. 2011. No. 65. P. 160.

² Mearsheimer, J. China's Unpeaceful rise // *Current History*. 2006. No. 105. P. 160-162.

³ Krasner, S. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables // *International Organisation*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 497-510.

⁴ Putnam, R. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organisation*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427-460.

disputes analysed in this study, we consider tensions within governments, such as the competition between Chinese government agencies in the South China Sea as well as the tensions between Kyrgyzstan's Presidency and Parliament in the country's border dispute with China.

Issues of territory have become one of the main drivers of military confrontation between states.⁵ National borders may lose importance, yet they remain the main cause for armed confrontation between countries. Understanding the dynamics of border disputes therefore increases our understanding of and our ability to prevent violent conflict.

At the same time China is becoming one of the most important countries in the world. It would therefore be useful for the international community to understand the way Beijing operates in territorial disputes in order to prevent the large-scale wars that proponents of the rise of a "revisionist China" expect. Seeing as we have entered a period of power transition and uncertainty under a multipolar world order, understanding territorial dispute settlement around China also helps to shed light on whether such transitions must inevitably lead to armed conflict or under what circumstances this can be avoided.

This study aims to contribute in answering this question through a comparative analysis of resolved and unresolved territorial disputes between China and groups of neighbouring states between 1986 and 2013. It will draw on evidence from previous comparative analysis such as those undertaken by Taylor Fravel⁶ and more issue-specific evidence on the individual cases.

While previous studies have focussed rather exclusively on Chinese behaviour, this text will examine both sides of the dispute. It is true that, as the more powerful state, the decision between compromise and conflict often rests with China. But no dispute can be solved without the will of both sides and even small powers can be very intransigent when it comes to territorial compromise. Furthermore, this study will examine the conflicts in light of regional dynamics, hoping to shed light on their influence in bilateral and multilateral phases in the disputes.

The territorial perspective: Characteristics of the disputed areas

Disagreements over territory have come to be seen as "perhaps the most important single cause of war between states in the last two or three centuries".⁷ Scholars who have analysed the impact of territorial disputes on interstate conflict have found that territory matters for three reasons: "its tangible contents or attributes, its intangible or psychological value, and its effects on a state's reputation".⁸ If this is the case, then states should also be expected to go to war more often over stretches of land that are perceived to be more valuable and be less likely to give up valuable territories to other states. This allows us to define the first independent variable and to form our first hypothesis:

Independent Variable 1: The value of the territory

Hypothesis 1: The higher the value attached to a given territory, the less likely a

Disputes. Princeton: Princeton University Press, 2008.

⁷ Luard, E., *The International Regulation of Frontier Disputes*. New York: Praeger, 1970. P. 7.

⁸ Hensel, P. *Theory and Evidence on Geography and Conflict / What do we know about War?* / edited by John Vasquez. Boulder: Rowman and Littlefield, 2000. P. 2.

⁵ Hensel, P. *Theory and Evidence on Geography and Conflict / What do we know about War?* / edited by John Vasquez. Boulder: Rowman and Littlefield, 2000.

⁶ Fravel, T., *Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial*

state is to compromise it in a territorial dispute

It is difficult to assign numerical values to a given part of territory. While area and population figures can be found, other potential sources of value such as the economic capacity and the exact volume of natural resources the area contains are not easily available. Furthermore, intangible and psychological factors such as the distance to centres of power cannot be easily quantified. Apart from this, the loss or gain to a states' reputation is also not measurable. However, in the case studies considered in this paper we can compare the value attached to the territories and draw connections to whether or not compromises have been reached in the disputes over these territories.

In terms of area, the disputed territories in Central and Northern Asia are far larger than the combined land area of the islands in the South China Sea. However, considering that control of the islands allows states to claim far ranging EEZs in the South China Sea, the latter could be considered as the larger area under dispute. Nonetheless, we should keep in mind that for small states such as Tajikistan, the relatively small area under dispute constituted a sizeable portion of the country.

In terms of natural resources, while the South China Sea promises to contain large reserves of oil and fish resources, territories in Central Asia also contain hydrocarbons. The question of oil and gas exploration illustrates the problematic aspects of analysing territorial values for dispute resolution.

Intransigence in territorial disputes over land containing oil and gas deposits does not actually yield access to these deposits. While China could begin drilling in the South China Sea, it is unlikely to gain

international partners that could provide necessary technologies unless the dispute is settled. In Central Asia, the peaceful settlement of territorial issues has allowed China, Russia and the states of Central Asia to engage in far-reaching agreements over joint exploration of hydrocarbon resources. With reaching a compromise, China may have ceded a large part of disputed territory but has gained partners in its intensifying search for oil and gas.⁹

The benefits of territory can therefore not only be measured by the resources they contain as benefits achieved from cooperation can far outweigh the value of disputed territory. In this regard, the South China Sea is actually less valuable. Economic relations with Southeast Asian states are already established and are not contingent on dispute resolution. Even though escalations in the South China Sea could disrupt bilateral economic relations, the incidents over the last two decades have passed without serious disruptions.

Central Asian states had strong incentives to normalise their relations with China: economic aid, joint development of industry, and new export markets for natural resources and other goods for landlocked countries with few other close by markets and none as dynamically developing as China's. Central Asia has a geographic disadvantage compared to South East Asia, they are landlocked and thus less able to access international markets by sea. Overland, only Russia and China are close, while instability in Afghanistan prevents transit to South Asia. However, it is possible that the benefits are only tangible for elites. While national territory is traded away for other

⁹ Lee, J. China's Geostrategic Search for Oil // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 75-92.

concessions, it is questionable, whether the population benefits or closely knit government circles, as the disagreements between Kyrgyzstan' President and Parliament illustrate. Nonetheless, the psychological value is equally shared between elites and population

In terms of psychological value, the South China Sea seems to be more salient because of the high degree of politicisation of the dispute in China, Vietnam and the Philippines.¹⁰ The disputed territories in Central Asia were both far from Beijing and China's economic and population core along its eastern coastline. However, for Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, the disputed areas were part of their state core, while Russia saw its Far Eastern regions threatened by potential Chinese encroachment.

For these reasons, it is impossible to conclude that there is a marked difference in perceived value between the South China Sea and the territories in Central and Northern Asia. If only China's position is analysed, the latter territories are less valuable both economically and psychologically. And China's compromises in Central Asia can be somewhat explained by this variable. Nonetheless, Xinjiang and Manchuria (especially in its historical dimensions) cannot be discounted easily in value for Beijing. Additionally, if we take the attached values of states other than China into account, the value of territories loses its explanatory power.

Related to the question of value as an explanatory factor is the type of territory under dispute. Quantitative studies show that territorial disputes are more likely to lead to militarised conflict and less likely to

be settled peacefully than maritime or river disputes.¹¹ Again, we cannot find evidence for this explanation to apply to the disputes analysed in this study.

An illustration can be found in the conflicts between China and Vietnam: The two countries fought a fierce border war in 1979. While the confrontation took place along a disputed border, it was not fought mainly for territorial reasons. China had a wider strategic objective of limiting Soviet and Vietnamese expansion in Southeast Asia, most recently in Cambodia, and launched the offensive.¹² Despite a history of confrontations, the border dispute was resolved on Vietnam's initiative in 1999 while the two countries' maritime border in the Gulf of Tonkin was resolved in 2000.¹³ Meanwhile, the dispute over the Paracel Islands continues.

As demonstrated above, neither the value nor the type of territory provide a sufficient explanation for the resolution of territorial disputes between China's northern neighbours and the irresolution of the South China Sea disputes.

Strategic balancing and regional rivalries

Disagreements over territory do not exist in a void free from other political and strategic questions. While negotiators may be occupied solely with the dispute, leaders have to sign the agreements. Their decisions depend not only on the factors within

¹⁰ International Crisis Group. *Stirring up the South China Sea* (II. 2012)

¹¹ Hensel, P. Mitchell, S., Sowers, T., and Thyne, C. *Bones of Contention: Comparing Territorial, Maritime and River Issues* // *The Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 52. No.1. P. 117-143.

¹² Xiaoming, Z. *China's 1979 War with Vietnam: A Reassessment* // *The China Quarterly*. 2005. No. 184. P. 851-874.

¹³ Vuving, A. *Strategic Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways* // *Asian Survey*. 2006. Vol. 46. No. 6. P. 805-824.

the dispute but on larger questions affecting the situation of their states. One of these factors is the presence or absence of a strategic rivalry between the parties:

*“The prevailing idea that contested territorial claims emerge, lead to militarized uses of force when states assert contending claims, and then produce interstate rivalries that occasionally lead to war escalation is not in fact the norm. More commonly, we find that some territorial disagreements are embedded within rivalry contexts and that these are the ones that are most likely to develop into armed clashes.”*¹⁴

Therefore we can analyse whether strategic rivalries and balancing strategies explain the different outcomes found in the two cases.

Independent Variable 2: The presence of strategic rivalries

Hypothesis 2: The stronger strategic rivalries between parties to a territorial dispute, the less likely is a peaceful resolution

In both of the two cases discussed above, strategic rivalries were present. The ideological and strategic struggle between the Soviet Union and China corresponded to decades of irresolution in their territorial dispute. Only with the impending collapse of the USSR a compromise solution became possible. Furthermore, as the strategic rivalry between Russia and China weakened, there emerged a shared concern over the predominance of the United States in the international system. This “unipolar moment”¹⁵ in the early 1990s, when the U.S. assumed a leading role as the

remaining superpower, led Russia and China to look to each other as a counterbalance to the United States. This could mean that the stronger a strategic interest is shared between the parties to a dispute, the more likely a resolution is.

The predominance of the United States was not the only strategic concern shared between Russia, China and the states of Central Asia. As we have discussed in the case study above, the formation of the Shanghai Cooperation Organisation, while emerging from the boundary negotiations, is closely tied to a shared strategic concern with battling separatism and extremism in the region. Additionally, regional organisations create network effects that act in parallel to direct diplomatic ties, further strengthening shared strategic interests.¹⁶ In fact, the SCO can be understood as an alliance that conducts military exercises and aims to increase coordination potentials between the armed forces of regional states. While they are primarily directed against insurgencies, coordination effects apply on a broader scale.¹⁷

Therefore, the successful resolution process in China’s border disputes with Russia and Central Asia could be understood as an effect of shared strategic interests. However, a central motive of regional cooperation in Central Asia is the stability of regimes.¹⁸ Prior to U.S. involvement in Central Asia, unipolarity and the growth of the United States’ status as a remaining su-

¹⁴ Rasler, K. and Thompson, W. Contested Territory, Strategic Rivalries and Conflict Escalation // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 145-167.

¹⁵ Krauthammer, C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70. No.1. P. 23-33.

¹⁶ Dorussen, H. and Ward, H. Intergovernmental Organisations and the Kantian Peace: A Network Perspective // *Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 53. No. 2. P. 189-212.

¹⁷ Castillo, A. SCO: Rise of NATO East? 2008.

¹⁸ Ambrosio, T. Catching the “Shanghai Spirit”: How the Shanghai Cooperation Organisation Promotes Authoritarian Norms in Central Asia // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 8. P. 1321-1344.

perpower was not of much concern to the newly independent states of Central Asia. Even after September 11th, these states largely profited from U.S. presence both in terms of financial and military assistance as well as a balancing factor to the growth of Russian power in the region.

While cooperation with China could be understood as a balancing strategy for Central Asian states that feared Russian predominance, the evidence of the negotiation process (which involved joint delegations under Russian leadership) as well as the emerging regional organisations (in which Russia is a leading member) points in the opposite direction. This means that, from a Central Asian perspective, the strategic rivalry factor is of secondary importance.

The case of the South China Sea provides better evidence for the importance of strategic rivalries. The leading regional format with ASEAN and China is often characterised as a strategic rivalry in itself. The smaller states of Southeast Asia prefer using the multilateral format offered by ASEAN to confront the regional superpower China.¹⁹

This is particularly salient if the U.S. support for ASEAN members is taken into account. In 1951, the United States signed a mutual defence treaty with the Philippines and has extensive partnerships with Thailand. While the islands claimed by the in the South China Sea disputes are not covered by the agreement with the U.S., the strategic rivalry continues over the recent U.S. “pivot” to Asia and its continued support for Japan and Taiwan.²⁰

In China’s disputes with Vietnam, the reduction of strategic rivalry after the col-

lapse of the Soviet Union has led to almost immediate resumption of negotiations and the eventual conclusion of an agreement on the land border and the maritime boundary between the two countries in the Gulf of Tonkin.²¹ Nonetheless, there were no negotiations concerning the status of the Paracel Islands, occupied by China in 1974 and continuing to be under its sole control.

The case of the South China Sea provides evidence to the importance of strategic rivalries in the resolution of territorial disputes. However, China has behaved differently in past disputes along its other borders. Comprehensive studies of China’s behaviour have shown that concerns over regime security are the most important motivator for compromise and that alliances or open rivalries made little difference in Beijing’s stance on territorial disputes.²²

Additionally, concerning the South China Sea we find that increased Chinese moderation seems to come as a response to increased US involvement in Asia.²³ As Beijing is not willing to risk open confrontation with the United States over islands in the South China Sea, it has reduced its assertiveness over the island dispute. However, the main question is over how long this state of affairs will last.

There is a vibrant debate on whether China can be considered a “status-quo” power without territorial ambitions beyond its borders or whether it is a revisionist power seeking to expand its influence and become a regional or even global hegemon

¹⁹ Tow, W. and Rigby, R. China’s Pragmatic Security Policy: The Middle-Power Factor // *The China Journal*. 2011. No. 65. P. 157-178.

²⁰ Dzurek, J. China Occupies Mischief Reef in Latest Spratly Gambit. 1995.

²¹ Vuving, A. Strategic Evolution of Vietnam’s China Policy. 2006.

²² Fravel, T. Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China’s Compromises in Territorial Disputes // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 2. P. 46-83.

²³ Fravel, T. All Quiet in the South China Sea. 2012.

against the background of its growing economic and military power.

Realists like John Mearsheimer argue that the latter development is unavoidable and that China, as a rising power, is doomed to clash with the current hegemon, the United States, eventually.²⁴ Others, like Robert Ross, argue that China is a conservative power that seeks to “consolidate regional trends and promote stability”.²⁵

Evidence for the latter proposition is provided by the resolution process in Central Asia, as discussed in the first case study. The disagreements over borders in Central Asia demonstrated that it is difficult for any side to make an argument based on historic grievances. The Russian Empire’s expansion is named the “longest and widest land corridor of territorial expansion in the history of colonialism”²⁶. Nonetheless, China did not seek to regain lost territories, even in a moment of profound Russian weakness in the early 1990s. Historic rhetoric, while used both in Northeast Asia and in the South China Sea, does not necessarily correspond with political demands. China is defining its moment of maximum expansion much in the same way that Russia is defining territories acquired in the 19th century as its legitimate sovereign territory. Both countries have recognised the futility of engaging in discussions of legitimacy of century-old conquests in today’s international system. Even though governments can score points domestically, the risks to peaceful re-

lations with neighbours outweigh the benefits. This issue has been recognised by Chinese scholars and a change in Chinese historiography has taken place in the 1990s, portraying national borders as the product of an evolutionary process, rather than an unchangeable historic fact.²⁷

In the South China Sea, the strategic rivalry is not only based on historic claims but also on current strategic imperatives for China, the states of Southeast Asia and the United States. If the latter decides to see China’s rise as a threat to its own interests and takes preventive measures, a self-fulfilling prophecy could be the result and China would become the antagonist feared by the U.S.²⁸

If such a confrontation takes place, it will likely be played out in the South China Sea. There is ample evidence that the factor of strategic rivalry explains the lack of dispute resolution over the Paracel and Spratly Islands. At the same time, it only partially explains the success of dispute resolution in Central Asia, where a shared concern over regime security seems to have played a larger role.

Regime insecurity as a motivator for cooperation

Based on analyses of Chinese behaviour in territorial disputes, the question of strategy between compromise, delay and escalation has been found to be related to phases of regime insecurity for Beijing. As a result of uncertainty over its position, the government in Beijing has reacted to internal

²⁴ Mearsheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton, 2001.

²⁵ Ross, R. *Beijing as a Conservative Power* // *Foreign Affairs*. 1997. URL: <http://www.ou.edu/uschina/texts/Ross.97.FA.Beijing%20as%20a%20Conservative%20Power.pdf> (accessed: 23.09.2013).

²⁶ Hauner, M. *What is Asia to Us? Russia’s Asian Heartland Yesterday and Today*. New York: Routledge, 1990. P. 14.

²⁷ Voskressenski, A. *The Difficult Border: Current Russian and Chinese Concepts of Sino-Russian Relations and Frontier Problems*. New York: Nova Science Publishers, 1995. P. 25.

²⁸ Friedberg, A. *Ripe for Rivalry, Prospects for Peace in a Multipolar Asia* // *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 3. P. 5-33.

crises by cooperating in its territorial disputes.²⁹

Independent Variable 3: Regime security

Hypothesis 3: The more insecure the regime of a party to a territorial dispute, the more likely it is to compromise and the more likely a successful resolution

It is difficult to measure regime security. However, we can point to events within the country that have made the government more or less secure in its position of power and legitimacy.

In the case of Central Asia, the Tiananmen Square demonstrations and uprisings in its predominantly ethnic Uighur region of Xinjiang have corresponded with Chinese compromises in territorial disputes in Central Asia. Additional evidence is provided by the fact that China was assured of Central Asian cooperation in limiting ethnic Uighur political groups at home in exchange for Chinese compromises on territory.³⁰

The regime security argument could also be applied to China's neighbours. In the case of the border negotiations in Central Asia, all sides' regimes were insecure, having just emerged into independence. The collapse of the Soviet Union has also led to a political and economic crisis in Russia at the beginning of the 1990s. Compared to the turmoil following the dismantling of the USSR, the regimes of Southeast Asia can be considered relatively stable.

However, it does not appear that fluctuation in Southeast Asian regime security has affected the willingness of these states to compromise in territorial disputes in the South China Sea. The Philippines went

through different administrations and moments of government crises, but with only marginal changes to its negotiating position in the South China Sea disputes. Vietnam has remained relatively stable, although the loss of the Soviet Union as a sponsor has led the country to be more open to negotiations with China over territory that did not include the islands in the South China Sea.³¹ Having already lost the Paracels in 1974, national sentiment is strongly clinging to the territories they still hold. Taiwan is preoccupied with the issues of its own sovereignty and largely aligns its claims to those of the PRC. The evidence so far is inconclusive and a closer examination of Southeast Asian countries is needed to ascertain whether they have changed their position as a result of fluctuations in regime security.

Even applied to China, the regime security argument does not always hold in its position on the South China Sea. The transition to the 5th generation leadership of the Chinese Communist Party constituted a profound moment of insecurity for the regime, sometimes described as "the greatest political upheaval in years".³² The Communist Party faced various challenges from outside, e.g. a rise in protest movements and internet-based criticism of its policies, as well as from within, as the rise and fall of Bo Xilai illustrates. While it is difficult to estimate the intrigues in the Zhongnanhai and the vast apparatus that is the Chinese Communist Party, we can nonetheless assume

²⁹ Fravel, T. Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes. 2005.

³⁰ International Crisis Group. China and Central Asia: Decay and Decline. 2011.

³¹ Vuving, A. Strategic Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways // Asian Survey. 2006. Vol.46. No.6. P. 805-824.

³² Branigan, T. Change is Coming to China but will Beijing lead a Social Revolution? // The Guardian. 2012. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/mar/18/china-beijing-social-revolution> (accessed: 13.08.2013).

that there was a period of regime insecurity as the leadership changed in 2012.

While China did not change its stance to one of compromise, even heightening nationalist rhetoric on the South China Sea disputes, it did become more moderate following a rise in U.S. involvement in Southeast Asia in 2011. The timing of these policy changes is pointing somewhat more in favour of strategic balancing rather than regime security as the most important factor. Instead, China has behaved less assertively even before instability over the leadership transition became apparent, possibly believing that without further escalation the U.S. will not increase its presence in the South China Sea. The signing of the ASEAN Declaration of Conduct declaration is also seen as largely motivated by increased US involvement in 1998.³³

In conclusion, regime security remains the factor that best explains success in Central Asia's territorial disputes and provides a partial explanation for the lack of success in the South China Sea. However, a more thorough consideration of the other Southeast Asian states, Vietnam, Philippines, Malaysia, in this dispute is necessary to understand the impact of this variable. While observing China may yield valuable insights, we must not forget that there is more than one party to any territorial dispute, even though there may be vast power asymmetries between them.

Conclusion

The history of territorial disputes between China and its neighbours to the Northwest and Southeast illustrates the shortcomings of the arguments that China is an expansionist power seeking to regain

lost territories. On the contrary, China seems to remain rooted in the mindset of a "satisfied empire with limited territorial ambitions"³⁴ as under the Qing dynasty.

Nonetheless, China has shown that it is willing and able to achieve its objectives by force, as was seen in the Sino-Soviet border clash of 1969 and the incident with Vietnam over the Paracel Islands. China's military build-up in the South China Sea can be seen as preparing for such a step by making it physically possible as well as by preparing the domestic audience for escalation.

However, this study has shown that other factors that an inherent expansionism play a more important role in whether or not territorial disputes around China are resolved peacefully. The disputes in Central Asia and in the South China Sea have more in common than widely assumed. Similar obstacles existed in Central Asia to those that preclude a breakthrough in the disputes over the South China Sea. At the forefront is a shared interest for joint exploration of the resources these regions have to offer. While the settlement of border disputes paved the way for economic cooperation in Central Asia, economic partnerships in the South China Sea are already strong and growing despite latent tensions.

What seems to preclude the settlement of the South China Sea dispute is a wider strategic rivalry between ASEAN and China. However, we also need to take into account regime security factors for China and possibly other states in Southeast Asia. If the region experiences a crisis that limits the existing economic cooperation, the parties could be forced to come to agreement over the South China Sea. Joint development may become a necessity.

³³ Buszynski, L. ASEAN, the Declaration on Conduct, and the South China Sea. 2003.

³⁴ Kissinger, H. On China. P. 29.

Confrontation between China and the United States over the South China Sea is not inevitable, as concerns over strategic rivalry can be overcome by phases of regime insecurity that prompt China, and possibly the other countries surrounding the South China Sea to an agreement. Further analysis of regime security dynamics in Southeast Asia could shed light on this

problem but are beyond the scope of this study.

As this study has demonstrated, strategic rivalry and regional dynamics matter in the two cases. The implication for the wider discipline of peace and conflict studies is that other disputes may benefit from an analysis in a regional perspective, including not just the two sides but the wider international framework.

Сравнительный анализ динамики разрешения конфликтов в Азии

Павел Воронин, политолог, выпускник магистратуры МГИМО (У) МИД России

***Аннотация.** Изменение положения Китая в международном сообществе после окончания холодной войны и усиление его экономической мощи, рост населения свидетельствуют о скором превращении Китая в ведущую мировую державу вне зависимости от политического курса. Отвечая на вопрос, будет ли подъем Китая мирным, автор проводит сравнительный анализ разрешенных и неразрешенных территориальных конфликтов Китая и соседних государств в период с 1986 по 2013 г. В то время как предыдущие исследования фокусировались на поведении Китая, в данной статье рассматриваются обе стороны конфликтов, а также поведение сторон через призму региональной динамики.*

***Ключевые слова:** Китай, территориальный конфликт, АСЕАН, АТР.*

A Comparative Analysis of Dispute Resolution Dynamics in Asia

Pawel Voronin, Political Scientist, M.A. graduate of MGIMO-University

***Abstract.** China's rise to prominence in the international community following the end of the Cold War, the growth in economic power and population numbers project that China will become the leading world power within several decades, regardless of the course its government takes. The article aims to contribute to answering the question whether this rise will be peaceful through a comparative analysis of resolved and unresolved territorial disputes between China and groups of neighbouring states between 1986 and 2013. While previous studies have focused rather exclusively on Chinese behaviour, this text will examine both sides of the dispute and the behavior of the parties in light of regional dynamics.*

***Key words:** China, territorial dispute, ASEAN, Asia-Pacific region.*

References

1. Ambrosio, T. Catching the «Shanghai Spirit»: How the Shanghai Cooperation Organisation Promotes Authoritarian Norms in Central Asia // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 8. P. 1321-1344.
2. Branigan, T. Change is Coming to China but will Beijing lead a Social Revolution? // *The Guardian*. 2012. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/mar/18/china-beijing-social-revolution> (accessed: 13.08.2013).
3. Buszynski, L. ASEAN, the Declaration on Conduct, and the South China Sea. 2003.

4. Castillo, A. SCO: Rise of NATO East? 2008.
5. Dorussen, H. and Ward, H. Intergovernmental Organisations and the Kantian Peace: A Network Perspective // *Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 53. No. 2. P. 189-212.
6. Dzurek, J. China Occupies Mischief Reef in Latest Spratly Gambit. 1995.
7. Fravel, T. Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes // *International Security*. 2005. Vol. 30. No. 2. P. 46-83.
8. Fravel, T. Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes. 2005.
9. Fravel, T. All Quiet in the South China Sea. 2012.
10. Fravel, T., *Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
11. Friedberg, A. Ripe for Rivalry, Prospects for Peace in a Multipolar Asia // *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 3. P. 5-33.
12. Hauner, M. *What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today*. New York: Routledge, 1990. P. 14.
13. Hensel, P. Mitchell, S., Sowers, T., and Thyne, C. Bones of Contention: Comparing Territorial, Maritime and River Issues // *The Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 52. No.1. P. 117-143.
14. Hensel, P. *Theory and Evidence on Geography and Conflict / What do we know about War?* / edited by John Vasquez. Boulder: Rowman and Littlefield, 2000.
15. Kissinger, H. *On China*. P. 29.
16. Krasner, S. Regimes and the limits of realism: regimes as autonomous variables // *International Organisation*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 497-510.
17. Krauthammer, C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70. No.1. P. 23-33.
18. Lee, J. China's Geostrategic Search for Oil // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 75-92.
19. Luard, E., *The International Regulation of Frontier Disputes*. New York: Preager, 1970. P. 7.
20. Mearsheimer, J. China's Unpeaceful rise // *Current History*. 2006. No. 105. P. 160-162.
21. Mearsheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: Norton, 2001.
22. Putnam, R. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games* // *International Organisation*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427-460.
23. Rasler, K. and Thompson, W. Contested Territory, Strategic Rivalries and Conflict Escalation // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 145-167.
24. Ross, R. Beijing as a Conservative Power // *Foreign Affairs*. 1997. URL: <http://www.ou.edu/uschina/texts/Ross.97.FA.Beijing%20as%20a%20Conservative%20Power.pdf> (accessed: 23.09.2013).
25. Tow, W. and Rigby, R. China's Pragmatic Security Policy: The Middle-Power Factor // *The China Journal*. 2011. No. 65.
26. Voskressenski, A. *The Difficult Border: Current Russian and Chinese Concepts of Sino-Russian Relations and Frontier Problems*. New York: Nova Science Publishers, 1995. P. 25.
27. Vuving, A. Strategic Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways // *Asian Survey*. 2006. Vol. 46. No. 6. P. 805-824.
28. Vuving, A. Strategic Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways // *Asian Survey*. 2006. Vol.46. No.6. P. 805-824.
29. Xiaoming, Z. China's 1979 War with Vietnam: A Reassessment // *The China Quarterly*. 2005. No. 184. P. 851-874.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И РОССИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СЕРБИИ

Е.С. Арляпова

Связь России и Сербии — материка и острова славянской православной культуры — определяется не только в категориях «политической выгоды и конъюнктуры», «экономического прагматизма и интересов» и изначально вряд ли была рождена исключительно «на прагматичной и рациональной основе» [3]. Она проверена временем, передана потомкам по наследству. Сто лет назад особое отношение России к «единым по вере и крови» сербам, ее участие в судьбе Сербии не требовало пространных объяснений: «следуя историческим своим заветам» — говорилось в Высочайшем манифесте от 20 июля 1914 г., объявлявшем о вступлении России в войну с целью «уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав» [12]. Нетрудно заметить, насколько перекликается во многих аспектах текст Манифеста с сегодняшним положением дел. Знаменательной в контексте текущих геополитических реалий выглядит содержащаяся в нем оценка предъявленных Сербии требований как «заведомо неприемлемых для Державного государства».

События, инициировавшие появление Манифеста, лишь открывали цепь колоссальных геополитических потрясений, которые XX столетие принесло миру. Но ни смена режимов, ни глубин-

ный пересмотр идеологий, ни слом самих основ государственного устройства не поменяли восприятие Сербии и сербов в России и России и русских в Сербии. Даже в условиях снижения интереса к внешней политике со стороны значительной части населения России на фоне социально-экономических потрясений и политических трансформаций, поддержка сербов в противостоянии с Западом (достаточно вспомнить Республику Сербскую или Косово) российским общественным мнением была неизменной и безусловной. Опросы россиян во втором полугодии 1998 г. показали высокую осведомленность о географии и хронике конфликта: лишь 14% от числа опрошенных не проявили к нему интереса [5]. При этом симпатии 22% информированных оказались на стороне сербов (для сравнения: албанцев — 5%), а более половины россиян продемонстрировали отсутствие симпатии к обеим сторонам — 59% [6]. Однако эскалация конфликта привела к значительной динамике показателей. Нанесение ракетно-бомбовых ударов по Югославии в 1999 г. «не вызвало особых чувств» у 4% опрошенных, 1% отнеслись к нему с одобрением, 2% — с пониманием; возмущение и тревогу бомбардировки вызвали у 53% и 28% россиян соответственно [8].

Последующие опросы показали устойчивость показателей, включая данные о симпатиях россиян. В част-

ности, это подтверждают и результаты опроса 13–14 сентября 2008 г. по вопросу суверенитета Косово, которые эксперты назвали прямым следствием признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии [15]. Тогда — с марта по сентябрь 2008 г. — число готовых поддержать отделение и признание Косово россиян выросло с 15% до 31% (впрочем, число противников признания при этом сократилось во все незначительно: с 41% до 38% [7]). При этом было зафиксировано сохранение тенденции «большого сочувствия сербам» в данном конфликте. В десятую годовщину бомбардировок Белграда лишь 16% россиян считали, что России не стоило вмешиваться в югославский кризис [13]. Подавляющее же число респондентов полагали, что Россия должна была выступать посредником в переговорах и добиваться урегулирования косовской проблемы невоенными средствами. Немного отстают показатели сторонников полномасштабной гуманитарной, а также военной и иной помощи. В данном свете передающим всю суть особого отношения и очень искренним было прозвучавшее в Народной скупщине признание В. Путина о том, что в России теплые чувства к Сербии и приверженность дальнейшему развитию российско-сербских отношений — «это действительно абсолютный национальный консенсус» [2].

Еще одно важное для нас наблюдение: в результатах приведенных и промежуточных опросов неизменна картина восприятия событий в Сербии как «ослабления позиций России на Балканах» (средний показатель — 20%). Уход России с Балканского полуострова до сих пор воспринимается весьма болез-

ненно, как иллюстрация утраты международного престижа, как факт поражения от Североатлантического альянса и США. Это дает основания ряду экспертов проводить прямые параллели между событиями конца 1990-х гг. в Сербии, ростом антиамериканских настроений в России [4] и даже коррекцией внешнеполитического курса в долгосрочной перспективе. Впрочем, противников данной точки зрения не меньше [35; 23, с. 97]. В своей аргументации они апеллируют к заявлениям команды Б. Ельцина в 1993–1994 гг. об особых интересах России в «ближнем зарубежье», а также к инициативе самого президента по получению особых полномочий для России для обеспечения мира и стабильности на бывшем советском пространстве [23, с. 98].

Так или иначе, но в 2000 г. экспертная группа по России палаты представителей 106-го Конгресса США представила данные об угрожающе стремительном падении благожелательного отношения россиян к США: до 37% с 70% [10] (на момент вступления Б. Клинтона в должность). По мнению экспертов, Президент США стал одной из наименее популярных фигур в России, «уступив только Саддаму Хусейну» [10]. Прозападные аналитики еще менее охотно, чем собственно западные, признают роль балканской тематики в переориентации России и, как правило, избегают употребления словосочетания «традиционная поддержка» (traditional support) в описании российско-сербских отношений, которое, кстати, и воспринимается вполне органично, и фигурирует часто в литературе и СМИ. Но, отдавая должное фактам, пусть в собственной интерпретации, иссле-

дователи констатируют: «...косовский кризис облегчил консолидацию российских традиционалистов и возрождение в общественном сознании России старых мифов и эмоций. Именно Балканы в целом и Косово в частности стали для российских традиционалистов средством и одновременно поводом возвратиться в советскую геополитическую нишу» [23, с. 111].

Несомненно, геополитическая карта всего мира менялась вместе с изменениями в положении дел доминирующего политического игрока на континенте и в зависимости от них, даже когда речь шла об утрате былого могущества. Последствия, в том числе территориальные, этой утраты по сей день оказывают значительное влияние на динамику геополитических процессов в Евразии. Но если на рубеже веков можно, условно говоря, фиксировать одностороннее перекраивание постсоветского пространства, в частности в Европе, то к концу первой декады нынешнего столетия процесс реорганизации усложнился внешнеполитической активизацией и, главное, заявленной переориентацией ранее самоустранившегося игрока — России.

Для «западных партнеров» это означает, что стратегическая задача сдерживания потенциала восточного соседа перестает быть фоновой, а «российский фактор» вновь становится одним из самых значимых в международной политике. Об этом говорит беспокойная реакция ряда стран западного сообщества на любые попытки России активизироваться во внешнеполитической сфере [27; 28, с. 33–52; 33]: от публичных обсуждений теоретических аспектов и заявлений о намерениях до практических

шагов по тому или иному вопросу. Сочетание этих факторов определяет суть и, собственно, составляет ныне геополитические реалии региона.

Для России и Сербии, как, впрочем, и для Европы в целом, общей по степени актуальности, по принципиальной заинтересованности в итогах, уровню вовлеченности и дискуссионному потенциалу является проблема организации постсоциалистического пространства. С недавнего времени в формате обсуждения этой проблемы стало возможным говорить об иной модели развития, альтернативной той, что ранее мыслилась единственной формой безопасного и достаточно привлекательного во всех отношениях существования и устройства. Идея Евразийского союза, при всем скепсисе и неутрахающих дебатах вокруг дальнейшей судьбы, лишила Европейский союз прерогативы безальтернативного, а значит, и внеконкурентного предложения по реализации интеграционных устремлений постсоциалистических государств. Теперь статус кандидата в члены Евросоюза — действительно лишь одна из возможностей «поменять международный образ Сербии» [30].

Говоря об альтернативных путях современного развития, следует отметить, что выбор между «Европой» и «не-Европой» позиционировался как стратегическая необходимость в разное время, как в России, так и в Сербии. Для нашей страны это в какой-то степени этап пройденный, для Сербии — самый насущный. Во всяком случае, именно так подается вопрос сербской обществу ответственности представителями правящей элиты страны. СМИ как заклинание тиражируют заявление премьер-министра

И. Дачича о том, что у Сербии «нет много времени на ожидание», вкуче с заверением, что «его страна станет следующим членом Европейского союза» [34], и убежденностью, что путь их «бесповоротен» [34]. Премьер также утверждает, что «альтернативы членству в ЕС нет», и объясняет спешку 25% безработицы [37], 65% ВВП к 1989 г. [34], отсутствием иностранных инвестиций по причине того, что Сербия еще не стала «частью современного мира». Оценка экономической ситуации не вызывает возражений у обозревателей *The Economist* (но с бóльшим показателем безработицы — 27% [34]), отмечающих концентрацию усилий политиков исключительно на предвыборной борьбе. В силу чего большинству сербов остается разделять надежды другого члена сербского кабинета министров, А. Вучича, на искусность в экономике «выделенного» Сербии в качестве консультанта правительства экс-главы МВФ Д. Стросс-Кана. В отличие от главы правительства Сербии, *The Economist* прекрасно видит альтернативу модели европейской интеграции, анализ российских инициатив редко обходится без упоминания интеграционного проекта [31].

Вряд ли есть смысл подробно останавливаться на доминирующих трактовках различных векторов развития в самой Европе и у основного внерегионального игрока — США. Они сводимы к простым схемам: путь с Европой — это поступательное развитие в демократическом русле (прогресс), путь без Европы — стремительное обратное развитие, изоляция и регресс. Причем «путь без Европы» автоматически становится путем против Европы (ЕС) и ее партнеров. Отдельной строкой идет «худший» в

восприятии и оценке вариант — это разновидность пути вне и без ЕС, усложненная созданием альтернативного сообщества государств.

Квинтэссенцией негативного отношения западных стран к подобному рода инициативам прозвучало известное заявление госсекретаря США Х. Клинтон, сделанное в конце 2012 г. в Дублине, вызвавшее, пожалуй, всю палитру возможных откликов в России: от негодования до спокойной уверенности [32]. Напомним, госсекретарь США не только дала свою оценку проекту (как попытке воссоздания Советского Союза), но и заявила о том, что Соединенные Штаты будут искать эффективные пути замедления или предотвращения его реализации. По меткому замечанию аналитиков, «это не было похоже на разговор с союзником» [25], а Россия и США являлись не просто союзниками: страны находились в активной фазе «перезагрузки» отношений, призванной исправить допущенные ошибки в выстраивании двустороннего партнерства.

Геополитический «крен» России в направлении от приоритетного партнерства с Европейским союзом тоже не состоялся сиюминутно. Еще совсем недавно, в 2005 г., много надежд и ожиданий было порождено кажущимся «прорывом» в отношениях между Россией и единой Европой. Тогда «строились оптимистические сценарии того, как будет происходить отмена визового режима, каким образом будет осуществляться гармонизация законодательства сторон, какие институциональные формы может приобрести заявленное «стратегическое партнерство между Европейским союзом и Россией» [29]. «Сегодня, — отмечает бывший министр

иностранных дел России, ныне президент Российского совета по международным делам И. Иванов, — количество оптимистов в Москве и Брюсселе существенно поубавилось» [9, с. 2–3]. Ориентиром, базой для формирования равноправных и взаимовыгодных отношений между Россией и Европейским союзом в рамках декларируемого стратегического партнерства, остаются все те же утвержденные на саммите Россия — ЕС 2005 г. «дорожные карты», которые в свое время и явились поводом для больших надежд.

«Время обновления», итогом которого стало Совместное заявление о запуске переговоров по Новому базовому соглашению Россия — ЕС в июне 2008 г., довольно быстро сменилось паузой, «как казалось, технической, связанной с переходом в финальную фазу параллельного переговорного процесса о вступлении России в ВТО» [9, с. 3]. Однако и ранее «переговорный процесс дважды прерывался по причинам, имевшим в лучшем случае косвенное отношение к предмету переговоров» [22], — считает постоянный представитель России при ЕС В. Чижов. Не скрывая разочарования, российская сторона заключила: «Мы не готовы поступиться балансом интересов. Подходы, основанные на попытках добиться от России односторонних дополнительных уступок, нас не устраивают» [22].

В данном свете стоит отметить, что опыт Сербии, где «следование вектору евроатлантической интеграции не просто потребовало от Белграда политических уступок и репутационных издержек», но и «привело к потере части исторической родины» [22], активно востребован в российской экспертной и

политической среде в рамках обсуждения ситуации вокруг проекта стратегического партнерства России с Европейским союзом. Не только евроскептики, но и сторонники сближения с Европой объективно оценили достигнутый уровень сотрудничества России и Евросоюза как не соответствующий потенциалу и статусу сторон. Таким образом, долгий и весьма непростой путь, проделанный к Европе, справедливо уложился в короткий экспертный вывод: принадлежность к европейской культуре и ментальности не означает, что «из-за них наша судьба намертво связана только с Европой» [16].

Об упущенных возможностях говорил на Совещании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях в июле 2012 г. Президент России В. Путин: «Мы с Европой могли бы поставить амбициозные цели, гораздо более амбициозные, чем ставятся сегодня» [17]. При этом он не обошел вниманием и рост «элементов напряженности и неопределенности» [17] в сфере международных отношений, в частности, для Российской Федерации. На Совещании также прозвучала тема «дефицита новых моделей развития на фоне эрозии лидерства традиционных экономических локомотивов (таких как США, ЕС, Япония)» [17, с. 2]. К этому моменту — 1 января 2012 г. — уже был дан старт проекту Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. Его предваряла резонансная статья В. Путина, опубликованная в «Известиях» в октябре 2011 г. и собственно представлявшая миру и читающей публике новый интеграционный проект [18].

Содержание статьи, ее авторство — все вкупе дало повод трактовать пред-

ложенную альтернативную модель интеграции и развития исключительно с позиции политической воли действующего лидера, а не объективных территориальных, экономических и, конечно, политических причин. С учетом имеющихся разногласий между Россией и сообществом западных стран по ряду текущих вопросов, к уже упомянутой мотивации выдвинутой инициативы были добавлены геополитические амбиции России и амбиции в сфере обеспечения международной безопасности — такая формулировка была разработана на семинаре в Heritage Foundation под выразительным названием «Российский Евразийский союз может угрожать соседним странам и интересам США» [36].

При этом из фокуса внимания полностью выводятся «неудобные» факторы: долгосрочные торговые-экономические связи, совместные бизнес-проекты, историко-культурное тяготение (как с Белоруссией, например), общее прошлое и память, общие границы, наконец. Для самих государств-участников в основе решений о присоединении лежат именно эти факторы, а не стремление содействовать пересмотру геополитического статуса РФ. В неприятии факта появления альтернативной интеграционной модели забывается роль, которую в инициировании данного варианта интеграции наряду с Россией сыграл, например, суверенный Казахстан. Игнорируется общественное мнение, к слову, систематически отслеживаемое в странах — участниках Союза и странах, еще не присоединившихся к нему.

В декабре 2006 г. были обнародованы результаты шестой волны опросов

населения России, Белоруссии, Казахстана и Украины. Итоги были представлены Международным агентством «Евразийский монитор», а исследования проведены разными исследовательскими организациями. Идею объединения бывших союзных республик поддержали 51% от числа респондентов в России, 45% — в Украине, 36% — в Белоруссии, против высказались 22, 25 и 32% соответственно. В объединенном союзе России, Белоруссии, Казахстана и Украины хотели бы жить: 21% граждан России, 32% — Белоруссии, 23% — Казахстана, 34% — Украины. На такой же вопрос о Евросоюзе положительно ответили: 14% в России, 21 — в Украине, 18 — в Белоруссии и 15% — в Казахстане [20]. Ежегодно мониторинг предпочтений жителей России и целого ряда стран СНГ проводит Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). По данным на 2011 г., 48% граждан России поддерживали создание интеграционного объединения на постсоветском пространстве [19]. Причем вариант восстановления СССР на добровольной и равноправной основе стал абсолютным лидером в соревновании с Таможенным и Евразийским экономическим союзами.

В первую очередь поэтому «углубление интеграционных процессов на пространстве СНГ» названо В. Путиным «сердцевиной нашей внешней политики» [17]. Причем «самостоятельной и независимой» внешней политики [17]. Это очень важный аспект в современных условиях. Некоторые эксперты ставят вопрос жестче — «объединиться или потерять суверенитет», считая, что «вне евразийского партнерства — будь то на Западе или на Востоке — шансов сохра-

нить самостоятельность у стран бывшего СССР нет» [14; 1].

Борьба за суверенитет тоже часть геополитических реалий нашего времени. Так же как борьба за монополию на идеи и модели развития. Евразийский союз оспаривает монопольное право общества западных стран определять пути, условия и успех дальнейшего развития других государств, прежде всего стран постсоциалистического пространства. Таких, как исторический союзник России, ее «форпост» на Балканах — Республика Сербия. Готовность к борьбе за суверенное право самостоятельно, свободно решать судьбу своей страны и своего народа, выбирать и отстаивать собственный путь развития ей пришлось доказывать в тяжелейших условиях. Многие аналитики сходятся во мнении, что «по отношению к Сербии со стороны Запада компромисс и равноправный диалог были исключены еще с 1991 года» [21]. За плечами у сербов опыт существования в жестких рамках многолетних санкций (1584 дня!), почти непрерывного политического «шантажа, угроз, глобальной антисербской пропагандистской кампании» [22], прямой международной агрессии в 1999 г. и ее катастрофических последствий. Это плата за суверенитет, за отказ от внешнего управления. Стране-преемнице социалистической Югославии, одному из инициаторов и активных членов Движения неприсоединения

(а это уникальный опыт), вдвойне, втройне сложнее поступиться собственным суверенитетом, свыкнуться с мыслью о его утрате, неминуемой уже на этапе переговоров о возможности интеграции в Европейский союз.

Общественный консенсус, о котором много говорят применительно к Сербии представители вовлеченных структур Евросоюза, на сегодняшний день достигнут, по крайней мере, по одному пункту. Ратующие за независимость и суверенитет страны евроскептики и непримиримые сторонники жесткой линии на интеграцию в ЕС сходятся в том, что сейчас «перед Сербией вновь стоит выбор, каким будет ее будущее» [24]. Радует, что в стремлении сделать лучший для Сербии и региона выбор интеллектуалы ставят перед собой, обществом и государством «основополагающий вопрос — насколько совпадают интересы США и Западной Европы» [24] с интересами самих Балкан.

В условиях кризиса и проблем, которые переживает сам Евросоюз: экономических, социальных, демографических, культурных, — этот вопрос приобретает в Сербии и для Сербии новое звучание и новую актуальность. Современная ситуация более, чем когда-либо, располагает к отходу от поспешных решений, к взвешенному анализу и открытому обсуждению на самых широких площадках различных интеграционных моделей. Главное — сделать правильный выбор.

Список литературы

1. Бордачев Т.В. Евразийский союз: интеграция ради суверенитета / Т.В. Бордачев // Ведомости. 02.10.2013. № 181 (3443).
2. В.В. Путин встретился с руководством Народной скупщины Республики Сербии. 23.03.2011. URL: <https://putin.ru/russiannews/67-putin-news-lines/17759-vvputin-vstretilsya-s-rukovodstvom-narodnoy-skupshini-respubliki-serbii.html> (дата обращения: 01.03.2014).
3. Вучич А. Сербия хочет сохранить то, что ей принадлежит / А. Вучич // Интервью. Радиостанция «Голос России». 23.05.2013. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_05_23/Aleksandr-Vuchich-Serbija-hochet-sohranit-to-chto-ey-prinadlezhit/ (дата обращения: 23.05.2013).

4. ВЦИОМ: Все меньше россиян дают позитивную оценку отношениям с США // Взгляд. 25.02.2013.
5. Данные всероссийских опросов ВЦИОМ. 15.06.1998, 15.10.1998. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=499&q_id=36526&date=15.06.1998, http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=400&q_id=32361&date=15.10.1998 (дата обращения: 01.03.2014).
6. Данные Всероссийского опроса ВЦИОМ. 15.10.1998. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=400&q_id=32361&date=15.10.1998 (дата обращения: 01.03.2014).
7. Данные Всероссийского опроса ВЦИОМ. 13–14.09.2008. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=10738> (дата обращения: 01.03.2014).
8. Данные Всероссийского опроса ВЦИОМ. 28.02.1999. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=520&q_id=37432&date=28.02.1999 (дата обращения: 01.03.2014).
9. Иванов И. Россия и Европа — возможен ли прорыв в отношениях? / И. Иванов // *Международная жизнь*. 2012. № 1. С. 2–3.
10. *Коммерсант*. 22.09.2000. № 177.
11. Лукьянов Ф. Европа возвращается к Америке / Ф. Лукьянов // *Россия в глобальной политике*. 18.07.2013.
12. Манифест Николая II о вступлении России в войну. 20 июля 1914 г. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/06-113-manifest-nikolay-ii.shtml> (дата обращения: 01.03.2014).
13. НАТО против Югославии: десять лет спустя // Хранитель (медиапортал о безопасности). 25.03.2009. URL: <http://www.psj.ru/news/detail.php?ID=16121> (дата обращения: 01.03.2014).
14. Объединиться или потерять суверенитет // *Россия в глобальной политике*. 04.10.2013.
15. Побочный эффект // *Время новостей*. 22.09.2008. № 174.
16. Пономарева Е.Г. Балканы как зона (дез)интеграции / Е.Г. Пономарева // *Развитие и экономика*. 2013. № 5. С. 82.
17. Путин В. Выступление на Совещании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях (Москва, 09.07.2012 г.) / В. Путин // *Международная жизнь*. 2012. № 7. С. 5, 6.
18. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня / В. Путин // *Известия*. 04.10.2011.
19. Россия и страны бывшего СССР: если интегрироваться, то с кем? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1884. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112086> (дата обращения: 01.03.2014).
20. *Русский Вестник*. 22.12.2006.
21. Филимонова А. Путин: битва за Сербию / А. Филимонова // *Фонд стратегической культуры* (электронное издание). 24.03.2011. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/03/24/putin-bitva-za-serbiju-2549.html> (дата обращения: 01.03.2014).
22. Чижов В. Стратегическое партнерство Россия — ЕС: еврокризис — не повод для передышки / В. Чижов // *Международная жизнь*. 2012. № 6. С. 28.
23. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л. Шевцова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 97.
24. Bataveljic D. Serbia on the way towards a larger European Union // *Проблемы нанационалната и международната сигурност*. Т. 3. Велико Търново: «ИВИС», 2012. С. 50.
25. Clover Ch. Clinton vows to thwart new Soviet Union // *Financial Times*. 06.12.2012.
26. Đačić expects «historic day for Serbia, EU». URL: http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2013&mm=06&dd=27&nav_id=86770 (date of access: 01.03.2014).
27. Frydenborg B. Why Russia is the Tea Party of International Politics? URL: <http://www.policymic.com/> (date of access: 03.09.2013).
28. Larrabee S. Russia, Ukraine, and Central Europe: The Return of Geopolitics // *Journal of International Affairs*. Vol.63, No.2, Spring/Summer 2010: Rethinking Russia. P. 33–52.
29. Lozansky E., Sieff M. Don't Fear a Eurasian Union // *The Moscow Times*. 02.07.2013.
30. Marinkov S. Serbia: Reactions and attitudes towards EU candidate status. URL: <http://civiltrustbuilding.eu/ctb/serbia-reactions-and-attitudes-towards-eu-candidate-status/> (date of access: 01.03.2014).
31. Nasty fight ahead // *The Economist*. 28.09.2013.
32. Preening // *The Economist*. 28.09.2013.
33. Schultz W. Russia: back to superpower? // *Euronews*. 2012. March, 1.

34. Serbian Prime Minister: We will be next to join European Union // CNN. 03.10.2013. URL: <http://www.cnn.com/2013/10/03/business/serbian-prime-minister-dacic-eu-membership/> (date of access: 01.03.2014).
35. Sherr J. Russia and the West: A Reassessment. The Shrivenham Papers, №6. Defense Academy of the United Kingdom. 14.01.2008.
36. The Moscow Times. 02.07.2013.
37. There is no alternative to EU membership — PM Ivica Dacic // In Serbia. 27.06.2013.

Геополитические реалии и российский интеграционный проект: возможности для Сербии

Арляпова Елена Сергеевна, докторант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ, кандидат политических наук

***Аннотация.** В статье анализируется значение культурно-исторической близости в развитии отношений России и Сербии. Автор обращает внимание на устойчивость таких связей. В этой связи исследователем отмечается, что выдвижение Россией евразийской интеграционной инициативы открывает для постсоциалистических стран, и в том числе для Сербии, новые возможности. Если с начала 1990-х гг. они могли связывать (порой неоправданно) перспективы своего развития только с Западом, и прежде всего с Европейским союзом, то теперь они могут подключиться к российским инициативам. Такой вариант позволит им избежать утраты собственного суверенитета. При обосновании выводов статьи активно используются социологические данные, в том числе сведения общественных опросов о предпочтениях населения отдельных постсоциалистических стран. Кроме того, в работе анализируются выступления по внешнеполитической тематике руководителей России и Сербии.*

***Ключевые слова:** интеграция, постсоциалистическое пространство, Сербия, Евразийский союз, Россия.*

Russian Integration Initiatives through a Geopolitical Perspective: Opportunities for Serbia

Elena Arlyapova, Ph.D., Department of Comparative Politics,
School of Political Affairs, MGIMO-University

***Abstract.** The article claims that cultural and historical ties between Russia and Serbia have crucial effect on their political interactions. The author highlights continuity of the special relations between the two countries. From this perspective the article assesses prospects available for Post-Communist countries, including Serbia related to the Eurasian integration initiative presented by Moscow. While starting from the beginning of 1990s Belgrad could have associated its development entirely with the West and with the European Union primarily, today it could also attempt to join Russian initiatives. This option will enable this country to avoid the loss of its sovereignty. The article heavily relies on sociological studies, including results of opinion surveys conducted in several Post-Communist countries. Moreover, it examines statements of Russian and Serbian politicians.*

***Key words:** integration, Post-Socialist Area, Serbia, Eurasian Union, Russia.*

References

1. Bordachev T.V. Evraziyskiysoyuz: integratsiaradisuvereniteta // *Vedomosti*. 02.10.2013. № 181 (3443); *Ob'edinit'sya ili poteryat' suverenitet // Rossia v globalnoi politike*. 04.10.2013.
2. V.V. Putin vstretil'sya s rukovodstvom Narodnoi skupshiny Respubliki Serbii. 23.03.2011 // <https://putin.ru/russian/news/67-putin-news-lines/17759-vvputin-vstretil'sya-s-rukovodstvom-narodnoy-skupshini-respubliki-serbii.html> (date of access: 01.03.2014).
3. Vucic A. Serbia hochet sohranit to, chto ei prinadlezhit // Interview. Radiostanitsiya "Golos Rossii". 23.05.2013. URL: http://rus.ru/2013_05_23/Aleksandr-Vuchich-Serbija-hochet-sohranit-to-chto-ej-prinad-lezhit/ (access date: 23.05.2013).
4. VCIOM: Vse menshe rossian dayut pozitivnyuyu otsenku otnosheniyam s SSHA // *Vzglyad*. 25.02.2013.
5. Dannye Vserossiiskih oprosov VCIOM. 15.06.1998, 15.10.1998. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=499&q_id=36526&date=15.06.1998, http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=400&q_id=32361&date=15.10.1998 (date of access: 01.03.2014).
6. Dannye Vserossiiskogo oprosa VCIOM. 15.10.1998. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=400&q_id=32361&date=15.10.1998 (date of access: 01.03.2014).
7. Dannye Vserossiiskogo oprosa VCIOM. 13–14.09.2008. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=10738> (date of access: 01.03.2014).
8. Dannye Vserossiiskogo oprosa VCIOM. 28.02.1999 (?). URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=520&q_id=37432&date=28.02.1999 (date of access: 01.03.2014).
9. Ivanov I. Rossia i Evropa — vozmozhen li proryv v otnosheniyah? // *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2012. № 1. S. 2–3.
10. *Kommersant*. 22.09.2000. № 177.
11. Lukyanov F. Evropa vozvrashaetsya k Amerike // *Rossia v globalnoi politike*. 18.07.2013.
12. Manifest Nikolaya II o vstuplenii Rossii v voynu. 20 iyulya 1914 g. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/06-113-manifest-nikolay-ii.shtml> (date of access: 01.03.2014).
13. NATO protiv Yugoslavii: desyat let spustya // *Khranitel (Mediaportal o bezopasnosti)*. 25 marta 2009 g. URL: <http://www.psj.ru/news/detail.php?ID=16121> (date of access: 01.03.2014).
14. *Ob'edinit'sya ili poteryat' suverenitet // Rossia v globalnoi politike*. 04.10.2013.
15. *Pobochny effect // Vremya novostei*. 22.09.2008. № 174.
16. Ponomareva E.G. Balkanikakzona (dez)integratsii // *Razvitie i ekonomika*. 2013. № 5. S. 82.
17. Putin V. Vystuplenie na Soveshchanií poslov i postoyannykh predstavitelei RF pri mezhdunarodnykh organizatsiyah. Moskva. 09.07.2012 // *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2012. № 7. S. 6.
18. Putin V. Noviy intergatsionniy proekt dlya Evrazii — budushee, kotoroe rozhdetsya segodnya // *Izvestia*. 04.10.2011.
19. Rossiya i strany byvshego SSSR: esli integrirovat'sya, to s kem? VCIOM. Press-vypusk № 1884. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112086>. (date of access: 01.03.2014).
20. *Russkiy Vestnik*. 22.12.2006.
21. Filimonova A. Putin: bitva za Serbiyu // *Fond strategicheskoi kultury (elektronnoe izdanie)* 24.03.2011. URL: <http://www.fondsk.ru/pview/2011/03/24/putin-bitva-za-serbiju-2549.Html> (date of access: 01.03.2014).
22. Chizhov V. Strategicheskoe partnerstvo Rossia — ES: evrocrisis — ne povod dly aperedyshki // *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2012. № 6. S. 28.
23. Shevtsova L. Odinskaya derzhava: Pochemu Rossia ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom. M. : ROSSPEN, 2010. S. 98.
24. Bataveljic D. Serbia on the way towards a larger European Union // *Problemi natsionalnata i mezhdunarodnata sigurnost*. T. 3. Veliko Tyrново: IVIS, 2012. P. 50.
25. Clover Ch. Clinton vows to thwart new Soviet Union // *Financial Times*. 06.12.2012.
26. Dacic expects «historic day for Serbia, EU». URL: http://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2013&mm=06&dd=27&nav_id=86770 (date of access: 01.03.2014).
27. Frydenborg B. Why Russia is the Tea Party of International Politics? URL: <http://www.policymic.com/> (date of access: 03.09.2013).
28. Larrabee S. Russia, Ukraine, and Central Europe: The Return of Geopolitics // *Journal of International Affairs*. Vol.63, No.2, Spring/Summer 2010: Rethinking Russia. P. 33–52.

29. Lozansky E., Sieff M. Don't Fear a Eurasian Union // The Moscow Times. 02.07.2013.
30. Marinkov S. Serbia: Reactions and attitudes towards EU candidate status. URL: <http://civilttrust-building.eu/ctb/serbia-reactions-and-attitudes-towards-eu-candidate-status/> (date of access: 01.03.2014).
31. Nasty fight ahead // The Economist. 28.09.2013.
32. Preening // The Economist. 28.09.2013.
33. Schultz W. Russia: back to superpower? // Euronews. 2012. March, 1.
34. Serbian Prime Minister: We will be next to join European Union // CNN. 03.10.2013. URL: <http://www.cnn.com/2013/10/03/business/serbian-prime-minister-dacic-eu-membership/> (date of access: 01.03.2014).
35. Sherr J. Russia and the West: A Reassessment. The Shrivenham Papers, №6. Defense Academy of the United Kingdom. 14.01.2008.
36. The Moscow Times. 02.07.2013.
37. There is no alternative to EU membership — PM Ivica Dacic // In Serbia. 27.06.2013.

РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?*

А.П. Цыганков

Мы, русские, ничего не сделали для *человечества* именно потому, что у нас нет, не явилось, по крайней мере, *русского воззрения*.

К.С. Аксаков [3]

Назрел поворот к изучению реальности во всех ее противоречиях и созданию собственной теории, которая перестала бы видеть в местных особенностях, не востребованных в западные схемы, отклонения и патологию.

А.Д. Богатуров [1]

Введение

Российская наука международных отношений вступает в особый период своего развития. За двадцать с лишним лет после распада Советского государства пройден значительный путь, освоено богатый массив эмпирического и теоретического материала, выработан ряд интересных концепций и подходов¹. Вместе с тем в развитии российских международных исследований обнаружились и немалые проблемы, связанные с характерными для этапа становления научной дисциплины трудностями идейного и материального характера. Все еще вяло развиваются эмпирические исследования, в то время как теоретические работы страдают чрезмерной абстрактностью. Общий кризис системы общественных наук в России, отчасти связанный с распадом марксистской парадигмы, сказывается

и на развитии международных исследований. Мир же ощутимо изменился, оставляя позади полосу однополярной глобализации и обнаруживая целый ряд новых экономических, политических и этнокультурных разломов². Готовы ли мы к его осмыслению? Обладаем ли необходимым для этого методологическим и теоретическим инструментарием? Способны ли российские международники ответить на новые вызовы времени?

Данная статья предлагает осмысливать новые мировые реалии на путях развития российской теории международных отношений (РТМО). На переломном этапе мирового развития теории могла бы принадлежать инициатива в определении наиболее важных сфер эмпирического анализа и внешнеполитической практики. К сожалению, РТМО все еще находится в процессе формирования, нередко раздираясь в

* Значительная часть идей статьи детально обсуждается в: [12].

¹ Подробнее развитие российских международных исследований анализировалось в: [7], [5].

² Подробный анализ новых явлений в международных отношениях предпринимался в России в недавних работах: [8], [6].

противоречиях и борьбе взаимоисключающих подходов. Среди российских международных-теоретиков сформировались представители универалистского и изоляционистского мышления. Если первые считают, что главное — это как можно быстрее интегрироваться в западное профессиональное сообщество международных, то вторые рассматривают такой путь как гибельный, видя в нем отказ от собственной системы ценностей и призывая к интеллектуальной автаркии. Хорошо известный спор западников и почвенников находит свое отражение и в обсуждении путей развития РТМО.

Приглашая читателя к обсуждению возможных путей развития РТМО, я исхожу из необходимости преодоления этих крайностей. Отчасти такое преодоление было бы возможно в результате сокращения сложившегося в российской университетской практике разрыва между преподаванием международных отношений (МО) и русской политической мысли. Если политологи и философы изучают историю политической, в том числе отечественной, мысли, то международники чаще всего проходят курсы по основам западной теории международных отношений. Эти направления нуждаются друг в друге в целях дальнейшего развития, но разведены по разным подразделениям и факультетам. Для развития международных исследований в России необходимо глубокое знание своих собственных интеллектуальных корней, что невозможно без изучения русской мысли. Без движения в этом направлении нормальная для развития РТМО дискуссия между западниками и почвенниками будет тяготеть к чрезмерной идео-

логизации, затрудняя развитие теории. Если обозначенный разрыв будет преодолен, то в России со временем могли бы сложиться условия для формирования национальной школы в глобальной ТМО. Такая школа возникла бы на стыке международных отношений и истории отечественной мысли.

В развитие данной мысли в статье рассматриваются тенденции вестернизации и этноцентризма в глобальной ТМО, а также существо нового теоретического спора о возможности формирования универсальной теории познания мира. На этом глобальном фоне я предлагаю рассматривать вопрос о формировании РТМО, точки роста которой вижу на путях обращения к традициям русской мысли. Выступая с критикой универалистских позиций, я ни в коем случае не хочу быть понятым как изоляционист. Опасность изоляционизма, хотя и ослабла за последнее двадцатилетие, все же не преодолена, о чем свидетельствуют активно развивающиеся конспирологические и псевдонаучные изыскания за пределами академических структур. В лучшем случае изоляционистская тенденция задержит и без того затянувшуюся выработку ответов на вопросы о российской идентичности и связанное с этим развитие РТМО. В худшем — вернет нас к удушающему творческую мысль догматизму.

Для меня очевидно, что любая ТМО может плодотворно развиваться лишь в процессе активного диалога российских исследователей со своими коллегами в западных и незападных странах. Надеюсь, что именно в ходе такого диалога выявится самобытность российской мысли, ибо, как писал еще Владимир Соловьев, «мы неизбежно налагаем

свой национальный отпечаток на все, что мы делаем» [9]. Надеюсь и на то, что, размышляя о своем вкладе в глобальное интеллектуальное сообщество, российские теоретики не забудут и об ответственности за формирование желаемого образа будущего страны и мира в целом. Ведь любая социальная теория предполагает не только анализ фактов, но и творческое выстраивание образа общества с характерной для него системой смыслов и ценностей.

Вестернизация и этноцентризм в ТМО

Социальное познание давно занимает умы обществоведов. Дискуссии на эту тему вспыхивают и затухают периодически, отражая амбивалентность веры в универсальность и прогрессивный рост знания. В XX столетии начало дискуссий было положено теоретиками так называемого «логического позитивизма», сформулированного последователями Венского кружка в Европе. Следующим крупным этапом стала коррекция логического позитивизма Карлом Поппером с его «критическим рационализмом» и стремлением изменить принципы проверки научного знания. Основатель критического рационализма, в частности, утверждал, что знание не может быть научным, если оно сформулировано как нефальсифицируемое, т.е. если не предложены принципы и условия, при которых прежняя гипотеза будет считаться недееспособной. Затем подошло время «научных революций» Томаса Куна. Кун провел жесткое разграничение между «нормальной наукой» и научными революциями и указал на необходимость понимания социально-групповых условий, дикту-

ющих переходы от одной «парадигмы» нормальной науки к другой. Тем самым исследователь ближе своих предшественников подошел к принципам социологии знания, ряд которых задолго до него были сформулированы в Европе Карлом Маннгеймом и Максом Вебером.

Согласно последним, трактовка общественного знания не исключает, а предполагает понимание социокультурных особенностей его формирования. Дискуссии на темы методологии научного познания продолжаются, но большинство представителей сообщества международных согласны с принципом социальной обусловленности знания. Сегодня уже мало кто верит в сформулированные в рамках Венского кружка сциентистские принципы «логического позитивизма». Да и сам позитивизм стал более сложным и интересным, выйдя далеко за пределы «логического позитивизма» и в целом восприняв критику теории абсолютной и универсальной истины. Общественная наука не свободна и не может быть свободна от идеологии в том смысле, в каком ее понимали вслед за Карлом Марксом социологи Маннгейм и Вебер. Будучи частью общественного сознания, обществоведение активно воспроизводит и продуцирует национальные идеологемы и мифы. Полностью освободиться от этих мифов общественным наукам не под силу, хотя не стремиться к этому нельзя.

В силу обозначенной зависимости познания от особенностей культурного и идеологического контекста многие социальные теории являются этноцентричными в своей основе. В антропологии и социологии этноцентризм при-

нято определять как убежденность в «естественном» превосходстве собственной культуры по отношению к остальным³. Этноцентричная теория защищает ценности своей культуры и базируется на нравственном превосходстве одного культурного сообщества над другими. В этом случае другие воспринимаются как недостаточно цивилизованные и представляющие потенциальную угрозу. Специалисты по развитию науки, в том числе социальной, пришли к выводу, что такая убежденность формируется в ходе исторического развития и коренится в институциональных, социальных и цивилизационных структурах общества [30]. Менее склонные к этноцентризму теории определяют «свои» моральные ценности как открытые переоценке, а не абсолютные и неизменные. При этом они рассматривают альтернативные сообщества не столько как угрозу, сколько как источник нового знания.

Теории международных отношений также не свободны от этноцентризма и нередко основываются на жестких посылах породившей их культуры. По справедливому замечанию американского политолога Стэнли Хоффмана, международные отношения являются «американской общественной наукой», отражая и теоретически закрепляя видение мира через призму западной цивилизации [32]. Еще более категорично выразился британский международник Эдвард Карр, определивший западную науку международных отношений как «наилучший способ управлять миром с позиции силы» [23]. Очевидно, что никакая наука не находится вне време-

ни и пространства. Западное понимание международных отношений было сформулировано применительно к реальностям западной цивилизации и не обязательно является применимым в остальной части мира. В представленном многообразии культурных, этнических, религиозных и региональных традиций мире вообще сложно представить себе единое понимание международных отношений.

Не случайно многие выработанные в рамках западной интеллектуальной традиции теории плохо приспособлены для объяснения событий, происходящих за пределами данной части мира. Вспомним, например, что попытка привить теорию «шоковой терапии» как образец перехода к рыночной экономике в российских условиях завершилась признанием необходимости ее (по меньшей мере) модификации. Широко распространившиеся теории демократического перехода также оказались далеки от универсальности и продемонстрировали необходимость адаптации к незападным социокультурным условиям. Специалисты помнят, что подобная участь постигла и теорию модернизации. Наконец, этноцентрична и теория демократического мира. Согласно данной теории, демократии не воюют друг с другом. Однако социальные корни демократии могут отличаться и далеко не всегда способствуют установлению мира. Так, некоторые из демократизирующихся режимов Евразии оказались милитаристскими, в том числе по отношению друг к другу [10].

Не все теории международных отношений одинаково этноцентричны, но все так или иначе являются отражением национального характера и соци-

³ Хороший обзор литературы содержится в: [50].

окультурной специфики страны и не могут быть механически перенесены на иную культурную почву [11]. Поэтому перспективы создания своего рода глобальной международной теории остаются туманными, ведь национально-культурные различия никуда не исчезли и продолжают определять поведение участников мировой политики. Следовательно, важнейшим для международных является не только вопрос о том, возможна ли международная теория, но и вопрос о ее национально-культурном своеобразии и возможности развития такой теории за пределами западного «центра». Если международной теории не под силу сформулировать универсально действующие законы поведения в мировой политике, то такая теория может стремиться к решению более скромной задачи — выявлению национально-культурных особенностей и традиций в мировой системе, исходя из понимания такой системы как глобально-плюралистической, а не глобально-универсалистской.

**Новый теоретический спор:
универсальны ли наши знания о мире?**

В свете сказанного особый интерес представляет недавний и продолжающийся поныне спор в теории международных отношений. Смысл его связан как с критикой этноцентризма западной теории, так и с выяснением вопроса о том, возможна ли универсальная теория социальных знаний о мире. Этот спор является продолжением и логическим развитием уже состоявшихся споров в ТМО.

Прежние споры могут быть суммированы как движение от полемики среди западных специалистов к постепенному

подключению к теории международных отношений представителей критического направления и ученых, работающих за пределами западного региона. В первой трети XX в. активно развивалась дискуссия между выступавшими за запрет войн посредством международного права идеалистами и отрицавшими такую возможность реалистами. В середине века дискуссия о принципах мирового порядка дополнилась спором о методологии исследования. Многие международники уверовали в модернистские или количественные методы сбора и анализа информации о мире. В этом споре модернистам противостояли традиционалисты, или сторонники традиционных исторических и правовых подходов. Наконец в последней трети столетия активизировались представители критического и постструктуралистского направления, атаковавшие мейнстрим за его консервативность и неспособность переосмыслить международные отношения в связи с возникновением и развитием новых социальных движений в мире. Постмодернисты, феминисты, марксисты и другие поставили под сомнение традиционную рационалистски-ориентированную ТМО и ее методы осмысления происходящих в мире процессов. В 1980-е гг. ответом на вызов постструктурализма в Европе и США стало возникновение конструктивистского направления, занявшегося изучением социальных норм, идей и идентичностей⁴.

В начале XXI в. заделы представителей постструктуралистского направ-

⁴ О спорах в теории международных отношений см.: [16; 27; 38; 14; 4].

ления сделали возможным для ученых поставить под сомнение монополию западного познания международных отношений. Уже в последней четверти XX столетия стараниями Хейварда Алкера и его последователей был остро поставлен вопрос о политической гегемонии и интеллектуальной провинциальности американских теорий МО [16]. Позднее эти усилия привели к активизации сторонников плюрализации процессов познания мира [34; 51; 21; 35; 25; 22; 43; 42; 41; 29; 47]. Арлин Тикнер, Оле Вэйвер и Давид Блэйни, преподающие международные отношения соответственно в Колумбии, континентальной Европе и США, стали инициаторами серии книг о развитии ТМО в различных частях мира [36; 46; 25]. Элен Пелерин выступила редактором франкоязычной книги о преодолении англо-американского централизма в международных отношениях [39]. Джон Хобсон опубликовал важную книгу, анализирующую колониальный евроцентризм западных теорий международных отношений [31]. Кроме того, среди теоретиков МО возрос интерес к проблемам цивилизации, цивилизационной идентичности и их влиянию на формирование взглядов о мире [49; 24; 20; 44].

Новый спор в теории разворачивается на фоне растущих изменений в социально-политической практике международных отношений. Как и любую другую дискуссию в общественных науках, спор о преодолении вестернизации и западно-колониального наследия трудно понять без уяснения его социальных корней. Корни этого спора следует искать в постепенном становлении нового мирового порядка, в основе которого находится распад однополяр-

ного доминирования в мире США и западной цивилизации в целом. Этот процесс, начатый террористической атакой исламских радикалов «Аль-Каиды» в сентябре 2001 г., был продолжен подорвавшим экономическое господство Запада ростом Китая и других незападных держав и выразился как в материальном ослаблении западной цивилизации, так и неуклонном снижении ее монополии на использование силы в мире. Сначала российско-грузинский вооруженный конфликт, а затем и гражданская война в Сирии продемонстрировали неспособность США и их союзников ограничить использование силы другими (в том числе против ближайших партнеров), а также мобилизоваться на ее использование в условиях противодействия со стороны России, Китая и других крупных держав.

На этом социально-политическом фоне развивается полемика между новыми сторонниками универсального знания о мире и защитниками плюралистического видения мира и ТМО. Универсалисты исходят из онтологического единства мира, требующего формирования единых рациональных стандартов его постижения. Представители либерального и реалистского направления в западной ТМО считают состоявшимся глобальный мир с характерными для него едиными принципами поведения государств и урегулирования международных споров. Для либералов речь идет о формировании международных институтов, в то время как реалисты делают упор на военно-силовое измерение мирового порядка и ведущую роль США в поддержании оптимального для Запада международного равновесия сил. Но и те и другие убеждены, что

единство мира подразумевает единство принципов его познания, а онтологический универсализм должен быть дополнен эпистемологическим. Что касается попыток Китая и других незападных культур сформировать их собственные подходы или школы ТМО, то они видятся как несостоятельные, поскольку ставят под сомнение принципы универсальности научного познания (анализ, верификация и др.) и, следовательно, тяготеют к самоизоляции. Так, например, американский исследователь Джек Снайдер выразил готовность изучать конфуцианство как необходимость осмысления китайской стратегической культуры, но отказал ему в праве выступить философским основанием особой китайской школы в ТМО [44].

С критикой попыток сформулировать альтернативные школы теоретизирования выступают не только западные реалисты и либералы, но и некоторые представители постструктуралистского направления в ТМО. Не будучи сторонниками вестернизации и универсализма западного типа, они, тем не менее, высказываются в защиту все тех же единых принципов научной верификации, сомневаясь в продуктивности как формирования национальных школ в ТМО, так и самого диалога «западного» и «незападных» подходов [33; 40]. Например, для британской исследовательницы Кимберли Хатчинс уже само противопоставление «западного» «незападному» исключает возможность диалога и на выходе не способно дать ничего, кроме нескончаемой взаимной критики, нового противопоставления и усиления провинциальности [33].

Что касается критиков глобально-универсалистского видения, то они вос-

принимают плюрализацию ТМО как естественное отражение плюрализации самого мира с его многообразием властных, социальных и культурных отношений. Корни этой позиции нетрудно выявить в работах представителей различных направлений социальной и международно-политической мысли. Так, некоторые представители реалистского направления, подобно уже цитировавшемуся Карру, считают, что знание не свободно от политики, а, наоборот, включено в систему властных отношений в мире. Следовательно, объективность познания затруднена неравенством сторон, а претензии на универсализм на поверку стремятся закрепить властные интересы и позиции сильного. Сторонники франкфуртской критической теории, подобно Юргену Хабермасу, заходят еще дальше, считая прогрессивную теорию основной социальной и политической трансформации общества [28]. Что касается уже упоминавшихся представителей социологии знания, то для них непреложным остается анализ социокультурных границ универсализма и социального контекста функционирования идей. Наконец, теоретики, работающие в постколониальной традиции, видят в стремлении к универсализму неспособность понять Другого и желание властвовать над ним⁵.

Означает ли это, что критики универсализма отказываются от участия в формировании единой ТМО? Некоторые из них, вероятно, будут готовы сделать заявления, подобные Фридриху Ницше и представителям французского постмодернизма, согласно которым не только

⁵ Более подробный анализ литературы содержится в: [48].

Бог, но и автор умер, а значит, и тексты более не несут в себе никакой смысловой нагрузки. Некоторые выскажутся в пользу невозможности единого знания, указав на извечность противостояния великих держав в мировой политике. Однако многие продолжают исходить из важности сохранения общей ТМО в качестве основополагающего научного ориентира. Для них глобально-плюралистическое видение мира не только не исключает, но и предполагает стремление к общим эпистемологическим ориентирам, однако наличие диалога различных подходов воспринимается при этом как неперемное условие такого стремления. Необходимо отдавать себе отчет и в том, что на пути к формированию единой ТМО существует немало серьезных препятствий, к которым относятся, в частности, зауженные стандарты рациональности и эпистемологии. Недавние исследования методологов ТМО показали, что само понимание науки в МО должно быть существенно расширено⁶. Существуют и предложения расширить эпистемологические границы, выйдя за пределы академической общественной науки и проявив открытость к различным философским изысканиям, ориентированным на продуцирование знаний о мире [15].

Существует ли РТМО?⁷

Спор о характере познаний о мире находит свое продолжение и среди рос-

сийских теоретиков МО. На сегодняшний день можно говорить о формировании двух полярных позиций.

Во-первых, в российских дискуссиях отчетливо слышны голоса универсалистов, позиция которых близка уже описанной выше точке позиции западных сторонников глобально-универсальной ТМО. Критически оценивая состояние российской науки международных отношений, российские универсалисты связывают его с недостаточно активными усилиями по подключению к глобальной науке. Некоторые из них считают этап освоения мирового опыта изучения МО в основном завершенным, но при этом не усматривают в российских исследованиях необходимого для теоретического развития разнообразия и дискуссий, сетуя на доминирование реалистских и геополитических подходов [5]. Большинство же убеждено, что освоение мирового опыта еще впереди, ибо только интеграция в международное профессиональное сообщество может вывести российскую науку из тупиков изоляционистского развития и попыток сформировать «собственные» теории⁸. Не удивительно, что отношение представителей этой группы к идее создания российской школы МО является отрицательным. В ней усматриваются ничем не подкрепленные амбиции, тенденции к эпистемологическому изоляционизму и попытки оказать на науку идеологическое давление, подобное советскому [40].

Во-вторых, в российских академических и политических дискуссиях присутствует изоляционистская по-

⁶ Американский исследователь Патрик Джексон выявил функционирование четырех научных традиций неопозитивизма, критического реализма, рефлексивизма и аналитицизма, см.: [37].

⁷ В этом разделе я отчасти основываюсь на проведенном мною опросе российских международных теоретиков. Более подробно результаты опроса будут изложены в отдельной статье.

⁸ Ответ А. Макарычева на анкету-опрос. Публикуется с разрешения автора.

зияция, являющаяся объектом критики со стороны универсалистов. Речь идет о тех представителях российской мысли внутри и за пределами академического сообщества, кто сохраняет убежденность, что все необходимое России для ее интеллектуального развития в основном уже создано, причем преимущественно самими русскими. Нам уже приходилось писать о тенденции к изоляционизму в российской науке МО, коренящейся в российском комплексе превосходства/неполноценности [13]. В российском интеллектуальном сообществе немало тех, кто убежден как в своем обладании истиной, так и в необходимости развития сугубо российской науки в целях важности противостояния «враждебному» Западу. Любопытно, что, отвергая западные постструктуралистские подходы как чуждые евразийским и православным ценностям России, представители этой группы активно заимствуют западные традиционалистские геополитические теории. Свежим примером творчества представителей данной группы может служить недавняя книга основателя неоевразийского направления российской геополитики Александра Дугина «Международные отношения». Автор книги демонстрирует знание различных направлений ТМО, однако в конструировании своей теории многополярного мира опирается на Сэмюэла Хантингтона, Збигнева Бжезинского и других традиционалистских теоретиков геополитической и геокультурной мысли [2].

Выявленные позиции являются полярно противоположными, не охватывая полностью существо проблемы, с которой сталкивается РТМО.

За двадцатилетний период развития российскими международниками-теоретиками предложен и разработан ряд оригинальных подходов и концепций в осмыслении мировых тенденций и внешней политики⁹. Потому правомерно говорить о том, что на сегодняшний день РТМО сформировалась в качестве научного направления. Вместе с тем очевидны и серьезные трудности, которые это направление испытывает в своем развитии. Трудно не согласиться с универсалистами, что отчасти эти трудности связаны со все еще слабой интеграцией российских ученых в глобальное сообщество специалистов-международников. У этой темы имеется множество интеллектуальных, институциональных и финансовых граней, каждая из которых должна серьезно обсуждаться. Но необходимо признать и то, что интеллектуальная адаптация к условиям глобального мира едва ли будет успешной без мобилизации собственных традиций общественного мышления. Российским международникам следует обратить внимание на наличие у России собственных и давно развивающихся корней мышления о мире. Об этой стороне проблемы следует сказать особо, тем более что ее решение вряд ли потребует мобилизации значительных финансовых ресурсов.

Как мне кажется, у России за последние несколько столетий сложился огромный, хотя и разрозненный массив теоретических знаний, который вполне может стать основой формирования российской школы в ТМО. С исторической точки зрения, РТМО

⁹ Подробнее см. в: [48].

уже сложилась как система размышлений о мире. Такое положение подпадает под определение ТМО, которые предложили в свое время Алкер и его коллеги и согласно которым международная теория есть система научных и культурно укорененных представлений и размышлений о мире [17, 16, 19]. Под это определение подпадают и западные представления о мире, в основе которых лежит концепция отсутствия легитимирующего центра (анархия), правда, при этом теория анархии утрачивает придаваемый ей значительной частью западных международников ореол универсальности, сохраняя свою значимость в рамках данного сообщества ученых. За пределами же западного мира развивались и продолжают развиваться варианты международной теории иного свойства. Думается, что нет серьезных оснований выводить за пределы теорий международных отношений представления о мире мусульманских, православных и иных теологов и мыслителей, ставящих в центр проблему ценностей и должностного поведения. Тем более что из этих представлений исходят не только специалисты-обществоведы, но и практикующие дипломаты и политики.

Что касается РТМО, то в ней сложились не одна, а три заслуживающих внимания международников-теоретиков традиции¹⁰. Ее представители ориентируются соответственно на подражание Западу (западничество), сохранение независимой государственности (державничество) и самобытной системы культурных ценностей (третьеримство). Под традицией я понимаю преемствен-

ность представлений о развитии международных отношений, развивающихся на протяжении нескольких столетий русской истории. У каждой из традиций или школ мышления сложились свои образы России и мировой системы, которые при всех исторических модификациях сохранили свою внутреннюю преемственность и отличия друг от друга.

Характерны, например, отличия западников, державников и третьеримцев в понимании свободы, государства и мировой системы. Русское западничество убеждено в приоритетной ценности свободы, которую оно понимает как освобождение личности и которую находит на Западе, но не в России. Убежденные в неодолимости стремления к индивидуальному освобождению, западники считают западную цивилизацию наиболее развитой и жизнеспособной, а остальной мир — развивающимся в направлении воспроизводства основных ценностей Запада. Первоочередной задачей государства, следовательно, является создание условий свободы, способствуя процветанию и развитию личности. Такие представления существенно отличаются от сформировавшихся в границах двух других традиций русской международной теории — державничества и третьеримства. Державники интерпретируют свободу как политическую независимость, настаивая на приоритетности сильного и могущественного государства. Поскольку мир воспринимается ими как нескончаемая борьба за власть, державники убеждены, что без сильного государства Россия не сможет сохраниться и выжить. Наконец, для тех, кто видит в России независимую культуру и цивилизацию (Третий

¹⁰ См. подробнее в: [12].

Рим), вторичными являются все остальные цели. Не политическая свобода и независимость, а духовное освобождение должно, по их мнению, рассматриваться в качестве главного внутреннего и международного приоритета.

Ни одна из представленных традиций не является внутренне однородной, и каждая развивается в полемике друг с другом и находится под влиянием различных представителей западной мысли. Например, ранее западничество развивалось под влиянием католической мысли, а позднее, в зависимости от его разновидностей, под влиянием Шарля Монтескье, Иммануила Канта, Жан-Жака Руссо и других европейских философов. Державники тоже испытали значительное влияние западных идей, и многие из них восторгались европейской дипломатией Клеменса Меттерниха и Отто Бисмарка, а также американской дипломатией Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского. Даже самобытно-третьеримская традиция русского мышления испытала значительное влияние западных идей — от немецкого романтизма до американских теоретиков плюрализма цивилизаций.

Сегодня для дальнейшего развития РТМО следует активнее мобилизовать накопленный российской мыслью массив теоретических знаний.

Необходимость и возможность развития РТМО

Для дальнейшего развития РТМО необходимы новые интеллектуальные ориентиры, ресурсы и импульсы развития. Прежде всего российскому сообществу международников необходима дискуссия о необходимости формиро-

вания национальной школы в глобальной ТМО. Независимо от результатов, сам факт проведения такой дискуссии мог бы стать толчком в развитии РТМО. Российская наука МО во многом продолжает жить заимствованиями западных теорий, не задаваясь вопросом о характере и последствиях такого заимствования. Между тем необходимость учиться у Запада (и не только у него) не отменяет, а предполагает необходимость размышлять о возможностях и границах такого заимствования в интересах сохранения исторически сформировавшейся российской идентичности и системы ценностей.

Необходимость дальнейшего развития «русского воззрения» (Аксаков) обуславливается целым рядом особенностей географического, социокультурного и политико-экономического положения России в мире. Во-первых, на развитие РТМО не может не наложить свой отпечаток глубокое своеобразие страны, ставшее сплавом целого ряда характеристик: преимущественно православного вероисповедания, широты пространства и геополитических вызовов по периметру протяженных сухопутных границ, междивизиационного культурного положения, довестфальских имперских корней, полупериферийности в системе глобальных экономических связей, антибуржуазности массовых социальных слоев и многого другого. Во-вторых, необходимость развития РТМО диктуется реалиями глобальной конкуренции. Если прав был Карр, что западная теория международных отношений учит Запад искусству управления миром с позиции силы, то развитие международной теории за пределами США и Европы является

непременным условием обретения глобального политического равновесия. Давно сказано, что не желающие кормить свою армию будут кормить чужую. Нежелание же вкладывать необходимые ресурсы в развитие ТМО неизбежно обернется тем, что россияне утратят самостоятельную систему взглядов и ценностей. Такая система формировалась в России на протяжении веков, не раз помогая ей ответить на международные вызовы. Сегодня таким вызовом является становление многополярного мира. Если российское руководство претендует на внесение в становление этого мира заметного вклада, то формированию национальной международной теории нет альтернативы.

В связи с этим можно сформулировать две гипотезы, касающиеся развития РТМО и национальной общественной науки в условиях возросшей глобальной информационной открытости. Первое: чем своеобразнее культура страны, тем более активны будут усилия интеллектуального класса по созданию и развитию национальной модели мягкой силы и развития общественных наук в целях адаптации к условиям глобального мира. Второе: чем сильнее давление заимствовать инокультурные идеи (а с ними и ценности), тем более значительными должны быть материальные ресурсы страны, затрачиваемые на сохранение собственной интеллектуальной автономии и сопротивление опасности идейной колонизации.

Думается, что России может и должна принадлежать важная роль в процессе формирования глобальной плюралистической теории международных отношений. Сомневающиеся в справедливости такого утверждения могут

указать на то, что международные отношения как предмет преподавания и научная дисциплина развиваются в России сравнительно недавно, лишь со времени окончания холодной войны, и, следовательно, гораздо менее развиты, чем такие дисциплины, как политология, социология или экономика. Но молодость преподавательской дисциплины международных отношений не означает, что размышления о мире являются для русских чем-то принципиально новым. Эти размышления, развивающиеся на протяжении многих столетий, следует считать совокупным вкладом в РТМО. Если же они не кажутся кому-то вполне стройными и систематизированными, то не эти ли размышления следует взять за основу в целях развития национальной теории международных отношений?

Формирующейся сегодня РТМО предстоит обратиться к русским корням, кои глубоки и разнообразны. При этом важно учитывать не только социокультурное своеобразие общественных наук, но и органичное для любой теории стремление преодолеть контекстуальную зависимость. Любая теория сильна попытками подняться над описанием и выявить общие тенденции развития предмета. Следовательно, она должна вырабатываться не только на материале национальных споров, но и путем ее постоянного сопоставления с процессами развития иных школ международной теории. Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке. Особенно важно соизмерять русские размышления о мире с западными концепциями и теориями,

поскольку последние являются наиболее систематизированными и аналитически развитыми. Освоение западного интеллектуального наследия является важнейшим условием развития российского обществоведения. Такое освоение было и всегда будет необходимым, хотя и недостаточным условием прогресса российского знания.

Таким образом, путь к формированию российской международной теории во многом лежит через воссоздание интеллектуальных традиций размышлений о мире, начиная со времен возникновения русского государства. Наличие таких традиций в государстве с тысячелетней историей едва ли подлежит какому-либо сомнению. Русские уже не первое столетие размышляют и спорят о том, как взаимодействовать с миром, задаваясь вопросами о национальных границах, характере евразийского окружения и системы международных отношений, специфике получения знаний о мире, природе насилия и принципах взаимосвязей человека и природы. Все эти и многие другие вопросы относятся к предмету международных отношений, а следовательно, вполне возможно попытаться реконструировать варианты их осмысления в российских условиях.

РТМО: образ желаемого будущего

Выстраивать международную теорию в России следует, руководствуясь пониманием наличных условий развития страны и мира и тем, какие решения предлагались русской мыслью в аналогичных условиях. Можно выделить три наличных, относительно долговременных условия мирового развития. Во-первых, это связанная со становлением многополярности политическая и эко-

номическая неустойчивость мира. Во-вторых, это диктуемая задачами российской модернизации потребность в новых зарубежных технологиях и инвестициях в национальную экономику. В-третьих, продолжающийся кризис российской идентичности и ослабление системы русских ценностей. Каждое из этих условий обсуждалось в русской международной теорией, причем различные традиции и школы предлагали свои способы на них реагирования. Державники обращали внимание на развивающуюся в мире систему союзов и полюсов, западники вели речь о модернизации, а третьеримцы о возрождении ценностей. Хотя полноценное синтезирование рекомендаций различных традиций было бы невозможно — слишком глубоки имеющиеся между ними понятийные и идеологические различия — современная международная теория должна стремиться к максимально интегральному осмыслению отмеченных условий. Только такая интеграция может стать надежным компасом для движения в глобальном мире.

В заключение намету лишь один из возможных синтезов различных традиций русского мышления в целях формирования образа желаемого глобального будущего. С точки зрения трех отмеченных условий российского развития оптимальным было бы соединение умеренного изоляционизма и прагматического сотрудничества с внешним миром в целях создания условий для внутренней модернизации и преодоления ценностного кризиса. Первые два условия указывают на необходимость выработки международной мыслью возможностей создания незатратной системы безопасности и сфер глобального при-

влечения инвестиций в российскую экономику. Третье условие указывает на необходимость формирования достаточного материального и идейного пространства для широкого обсуждения вопроса о ценностях. Вопрос о том, какие из русских ценностей следует мобилизовывать и развивать в современных условиях для обустройства России и мира, должен стать центральным в русской международной теории. Думаю, что в обсуждении данного вопроса важно понимание относительной независимости своей системы ценностей от ценностей других народов и цивилизаций. Русские ценности и культурные ориентации не могут быть суммированы в понятиях «Запад», «Евразия», «Евровосток» и т.п. Эти понятия тяготеют к принижению культурного предназначения России, страны с многовековым опытом, особой геополитической идентичностью и миссией поддержания культурно-цивилизационного и политического баланса в мире. Очевидно и то, что русские ценности глубже определяются элитами ориентаций и относятся к народу в целом, выступающему основным субъектом и целью всех предпринимаемых властью реформ и внешнеполитических начинаний.

При этом нет оснований противопоставлять одну систему ценностных ориентаций другой: в трансконтинентальной стране, какой является Россия, западничество может сочетаться и даже органически соединяться с плодотворным сотрудничеством с другими частями мировой системы. Россия может сближаться как с Западом, так и Востоком, оставаясь при этом Россией. Осознание себя в качестве цивилизации с самостоятельной системой политико-

экономических, исторических и культурных ценностей не означает, что у России нет общих ценностей с другими странами и регионами. Цивилизации не только конкурируют, но и пересекаются и активно взаимодействуют друг с другом. У России, как страны, находящейся на географическом пересечении Запада, Востока и Азии, имеются особые возможности для диалога с другими. Ценностные системы могут выстраиваться на различных уровнях. В каких-то аспектах России будет легче найти общий язык с одними странами, а в каких-то — с другими. Например, в вопросах прав человека и либеральной демократии трения с западными странами будут неизбежны, но у России есть немало общего с Западом с точки зрения общей истории, культуры и стремления создавать ответственное государство. Подобного рода ценностные иерархии следует выстраивать и в отношениях с другими странами. В целом мир ценностей будет напоминать не хантингтоновскую картину столкновения цивилизаций, а сложную картину их взаимопересечения и иерархического взаимодействия.

В содержательном плане российские ценности должны быть сформулированы не как противоречащие идеалам державничества или западничества, а как делающие их реализацию возможной на более широком культурно-цивилизационном основании. Державничество и стремление к демократии должны быть интегрированы в российскую систему ценностей как необходимые, хотя и недостаточные условия. От демократии следует не отказываться, а встраивать ее в свой культурно-смысловой контекст и систему на-

циональных приоритетов. Кстати, за пределами западных стран демократия играет значимую роль, но редко находится в центре государственного развития. Ведь наряду с демократией и защитой основных прав граждан, государство обязано гарантировать стабильность, выполнение значимых социальных программ и безопасность от внешних угроз.

Со временем на основе широко обсуждения будет выработана новая концепция российских ценностей. Имея в виду уже сделанное в русской самобытной теории, очевидно, что такая концепция будет учитывать идеи духовной свободы, социальной справедливости

и трансэтнического единства. Будущие сформулированы, российские ценности не только станут руководством к практическому действию, но и будут прописаны в российской внешнеполитической доктрине как подлежащие защите и распространению, подобно тому как ценности либеральной демократии прописаны во внешнеполитической доктрине США. Со временем станет возможным ориентироваться не только на отстаивание, но и активное распространение российских ценностей в мире. Без такой ориентации внешняя политика обречена на идеологически оборонительный характер, реагируя на вызовы западной и иных цивилизаций.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения / А.Д. Богатуров // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 201.
2. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теории, социология / А.Г. Дугин. М., 2013.
3. Кавелин К.Д. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. М., 1989. С. 623.
4. Коньшев В., Сергунин А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебаатов»? / В. Коньшев, А. Сергунин // Полис. 2013. № 2.
5. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя / М.М. Лебедева. Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2013. С. 12–13.
6. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013.
7. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова. М., 2005.
8. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М., 2012.
9. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. М., 1989. Т. 1. С. 297.
10. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи демократического мира / А. Цыганков, П. Цыганков // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3.
11. Цыганков А., Цыганков П. Социология международных отношений / А. Цыганков, П. Цыганков. М., 2008.
12. Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли / А.П. Цыганков. М., 2013.
13. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Основные тенденции в развитии российской ТМО. Глава 1 / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. Российская наука международных отношений.
14. Цыганков П. Теория международных отношений / П. Цыганков. М., 2005.
15. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theory Beyond the West // Millennium: Journal of International Studies 39, 3, 2011.
16. Alker H.R. and T.J. Biersteker. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire // International Studies Quarterly. 1984. Vol. 28. № 2.
17. Alker H.R. Dialectical Foundations of Global Disparities // International Studies Quarterly, vol. 25, No. 1, 1982.

18. Alker H.R., Biersteker T.J. and Inoguchi T. *From Imperial Power Balancing to People's Wars / International/Intertextual Relations* / ed. by J. Der-Derian and M.J. Shapiro. New York, 1989.
19. Alker H.R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. *How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations?* // "Encounters Among Civilizations", Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19, 1998.
20. *Anglo-America and its Discontents: Civilizational Identities beyond West and East*, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
21. Aydinli E. and J. Mathews. *Are the Core and Periphery Irreconcilable? The Curious World of Publishing in Contemporary International Relations* // *International Studies Perspectives*. 2000. 1, 3.
22. Bilgin P. *Thinking past 'Western' IR* // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29. № 1.
23. Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, 2001, p. xiii.
24. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2009.
25. *Claiming the International*, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
26. *Decolonizing International Relations*, ed. by B.G. Jones. Lanham, 2006.
27. Doyle M.W. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism*. New York, 1997.
28. Habermas J. *Theory and Practice*. Boston, 1973.
29. Haggmann J. and Biersteker T.J. *Beyond the published discipline: Towards a critical pedagogy of international studies* // *European Journal of International Relations*. 2012. 18.
30. Harding S. *Is Science Multicultural? Postcolonialism, Feminism, and Epistemologies*. Bloomington, 1998, p. 12.
31. Hobson J.M. *The Eurocentric conception of world politics western international theory, 1760-2010*. Cambridge, 2012.
32. Hoffmann S. *An American Social Science: International Relations* // *Daedalus* 106, 3, 1977.
33. Hutchings K. *Dialogue between Whom? The Role of the West/Non-West Distinction in Promoting Global Dialogue in IR* // *Millennium: Journal of International Studies*. 2011. Vol. 39. № 3.
34. Inayatullah N. and D.L. Blaney. *Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory* // *The Return of Culture and Identity in IR Theory* / Ed. by Yosef Lapid and Friedrich Kratochwil. Boulder, 1996.
35. *International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought*, ed. by R.M.A. Crawford and D.S. Jarvis. Albany, 2001.
36. *International Relations Scholarship around the World*, ed. by A.B. Tickner and O. Wæver. London, 2009; *Thinking International Relations Differently*, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012; *Claiming the International*, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
37. Jackson P.T. *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics*. London, 2011.
38. Knutsen O. *A history of international relations theory*. Manchester, 1997.
39. *La Perspective en Relations internationales* / ed. Helene Pellerin. Montreal, 2010.
40. Makarychev A. and V. Morozov. *Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR* // *International Studies Review* 2013. Vol. 15. P. 332, 335.
41. Nayak M. and E. Selbin. *Decentering International Relations*. London, 2010.
42. *Non-Western International Relations Theory*, ed. by A. Acharya and B. Buzan. London, 2010.
43. Shani G. *Toward a post-Western IR: The Umma, Khalsa Panth, and critical International Relations theory* // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. № 4.
44. *Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West*, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
45. Snyder J. *Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory* // Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association, Boston, August 28, 2008, p. 10.
46. *Thinking International Relations Differently*, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012.
47. Tickner A. *Core, periphery and (neo)imperialist International Relations* // *European Journal of International Relations*. 2013. 19.

48. Tsygankov A.P. and Tsygankov P.A. National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the "Russian Idea" // European Journal of International Relations 2010. Vol. 16. № 4.
49. Tsygankov A.P. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4.
50. Van der Dennen J. M.G. Ethnocentrism and In-group / Out-group Differentiation: A Review and Interpretation of the Literature // The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism, ed. by Vernon Reynolds, Vincent Falgar and Ian Vine. London & Sydney, 1987.
51. Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4.

Российская теория международных отношений: какой ей быть?

Цыганков Андрей Павлович, профессор кафедры международных отношений и политических наук Государственного университета Сан-Франциско, Ph.D.

***Аннотация.** В развитии российских международных исследований возникает ряд проблем, связанных со слабым развитием эмпирических исследований и чрезмерной абстрактностью теоретических работ. Статья предлагает осмысливать развитие российской теории международных отношений (РТМО) для преодоления новых экономических, политических и этнокультурных разломов. РТМО все еще находится в процессе формирования, нередко раздираясь в противоречиях и борьбе взаимоисключающих универалистского и изоляционистского подходов. В статье поднимается вопрос о необходимости преодоления крайних подходов через сокращение разрыва между преподаванием международных отношений (МО) и русской политической мысли. Для развития международных исследований в России необходимо глубокое знание своих собственных интеллектуальных корней, что невозможно без изучения русской мысли.*

***Ключевые слова:** МО, РТМО, универалистский подход, изоляционистский подход, русская политическая мысль.*

Russia International Relations Theory: What Should it be Like?

Andrei Tsygankov, Professor Chair of International Relations and Political Science, San Francisco State University, Ph.D.

***Abstract.** Russian IR theory faces many difficulties including underdevelopment of empiric research and overall abstract approach of theoretic studies. The article suggests to reconsider the development of the Russian IR theory in order to face the new economic, political and ethno-cultural challenges. The formation of Russian IR theory is still underway, and it is characterized by contradictions and the presence of mutually exclusive universalist and isolationist approaches. The article raises the question of overcoming the extreme approaches in the IR theory through reducing the gap between the teaching of IR and Russian political thought. The article concludes that the development of IR in Russia requires deep knowledge of its intellectual roots, thus the study of the Russian political thought becomes the necessity.*

***Key words:** IR, Russian International relations theory, universalism, solationalism, Russian political thought.*

References

1. Bogatyrov A.D. Desiat' let paradigm osvoyeniya // Pro et Contra. 2000. T. 5. № 1.
2. Dugin A.G. Mezhdunarodnyie otnosheniya: paradigmyi, teorii, sotsiologiya. M., 2013.
3. Kavelin K.D. Nash umstvennyi stroi. Moskva, 1989.
4. Konishev V., Sergunin A. Teoriya mezhdunarodnikh otnosheniy: kanun novikh "velikikh debatov"? // Polis. 2013. № 2.
5. Lebedeva M.M. Rossiyskiye issledovaniya I obrazovaniye v oblasti mezhdunarodnikh otnosheniy: 20 let spustia. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnim delam (RSMD). Moskva, 2013.
6. Megatrendi: Osnovniye traektorii evolutsiyi mirovogo poriadka v XXI veke / eds. T.A. Shakleina, A.A. Baikov. Moskva, 2013.
7. Rossiyskaya nauka mezhdunarodnikh otnosheniy: noviye napravleniya. Eds. A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moskva, 2005.
8. Sovremennyye mezhdunarodniye otnosheniya / ed. A.V. Torkunov. Moskva, 2012.
9. Soloviyev V.S. Sochineniya v dvukh tomakh. Moskva, 1989.
10. Tsygankov A., Tsygankov P. Krizis idey demokratcheskogo mira // Mezhdunarodnuyе protsessi. 2005. Vol. 3. № 3.
11. Tsygankov A., Tsygankov P. Sotsiologiya mexhdunarodnikh otnosheniy. Moskva, 2008.
12. Tsygankov A.P. Mezhdunarodniye otnosheniya: traditsiyi russkoi politicheskoi misli. Moskva, 2013.
13. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Osmovniye tendentsiyi v razvityi rossiyskoy TMO. Glava 1 / Rossiyskaya nauka mezhdunarodnikh otnosheniy.
14. Tsygankov P. Teoriya mezhdunarodnikh otnosheniy. Moskva, 2005.
15. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theory Beyond the West // Millennium: Journal of International Studies 39, 3, 2011.
16. Alker H.R. and T.J. Biersteker. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire // International Studies Quarterly. 1984. Vol. 28. № 2.
17. Alker H.R. Dialectical Foundations of Global Disparities // International Studies Quarterly, vol. 25, No. 1, 1982/
18. Alker H.R., Biersteker T.J. and Inoguchi T. From Imperial Power Balancing to People's Wars / International/Intertextual Relations / ed. by J. Der-Derian and M.J. Shapiro. New York, 1989.
19. Alker H.R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? // "Encounters Among Civilizations", Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19, 1998.
20. Anglo-America and its Discontents: Civilizational Identities beyond West and East, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
21. Aydinli E. and J. Mathews. Are the Core and Periphery Irreconcilable? The Curious World of Publishing in Contemporary International Relations // International Studies Perspectives. 2000. 1, 3.
22. Bilgin P. Thinking past 'Western' IR // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. № 1.
23. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, 2001, p. xiii.
24. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2009.
25. Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
26. Decolonizing International Relations, ed. by B.G. Jones. Lanham, 2006.
27. Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism. New York, 1997.
28. Habermas J. Theory and Practice. Boston, 1973.
29. Hagmann J. and Biersteker T.J. Beyond the published discipline: Towards a critical pedagogy of international studies // European Journal of International Relations. 2012. 18.
30. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialism, Feminism, and Epistemologies. Bloomington, 1998, p. 12.
31. Hobson J.M. The Eurocentric conception of world politics western international theory, 1760-2010. Cambridge, 2012.
32. Hoffmann S. An American Social Science: International Relations. // Daedalus 106, 3, 1977.
33. Hutchings K. Dialogue between Whom? The Role of the West/Non-West Distinction in Promoting Global Dialogue in IR // Millennium: Journal of International Studies. 2011. Vol. 39. № 3.

34. Inayatullah N. and D.L. Blaney. *Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory // The Return of Culture and Identity in IR Theory / ed. by Yosef Lapid and Friedrich Kratochwil. Boulder, 1996.*
35. *International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought, ed. by R.M.A. Crawford and D.S. Jarvis. Albany, 2001.*
36. *International Relations Scholarship around the World, ed. by A.B. Tickner and O. W ver. London, 2009; Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D. L. Blaney, 2012; Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.*
37. Jackson P.T. *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics. London, 2011.*
38. Knutsen O. *A history of international relations theory. Manchester, 1997.*
39. *La Perspective en Relations internationales / ed. Helene Pellerin. Montreal, 2010.*
40. Makarychev A. and V. Morozov. Is “Non-Western Theory” Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // *International Studies Review* 2013. Vol. 15. P. 332, 335.
41. Nayak M. and E. Selbin. *Decentering International Relations. London, 2010.*
42. *Non-Western International Relations Theory, edited by A. Acharya and B. Buzan. London, 2010.*
43. Shani G. *Toward a post-Western IR: The Umma, Khalsa Panth, and critical International Relations theory // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4.*
44. *Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.*
45. Snyder J. *Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory // Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association, Boston, August 28, 2008, p. 10.*
46. *Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012.*
47. Tickner A. *Core, periphery and (neo)imperialist International Relations // European Journal of International Relations. 2013. 19.*
48. Tsygankov A.P. and Tsygankov P.A. *National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the “Russian Idea” // European Journal of International Relations 2010. Vol. 16. № 4.*
49. Tsygankov A.P. *Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4.*
50. Van der Dennen J. M.G. *Ethnocentrism and In-group / Out-group Differentiation: A Review and Interpretation of the Literature // The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism, ed. by Vernon Reynolds, Vincent Falgar and Ian Vine. London & Sydney, 1987.*
51. Waeber O. *The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РФ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А.М. Смирнов

В конце XX в. заметно усилилось межгосударственное взаимодействие в энергетической сфере. Это стало особенно заметным в конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда после резких колебаний цен на рынках нефти произошло серьезное потрясение в мировом энергетическом хозяйстве. Что дало повод говорить о новом энергетическом кризисе и привело к существенной активизации международной энергетической политики в глобальном и региональном масштабах.

В условиях новой геополитической ситуации, сложившейся в мире после 11 сентября 2001 г., и начала широко-масштабной международной антитеррористической операции США, все более очевидна необходимость межгосударственного сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности в глобальном и региональном плане.

Как известно, после первого энергетического кризиса середины 70-х гг. энергетический фактор стал играть в мировой политике не меньшую роль, чем военный, что привело к формированию и дальнейшему развитию энергетической дипломатии ряда ведущих государств мира. Ее важной особенностью стало тесное взаимодействие внешнеполитических ведомств и компаний, а также активная роль самих компаний на международной арене в качестве самостоятельных «игроков».

В течение последних десятилетий наблюдается развитие концептуальных основ и механизмов реализации энергетической дипломатии в многостороннем и двустороннем форматах.

В начале XXI в. существенно увеличились масштабы мировой торговли энергетическими ресурсами. Это привело к тому, что увеличивающиеся объемы этих ресурсов требуют новых маршрутов от добывающих регионов до потребительских рынков. В связи с чем усложнилась международная карта транзитных систем из-за воздействия технологических, геополитических и геоэкономических рисков.

Для обеспечения бесперебойного и надежного функционирования энергетического сектора экономики и международных транзитных маршрутов необходимо формирование соответствующей международно-правовой базы не только на двусторонней, но и многосторонней основе.

В практике энергетической дипломатии проблемы международного транзита возникают все чаще и чаще. Значительная доля энергоресурсов, поставляемых на европейский рынок, пересекает несколько государственных границ. В этой связи возникает вопрос о регулировании проблем, связанных с транзитом энергоресурсов на основе международного права.

Также стоит особенно выделить как отдельный фактор, влияющий на

энергетическую дипломатию, внутреннее право ЕС в энергетической сфере. Ограниченность собственной ресурсной базы Европы обуславливает существенную зависимость стран Евросоюза от внешних энергетических поставок, поэтому в настоящее время обеспечение энергетической безопасности становится стратегической задачей для Европейского союза. Исследование процессов, влияющих на состояние энергетической безопасности, представляет научно-теоретический интерес, поскольку дает возможность прогнозировать взаимоотношения между Россией и Европейским союзом в области стабильных поставок энергоресурсов. Наиболее острой остается зависимость ЕС от импорта нефти, в меньшей степени регион зависит от импорта природного газа.

Внешнеэкономические интересы России в отношении энергетического сотрудничества с ЕС связаны с тем, что страны ЕС являются традиционным и емким рынком для ее энергоресурсов, а также поставщиком для энергетического оборудования и технологий. Кроме того, ЕС обладает значительными финансовыми возможностями, необходимыми для модернизации российского ТЭК [5].

ЕС развивает сотрудничество с Россией в энергетической сфере (запуск «Северного потока» и строительство «Южного потока»), но при этом в целях обеспечения энергетической безопасности стремится максимально диверсифицировать источники энергоресурсов. В подобных условиях усиливающейся конкуренции со стороны как региональных, так и вверегональных экспортеров нефти России очень важно

сохранить позиции своих ресурсов на европейском рынке, обеспечить выгодные и надежные условия транзита энергоресурсов.

Евросоюз продолжает рассматривать Россию как своего основного стратегического партнера в обеспечении энергетической безопасности, что объясняется наличием в России потенциальных возможностей расширения экспорта энергоресурсов в страны Евросоюза, требующего значительных долгосрочных инвестиций в освоение новых нефтегазовых месторождений, модернизацию существующей и ввод в эксплуатацию новой энерготранспортной инфраструктуры [4].

Основные экономические интересы ЕС в сотрудничестве с Россией сосредоточены на обеспечении доступа к ресурсно-сырьевой базе, участии в ее развитии, а также надежной транспортировки энергоресурсов на внутренний энергетический рынок ЕС.

Руководство дипломатической деятельностью РФ осуществляется правительством, непосредственное оперативное руководство — ведомством иностранных дел. Однако стоит отметить растущее влияние крупнейших транснациональных корпораций на политику и дипломатию государств.

Важность энергетического фактора в российской внешней политике обуславливается и тем, что Россия является одним из ключевых игроков на мировом рынке углеводородов, участвует в напряженной конкурентной борьбе и в то же время взаимодействует со странами ОПЕК, странами-потребителями, а также ведущими западными ТНК. ТНК при этом при помощи правительств и международных финансовых организа-

ций пытаются влиять на внутреннюю и внешнюю политику нашей страны.

Следует учитывать, кроме того, что экспортные возможности нефтяного и газового комплексов являются важнейшим рычагом внешнеэкономической дипломатии и решения общих задач внешней политики Российской Федерации. Эффективная энергетическая дипломатия может реально способствовать укреплению позиций России на мировой арене.

Немаловажно и то, что российские нефтяные компании и «Газпром» преимущественно относятся к числу национально-ориентированных. Их цель должна состоять в удержании внутреннего рынка, а в перспективе — в постепенном завоевании лидирующих позиций в мире. Выполнить вторую задачу можно только при энергичной поддержке государства. А это означает, что коренным интересам нефтяников и газовиков отвечает усиление внешнеполитических позиций России.

В целом на нынешнем этапе между различными группировками российской политической элиты не наблюдается существенных разногласий относительно важности проникновения на зарубежные рынки и более масштабного участия России в освоении зарубежных нефтяных и газовых месторождений. Всем очевидно, что такой курс тем более необходим, поскольку освоение новых месторождений в труднодоступных районах страны требует громадных капиталовложений.

Энергетическая дипломатия является инструментом проведения внешней политики и средством регулирования международных отношений в энергетической сфере и включает в се-

бя целый ряд вопросов, в том числе надежное снабжение потребителей энергоносителями, доступ к их источникам, маршруты транспортировки углеводородного сырья и электроэнергии, международные аспекты атомной энергетики. Сегодня этот род дипломатии — существенное направление внешнеполитической деятельности, способствующее созданию условий для нормальных межгосударственных отношений в энергетической сфере. К тому же надо учитывать растущие взаимосвязи энергетической дипломатии с проблемами глобализации, включая мировые финансы, экологию и т.д.

При рассмотрении современной энергетической дипломатии нельзя забывать о деятельности крупнейших транснациональных корпораций, которые не только обладают мощнейшим аппаратом лоббирования, но и делают попытки самостоятельного выхода на международную арену.

Большое воздействие на развитие мировой энергетики оказывают два основных процесса. С одной стороны, нарастает конкуренция на мировых энергетических рынках между основными его участниками — компаниями энергетического профиля, поддерживаемыми правительствами стран их базирования, а также ассоциациями этих стран. С другой стороны, на фоне усиливающейся глобализации энергетических рынков существенно активизируется межгосударственное взаимодействие и регулирование в мировой энергетике, что содействует развитию центров глобальной и региональной энергетической политики.

После энергетического кризиса середины 70-х гг. наблюдается активиза-

ция межгосударственного регулирования и других форм взаимодействия на энергетическом направлении в системе международных экономических отношений в целях обеспечения энергетической безопасности в глобальном и региональном плане. В этой связи в ряде стран сформировалось и продолжает развиваться функциональное направление экономической дипломатии, связанное с энергетическим фактором в международных экономических отношениях, энергетической дипломатии.

В энергетической дипломатии используются традиционные организационные формы и механизмы реализации, а также общепринятые в международной практике разновидности политических и правовых документов.

Рассмотрение организационно-правовых аспектов современной энергетической дипломатии ЕС позволяет сделать вывод, что накоплен опыт использования различных организационных форм, а также большой опыт разработки различных политических и юридических документов в области энергетической дипломатии.

Кроме того, не надо сбрасывать со счетов и влияние США на энергополитику ЕС, которые не заинтересованы в слишком независимой политике сообщества.

В практике европейской энергетической дипломатии, помимо традиционного дипломатического арсенала, задействованы также специфические методы и инструменты. Среди методов и средств на межгосударственном и межкорпоративном уровнях нередко используются экономико-статистические данные о запасах энергетических ресурсов, об уровнях их до-

бычи, ценах, тарифах и т.д. В наборе специфических инструментов энергетической дипломатии следует отметить эмбарго и санкции. На практику энергетической дипломатии определенное влияние оказывают национальные особенности.

Интеграционные процессы в различных регионах мира, а также размытие границ, экономических и идеологических барьеров после окончания холодной войны содействуют повышению роли крупных ТНК в энергетическом секторе мировой экономики в целом и ЕС в частности.

Дальнейшее развитие конкурентной среды на мировых энергетических рынках способствует обострению конкуренции между ними. Поскольку, по сути, эти корпорации обеспечивают функционирование топливно-энергетических отраслей на глобальном и региональном уровнях, проблемы энергетической безопасности многих стран зависят от того, чтобы эта конкуренция не носила разрушительный и хаотичный характер. В этой связи определенное значение имеет поддержание взаимодействия между ТНК, что может быть осуществлено с помощью дипломатии на уровне корпораций, а также с участием официальной дипломатии.

В энергетической сфере РФ и ЕС зависят друг от друга с точки зрения сырья, рынков, научно-технических разработок и инвестиций.

Конструктивное и правильно построенное сотрудничество между Россией и ЕС, направленное на интеграцию их энергетических рынков, отвечало бы интересам обеих сторон. Наличие фундамента для сотрудничества ЕС — Россия повысит надежность

энергоснабжения для ЕС, а привлекательный инвестиционный климат, взаимность в отношении деятельности компаний ЕС — на российских рынках. Интеграция международных торговых соглашений в рыночные структуры позволит России воспользоваться европейскими инвестициями и технологиями. Тем самым обеспечивается стратегическая роль России в поставках энергоносителей в страны Евросоюза, и в то же время Россия зависит от рынков ЕС, которые приносят значительную часть национального дохода.

Развивая энергетический диалог с Россией, Европейский союз сможет уменьшить имеющиеся политические риски, возникающие при монопольных поставках энергоресурсов из стран Ближнего Востока, путем диверсификации поставщиков энергоресурсов. Проблема нестабильных поставок энергоресурсов из мусульманских стран в настоящий момент стоит наиболее остро. Это связано, с первую очередь, с волной революций и массовых волнений прокатившейся по странам Северной Африки и Ближнего Востока за последние несколько лет. «Арабская весна» продолжается до сих пор, вовлекая в конфликт все больше и больше стран.

Существуют значительные возможности для дальнейшего взаимного и полного открытия энергетических рынков. При условии улучшения инвестиционного климата в России можно ожидать притока огромных инвестиций, в том числе в газодобычу и газовую инфраструктуру, добычу и переработку нефти, а также повышение экологических и технических стандартов в этой области.

Важность энергетического фактора во внешней политике обуславливается тем, что Россия является одним из ключевых игроков на мировом рынке углеводородов, участвует в напряженной конкурентной борьбе и в то же время взаимодействует со странами ОПЕК, странами-потребителями (страны ЕС и Китай), а также ведущими западными ТНК (BP, ConocoPhillips, Royal Dutch Shell и др.).

И Россия, и Европейский союз разработали свои энергетические стратегии с учетом таких факторов, как рост спроса на энергоресурсы, усиление международной конкуренции, изменение структуры внутренних рынков, природоохранные задачи и необходимость осуществления инвестиций в новые, более чистые и более эффективные энергетические технологии. Одной из основных целей новой российской энергетической стратегии на период до 2020–2030 гг. является переход России от сырьевой экономики к высокотехнологичной экономике [5].

Однако исходные позиции ЕС и РФ значительно отличаются друг от друга. Россия придает большое значение добыче и поставкам энергоресурсов, в то время как ЕС основное внимание уделяет сдерживанию спроса на энергетические ресурсы.

Задача России как одного из основных сухопутных полюсов в Евразии сводится к максимальному расширению своего влияния на те зоны, которые лежат между ее сухопутной территорией и акваторией, омывающей евразийский материк, максимально интегрировав их в стратегическом и экономическом плане. Это в первую очередь касается энергетических ресурсов. Как представля-

ется, геоэкономический подход России к энергетическим ресурсам состоит в создании единой ресурсодобывающей, ресурсоперерабатывающей и ресурсотранспортной сферы на максимальном широком пространстве континента. Это определяет требования к пространственному размещению транспортных сетей, газопроводов и нефтепроводов, в частности, позиционирование центров переработки, способы доставки вторичной продукции и т.д. Касаясь транспортировки ресурсов, следует отметить важность соединения конкретных месторождений в России и странах СНГ с внутриконтинентальными трубопроводными системами, контролируемые российскими операторами. Консолидация евразийских ресурсов в единой системе их транспортировки усилит общий геоэкономический потенциал России в Евразии и, следовательно, в мире. Из этого вытекает важное геоэкономическое значение трубопроводов, связывающих российские, центральноазиатские и каспийские месторождения углеводородов с Европой и странами АТР континентальной сетью [1].

Российская Федерация развивает отношения с Европейским союзом как с одним из основных торговых-экономических и внешнеполитических партнеров, выступать за всемерное укрепление механизмов взаимодействия, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долговременным интересам России отвечает согласование с ЕС Договора о стратегическом партнерстве, устанавливающего особые, максимально продвинутое формы равноправного и вза-

имовыгодного сотрудничества с ЕС во всех областях с перспективой выхода на безвизовый режим. РФ заинтересована в укреплении Европейского союза, развитии его способности выступать с согласованных позиций в торговых-экономических, гуманитарных, внешнеполитических областях и в сфере безопасности.

Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание по-настоящему открытой, демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евроатлантического региона — от Ванкувера до Владивостока, не допуская его новой фрагментации и воспроизводства прежних блоковых подходов, инерция которых сохраняется в нынешней европейской архитектуре, сложившейся в эпоху «холодной войны» [2].

Устойчивое экономическое развитие России напрямую зависит от проведения ключевых реформ, в том числе и в энергетическом секторе, особую роль тут занимают структурные реформы и реформы системы управления природными монополиями, реформа ценообразования и налогообложения природных ресурсов.

Одной из ключевых задач российского правительства является модернизация российской экономики, поддержка высоких темпов развития экономики. Это делает важным — внедрение более эффективных энерготехнологий в российскую экономику в целях увеличения объемов экспорта, в том числе и в направлении ЕС.

Основным содержанием российской политики в сфере энергетической

безопасности являются: устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества, эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей, предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования, обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения [3].

Увеличение эффективности использования энергии является одним из приоритетов, обозначенных энергетической стратегией России. В этой сфере сотрудничество между Россией и ЕС через обмен опытом и технологиями могло бы быть весьма успешным.

В топливно-энергетической сфере функциональные роли России и Евросоюза различны. Однако именно это обуславливает стратегическую общность интересов. Россия, являясь экспортером энергоресурсов, в долгосрочной перспективе заинтересована в рынках Евросоюза. Европейский союз — импортер энергоресурсов — заинтересован в устойчивых каналах долгосрочных поставок по справедливым ценам. Таким образом, экономики России и Евросоюза взаимозависимы, и

сотрудничество между ними в энергетической сфере будет не только расширяться, но и углубляться в направлении интеграции.

Оценивая ход энергетической дипломатии России и ЕС, следует признать, что, несмотря на некоторые сохраняющиеся проблемы, за последние десять лет стороны достигли серьезного продвижения в развитии энергетического сотрудничества. Немало этому способствовали политические контакты на уровне глав государств России и со стороны Европейского союза — Германии, Италии и Франции. Важно отметить дипломатическую роль российско-германского энергетического агентства и российско-французского энергетического агентства, которые стали единой площадкой для взаимодействия европейского бизнеса и государственной власти, а также профильных ведомств и крупных энергетических компаний РФ.

Однако параллельно с контактами на высшем политическом уровне следует наладить постоянный, хорошо структурированный и содержательный диалог на уровне бизнеса и соединить оба измерения энергодиалога России и ЕС в единый процесс. Тем самым будет заложена прочная экономическая и межкорпоративная основа для формирования Энергетического сообщества Россия — ЕС.

Список литературы

1. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия : учебное пособие / С.З. Жизнин. М. : МГИМО (У) МИД России, 2002. 189 с.
2. Концепция внешней политики России 2013 г. // Сайт МИД России. URL: <http://www.mid.ru/bdcmp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (дата обращения: 03.01.2014).
3. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. от 12 мая 2009 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 04.01.2014).
4. Энергетическая стратегия ЕС до 2020 г. // Сайт Европейской комиссии. URL: http://ec.europa.eu/energy/energy2020/energy2020_en.htm (дата обращения: 02.02.2014).

5. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. от 27 августа 2009 г. // Сайт Министерства энергетики РФ. URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/> (дата обращения: 01.02.2014).

Сравнительный анализ энергетической дипломатии РФ и Европейского союза

Смирнов Александр Михайлович, аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН

***Аннотация.** В статье автор рассматривает содержание, формы, методы, средства энергетической дипломатии РФ и ЕС. Особое внимание уделено роли энергетической дипломатии в реализации энергетических планов и внешнеполитических интересов России и европейского интеграционного объединения. Приоритетное внимание автор уделяет структурным факторам, формирующим устойчивые предпосылки укрепления сотрудничества двух сторон. В этой связи потенциал дальнейшего развития взаимодействия оценивается как высокий.*

***Ключевые слова:** Россия, ЕС, энергетическая политика, энергетическая дипломатия, энергодиалог, ТНК.*

A Comparative Analysis of Russian and EU Energy Diplomacy

Alexander Smirnov, Ph.D. Candidate, Department of Theory and History of International Relations. People's Friendship University of Russia

***Abstract.** The article examines the content, forms, methods, means energy diplomacy of Russia and the EU. The author focuses on the increasing role of energy diplomacy in the implementation of energy plans and the foreign policy interests of the Russian Federation and the EU. The article outlines structural variables, which create substantial preconditions for further strengthening of links between the two sides. Hence, it estimates potential for the increased Russia_EU cooperation in energy sphere as significant.*

***Key words:** Russia, EU, energy policy, energy diplomacy, energy dialogue, TNCs.*

References

1. Zhiznin S.Z. Energeticheskaya diplomatiya: uchebnoe posobie. Moscow: MGIMO-University, 2002. 189 p.
2. Kontseptsiya vneshnej politiki Rossii 2013 g. // Sait MID Rossii. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (date of access: 03.01.2014).
3. Strategiya natsional'noj beopasnosti RF do 2020 g. ot 12 maya 2009 g. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (date of access: 04.01.2014).
4. Energeticheskaya strategiya ES do 2020 g., Brussel // Sait Evropejskoj komissii. URL: http://ec.europa.eu/energy/energy2020/energy2020_en.htm (date of access: 02.02.2014).
5. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 g. ot 27 avgusta 2009 g., Moskva // Sait Ministerstva energetiki RF. URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/> (date of access: 01.02.2014).

ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ В АСПЕКТЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

К.Н. Емелин

Одним из условий устойчивого и равноправного взаимодействия государств на международном рынке энергетических ресурсов является взаимное доверие партнеров, основанное на понимании внешнеполитических линий сторон, их предсказуемости и прозрачности. Российско-польские взаимоотношения в сфере энергетики неоднократно подвергались испытаниям нерациональностью и нелогичностью внешнеполитических решений, в свою очередь провоцировавших все новые витки противоречий. Несмотря на во многом закономерные представления западного мира о непредсказуемости российской дипломатии, польские партнеры также не раз демонстрировали внешнеполитическую непоследова-

тельность. В рамках данной статьи мы рассмотрим экономические, политические и правовые предпосылки стратегии Варшавы в энергетическом сотрудничестве с Москвой, затем с помощью метода ситуационного анализа обозначим основные противоречия между идеальной и реальной моделями взаимодействия и попытаемся представить основные факторы, влияющие на формулирование и реализацию внешней энергетической политики. В данном исследовании мы намеренно ограничимся рассмотрением только нефтегазового аспекта энергетического взаимодействия, который является наиболее показательным во взаимоотношениях государств на международном энергетическом рынке.

Диаграмма 1. Фактический энергетический баланс Польши на 2010 г.

Ист. данных: Prognoza na zapotrzebowanie na paliwa i energię do 2030 roku. Załącznik 2 do „Polityki energetycznej Polski do 2030 roku”. Rada Ministrów. Warszawa, 10 listopada 2009 r. S. 14.

Диаграмма 2. Планируемый энергетический баланс Польши на 2030 г.

Ист. данных: Prognoza na zapotrzebowanie na paliwa i energię do 2030 roku. Załącznik 2 do „Polityki energetycznej Polski do 2030 roku”. Rada Ministrów. Warszawa, 10 listopada 2009 r. S. 14.

Нефть и природный газ, основная доля поставок которых приходится на импорт, занимает относительно невысокую долю в энергетическом балансе Польши. Так, по последним статистическим данным Eurostat за 2011 г. [5], степень импортной зависимости страны в поставках нефтепродуктов составила 95,5%, а природного газа — 75,1% при общем уровне зависимости в 33,7%, нивелированном высокой долей в энергетической корзине каменного и бурого угля, добываемых на территории страны (см. диагр. 1 и диагр. 2). По предварительным данным Министерства экономики Польши [7], на 2012 г. импорт нефтепродуктов составил 24,6 млн т. (95,5% из России), а природного газа — 11,6 млрд куб. м. (79,8% из России).

Несмотря на большую импортную зависимость Польши от России в поставках нефти по сравнению с природным газом, ценообразование на данные энергоносители строится по различным моделям. Так, если нефть в 2012 г. закупалась по рыночным ценам, состав-

лявшим в среднем около 110,5 долл. за баррель марки Urals, то в том же году за 1000 куб. м природного газа польская сторона платила порядка 550 долл. при средней экспортной цене в 431 долл. Впрочем, подобная диспропорция ввиду внешнеэкономического монополизма «Газпрома» наблюдается в энергетическом диалоге России и с другими европейскими странами, обладающими высокой зависимостью от российского поставщика.

На уровне хозяйствующих сегментов также наиболее продуктивный диалог складывается в нефтяной отрасли, поскольку в технологическом плане НПЗ, конечные потребители сырой нефти, обладают существенной зависимостью от марки сырья и не заинтересованы в смене направлений поставок. Так, польские производители, компании с государственным мажоритарным участием PKN Orlen и Grupa Lotos, основные перерабатывающие мощности которых были построены еще при СЭВ, вынуждены закупать

нефть марки Urals, технологически заменяемой только иранскими сортами нефти [4, с. 59], торговля которыми существенно ограничена в условиях экономических санкций. В случае же газовой отрасли данная технологическая обусловленность не столь значительна.

С геополитической точки зрения изначальная модель поведения государства на международном рынке энергоресурсов обусловлена сугубо географическими предпосылками: наличие сырья в недрах страны, прохождение путей транспортировки по ее территории или стабильный доступ к ним. В плане нефти и природного газа Польша является нетто-импортером, и, таким образом, обладая существенной зависимостью от зарубежных поставок энергосырья, в концептуальном плане страна, безусловно, должна быть заинтересована в широкой диверсификации географии поставщиков, что обеспечивает надежность импорта и конкурентное ценообразование. Более того, обход территории Польши по дну Балтийского моря экспортным магистральным газопроводом «Северный поток» в сознании польского истеблишмента подчеркивает уязвимость страны и выступает дополнительным аргументом в пользу дальнейшей диверсификации импорта природного газа.

С другой же стороны, прохождение российского магистрального газопровода «Ямал — Европа» и северного ответвления магистрального нефтепровода «Дружба» по суверенной территории Польши позволяет отнести страну и к государствам-транзитерам, а значит, наделяет Варшаву определенным влиянием на Москву. В связи с этим вторым логичным аспектом внешней политики

страны должно быть привлечение инвестиций в расширение магистральной трубопроводной инфраструктуры с целью увеличения транзитных сборов и усиления взаимозависимости сторон.

В международно-правовом плане энергетическая политика Польши детерминируется директивами и предписаниями Европейского союза, а в частности, Третьим энергетическим пакетом ЕС, регламентирующим либерализацию доступа и интеграцию электрической и газовой сетей государств единой Европы. На национальном уровне энергетическая стратегия страны сформулирована в разработанном Министерством экономики документе «Энергетическая политика Польши до 2030 года» [8], в котором обозначены ключевые приоритеты страны в отрасли. Безусловно, наиболее важным направлением стратегии, влияющим на внешнюю энергетическую политику Польши, является раздел об укреплении безопасности поставок энергии и энергоносителей, в частности постулирующий необходимость диверсификации источников и направлений поставок нефти и природного газа. Главные цели на данном направлении выражаются в необходимости добычи углеводородов на территории страны, обеспечении доступа польских энергетических концернов к зарубежным месторождениям, создании альтернативной импортной трубопроводной и портово-терминальной инфраструктуры, расширении трансграничных соединений газопроводов и нефтепроводов с сопредельными государствами ЕС.

Таким образом, к ключевым аспектам, влияющим на формулирование и проведение международной политики

Польша в сфере энергетики, относятся несправедливое ценообразование на природный газ и высокая импортная зависимость от России. В соответствии с идеальной моделью поведения, логичными направлениями действий Варшавы для преодоления вышеуказанных проблем являются налаживание добычи сырья в стране и за границей, пересмотр условий ценообразования в контракте на импорт природного газа, диверсификация внешних поставок энергоносителей, расширение транзитной трубопроводной инфраструктуры.

Наиболее политизированным аспектом энергетической стратегии Варшавы является проект по развитию добычи неконвенционального, в первую очередь сланцевого, газа на территории страны, ставшего предметом утраты во взаимоотношениях с Россией. Впрочем, несмотря на недавнее подтверждение возможности добычи незначительных объемов неконвенционального газа в Польше [11], коммерческая целесообразность импорта «сланцевой революции» из США в условиях отсутствия государственных субсидий представляется маловероятной или как минимум возможной в отдаленной перспективе [1]. Наиболее демонстративным подтверждением указанного мнения является тот факт, что, по данным на конец первого полугодия 2013 г., ряд международных и польских энергетических компаний, к числу которых относятся ExxonMobil, Marathon Oil, Talisman Energy, Grupa Lotos, уже свернули свою деятельность по разведке сланцевого газа на территории страны.

Добыча польскими компаниями углеводородов за границей, в свою оче-

редь, способствует не столько получению значительных объемов энергоносителей, сколько получению необходимых технологий и опыта от зарубежных партнеров. Так, в соответствии с польской энергетической стратегией, на данный момент крупнейшая нефтяная компания страны PKN Orlen совместно с Kuwait Energy производит разведку нефти на литовском шельфе Балтийского моря, вторая по размеру Grupa Lotos производит добычу нефти на территории Литвы и планирует начать добычу на шельфе Норвегии, а газовый концерн PGNiG является участником совместного с BP, Statoil и E.ON Rurgas консорциума по добыче нефти и природного газа на шельфе Норвегии, находящегося на этапе введения в эксплуатацию. С определенными оговорками единственным перспективным направлением является скандинавское, однако и оно не предполагает добычи объемов, способных изменить сложившуюся энергетическую парадигму.

Одним из наиболее обсуждаемых событий последнего времени в энергетических взаимоотношениях России с европейскими партнерами явилось выдвижение иска Европейской Комиссии к «Газпрому» в сентябре 2012 г. в связи с предполагаемым злоупотреблением монопольной позицией на газовых рынках Центрально-Восточной Европы. К числу конкретных обвинений относятся пункты об ограничении свободы торговли природным газом между государствами ЕС, противодействие диверсификационным проектам европейских стран, навязывание несправедливых цен импортерам [6]. По всплывающим в прессе данным, инициаторами расследования явились Польша и Лит-

ва. Во всяком случае, официальная Варшава выразила полную поддержку действиям Европейской Комиссии. Так, по словам бывшего министра государственной казны Польши М. Будзановского, решение Европейской Комиссии совпадает с позицией Польши и де-факто поддерживает иск, поданный в Стокгольмский арбитражный трибунал польским государственным нефтегазовым концерном PGNiG против российских компаний «Газпром» и «Газпром экспорт» [3]. В случае доказательства монопольной практики Еврокомиссия обладает правом наложения на нарушителя десятипроцентного штрафа от суммы дохода компании, что является весомой угрозой для российской стороны, и без того испытывающей осложнения в связи со снижением спроса на природный газ в Европе. Таким образом, расчет польского правительства оправдался, и в ноябре 2012 г. в обмен на снятие ряда обвинений с «Газпрома» руководство российского экспортера было вынуждено подписать с PGNiG приложение к межгосударственному соглашению о поставках газа по трубопроводу Ямал — Европа, пересматривающее формулу ценообразования на природный газ, привязывающую цену голубого топлива не только к замещающей нефтяной корзине, но и к рыночной цене природного газа в Западной Европе. Данная формула позволила существенно снизить цену за 1000 куб. м российского природного газа в 2013 г. на 16% до 460 долл.

Усиление позиции Польши, являющейся объективным региональным лидером ЦВЕ, в единых европейских структурах позволяет Варшаве использовать рычаги Европейской Комиссии

для снижения ценового давления Москвы. Поскольку в стремлении сгладить существующий конфликт российский поставщик пошел на ценовые уступки, дальнейший шантаж «Газпрома» со стороны европейских потребителей, в том числе в лице Польши, представляется более чем возможным. Таким образом, ценовой аспект энергетической политики Польши реализуется в соответствии с построенной концептуальной моделью.

Несмотря на декларативный характер важности проблемы импортной энергетической зависимости от углеводородов, в практическом плане реализуется только политика в сфере диверсификации поставок природного газа. Так, наиболее громким и дорогостоящим проектом на сегодняшний день является строительство СПГ-терминала в Свиноусьце, обладающего проектной мощностью 5–7,5 млрд куб. м. природного газа в год. Несмотря на устойчивое финансирование проекта со стороны правительства Польши, а также дотаций ЕС и кредитов ЕБРР, по сведениям на конец второго полугодия 2013 г., ориентировочная дата ввода терминала в эксплуатацию была назначена на январь 2015 г. Еще в 2009 г. польское правительство подписало десятилетний контракт с катарским производителем Qatargas на поставку СПГ в ежегодном объеме 1,4 млрд куб. м. Таким образом, добор оставшихся резервных мощностей остается актуальным вопросом.

Принимая во внимание один из регламентов Третьего энергетического пакета ЕС о свободном и конкурентном доступе к газовой инфраструктуре [9], за поставку СПГ в Польшу могут побороться многие экспортеры. В частно-

сти, не стоит исключать возможности импорта российского энергоносителя с завода по сжижению природного газа в Ленинградской области, меморандум о строительстве которого был подписан главой «Газпрома» А.Б. Миллером и губернатором Ленинградской области А.Ю. Дрозденко на ПМЭФ в 2013 г. [2]

Как показывает практика межгосударственной торговли энергоносителями в Европе, государство-импортер озабочено в первую очередь не первоначальным источником сырья, а путем его поставки, что зачастую приводит к реэкспорту, обусловленному не логистическим, а политическим фактором. Так, импорт энергоносителя, законтрактованного на другого контрагента, позволяет избежать политических и имиджевых рисков во взаимоотношениях между изначальным экспортером и конечным импортером¹. Следовательно, в данном контексте возможность свободной торговли природным газом и электроэнергией внутри единой Европы, предусмотренная Третьим энергетическим пакетом ЕС, вступает в конфликт с позицией России, нередко использующей поставки энергоносителей в качестве рычага политического давления и настаивающей на запрете реэкспорта природного газа. Впрочем, существующий запрет на прямой реэкспорт может быть обойден посредством компенсирующих поставок сырья.

В случае с Польшей в качестве одного из аспектов диверсификации импорта природного газа предполагается покупка российского энергосырья, по-

ставляемого соседним Германией, Чехией и Словакией по магистральным газопроводам «Северный поток», Ямал — Европа и Уренгой — Помары — Ужгород. В случае реэкспорта существует два альтернативных варианта поставок.

Первый вариант предполагает фактическую поставку газа из-за рубежа. Так, исходя из имеющихся пропускных способностей трансграничной инфраструктуры, из Германии Польша в состоянии импортировать 1,16 млрд куб. м природного газа при фактической поставке в 2011 г. 1,02 млрд куб. м, из Чехии — 0,24 млрд куб. м при фактической поставке 0,21 млрд куб. м [10]. Что касается строительства газопроводных соединений со Словакией, это является вопросом дальнейшей перспективы. Такие относительно незначительные цифры не позволяют существенно снизить зависимость Польши от России, однако могут являться удобным источником поставок в кризисной ситуации.

Второй вариант предполагает виртуальный реверс по магистральному газопроводу Ямал — Европа, ограниченный исключительно свободными мощностями в пунктах соединения с польской внутренней газораспределительной сетью. Так, в том же 2011 г. из суммарной мощности в 5,43 млрд куб. м природного газа в год на пунктах Львовек и Влоцлавек Польша получила только 2,82 млрд куб. м. Незарезервированные мощности пропускных пунктов теоретически могут быть использованы Польшей для покупки необходимых объемов на спотовом рынке Германии без фактической поставки за границу и последующего реэкспорта.

Впрочем, внешнеэкономические технологии виртуального реверса или

¹ Одним из наиболее демонстративных примеров такого рода в европейской практике является закупка Эстонией электроэнергии из Финляндии, импортирующей ее из России.

фактического реэкспорта природного газа обладают существенным недостатком — высоким уровнем среднегодовой волатильности цен на спотовом рынке природного газа, обусловленном фактором сезонного спроса. Иначе говоря, покупка природного газа на спотовом рынке Германии, Чехии или Словакии в осенне-зимний период обойдется Польше существенно дороже, чем поставка того же объема в рамках долгосрочного контракта с «Газпромом».

Таким образом, наиболее оправданным как в экономическом, так и политическом плане является диверсификация импорта природного газа путем постройки и эксплуатации СПГ-терминала, ограниченного использования возможностей реэкспортных поставок через трансграничные пропускные пункты и соединения с магистральным газопроводом Ямал — Европа. Развитие указанных аспектов диверсификации поставок природного газа позволит Польше частично снизить долю импорта энергосырья из России, а также обеспечить альтернативные направления поставок с восточного направления. Для Москвы польские проекты по строительству СПГ терминала в Свиноустье и налаживанию реэкспорта российского газа из соседних европейских стран не принесут существенного сокращения прибыли, однако снизят политическую составляющую в энергетическом сотрудничестве, что, на наш взгляд, является исключительно позитивным моментом.

Тем не менее в отдельных аспектах энергетическая дипломатия Польши обусловлена именно политическими мотивами. Так, анонсирование строительства второй ветки магистрально-

го газопровода Ямал — Европа мощностью в 15 млрд куб. м в год в апреле 2013 г. и последующее подписание «Газпромом» и EuRoPol Gaz² меморандума о взаимопонимании встретили в Варшаве неоднозначную реакцию и привели к правительственному кризису с последующей отставкой руководителей PGNiG и Министерства государственной казны. Готовность к подписанию меморандума польским собственником первой нити трубопровода была основана на сугубо рациональных аргументах: перспективе сборов платежей за транзит сырья, а также укреплению национальной энергетической безопасности посредством получения возможности осуществления дополнительных реэкспортных операций и увеличения взаимозависимости с Россией. В то же самое время правительство республики подошло к вопросу с большей долей осторожности, обусловленной в первую очередь тем фактом, что магистральный газопровод пройдет фактически в обход Украины, «клиенты» Польши в глазах руководства государства. Таким образом, реакция Польши на перспективу расширения транзитной энергетической инфраструктуры несколько отклоняется от просчитываемой модели, и окончательное решение проекта «Ямал — Европа 2» станет показательным индикатором рациональности и предсказуемости во взаимоотношениях с Россией.

Проведенный анализ ключевых аспектов внешней политики Польши

² Компания EuRoPol Gaz является собственником европейского участка магистрального газопровода Ямал — Европа и совместным предприятием российского «Газпрома» и польских компаний PGNiG и Gas-Trading.

в сфере энергетического сотрудничества позволяет сделать следующие выводы. Взаимодействие Варшавы с Москвой, своим ключевым партнером в энергетической сфере, в области нефти и природного газа строятся в различных парадигмах: по модели кооперации и модели конфронтации соответственно. Так, в сфере нефти Польша проводит прагматичную и бесконфликтную политику, основанную на построении долгосрочного и стабильного сотрудничества с Россией, ключевым атрибутом которого является справедливость цен и надежность поставок. Более неоднозначная газовая политика Польши детерминирована как рациональными, так и иррациональными императивами. С одной стороны, Варшава использует все доступные рычаги влияния для снижения завышенных импортных цен и реализует проекты по диверсификации поставок природного газа. Однако, с другой стороны, существующие диверсификационные проекты предполагают на порядок большие издержки по сравнению с долгосрочным контрактом с Россией, что дикту-

ется в первую очередь не столько реальными опасениями за национальную энергетическую безопасность, сколько политической и имиджевой составляющими.

Если использовать распространенное представление о мировой политике как шахматной партии, следует признать, что Россия ходит белыми фигурами и своими напористыми действиями первая провоцирует черных на ответную реакцию. Так, по нашему мнению, именно несправедливые цены на природный газ, а не просто высокая степень зависимости от российских поставок являются катализатором негативного восприятия российского газового монополиста в отдельных странах ЕС, и в Польше в частности. Для удержания имеющейся позиции на газовом рынке Европы российскому руководству необходимо проявить большую гибкость и внешнеэкономический плюрализм и наладить сотрудничество с торговыми партнерами исходя из формулы игры с ненулевой суммой, тем более что подобный опыт уже реализуется на рынке нефтяных поставок.

Список литературы

1. Мастепанов А.М. Сланцевый газ: что он несет России? / А.М. Мастепанов. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1046&from=nov2rus#top (дата посещения: 13.08.2013).
2. ПМЭФ-2013 принес сенсации в нефтегазовой отрасли // РБК. Электронный ресурс. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130624152948.shtml> (дата посещения: 26.08.2013).
3. Польша поддержала дело против Газпрома // РБК. Электронный ресурс. URL: <http://top.rbc.ru/economics/05/09/2012/668042.shtml> (дата посещения: 16.08.2013).
4. Ростовцева Т. Ловкость труб / Т. Ростовцева // Мир и политика. № 8 (83). 2013. С. 59.
5. Energy dependence // Eurostat. Electronic resource. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tsdcc310&language=en> (date of entrance: 03.08.2013).
6. Kardaś S. Komisja Europejska wszczyna postępowanie antymonopolowe przeciwko Gazpromowi // Ośrodek studiów wschodnich im. Marka Karpia. Źródło elektroniczne. URL: <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/tydzien-na-wschodzie/2012-09-05/komisja-europejska-wszczyna-postepowanie-antymonopolowe-p>. Data wejścia: 16.08.2013.
7. Ocena sytuacji w handlu zagranicznym w 2012 roku (na podstawie danych wstępnych GUS). Ministerstwo gospodarki. Departament strategii i analiz. Warszawa, marzec, 2013 r. S. 21–22.

8. Polityka energetyczna Polski do 2030 roku. Rada Ministrów Rzeczypospolitej Polski. Warszawa, 10 listopada 2009 r.
9. Regulation № 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions of access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) № 1775/2005.
10. Sprawozdanie z działalności Prezesa Urzędu Regulacji Energetyki w 2011 r. // Urząd Regulacji Energetyki. Warszawa, marzec 2012. S. 115.
11. Udało się. W Polsce znaleziono gaz łupkowy // Bankier.pl. Źródło elektroniczne. URL: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Udalo-sie-W-Polsce-znaleziono-gaz-lupkowy-2922342.html>. Data wejścia: 03.09.2013.

Российская теория международных отношений: какой ей быть?

Емелин Константин Николаевич, аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

***Аннотация.** В статье рассматриваются политические, экономические и правовые предпосылки политики Польши на международных рынках энергоресурсов. Выделены две различные парадигмы взаимодействия с Россией в нефтегазовой сфере. Первая, кооперативная, модель реализуется в сфере нефти и характеризуется прагматичным выстраиванием долгосрочных и взаимовыгодных отношений сторон. Вторая, конфронтационная, модель реализуется в сфере природного газа и отличается наличием как рациональных, так и иррациональных императивов в формулировании и проведении энергетической политики. Для построения прагматичного сотрудничества России и Польши в сфере торговли природным газом необходимо разрешение узловой проблемы ценообразования.*

***Ключевые слова:** энергетическая политика, Польша, диверсификация импорта энергоносителей.*

The Predictability of Polish Foreign Policy: The Case of Energy Cooperation with Russia

Konstantin Emelin, Ph.D. Candidate, Department of World Politics, School of International Relations, Saint-Petersburg State University

***Abstract.** The article focuses on the political, economic and legal imperatives of Poland's policy in international energy markets. There are two different paradigms of interaction between Poland and Russia in the oil and gas sector. The co-operative model is implemented in the field of oil trade and characterized by long-term and mutually beneficial relations. The confrontational model is implemented in the field of natural gas trade and characterized by the presence of both rational and irrational imperatives in the development and implementation of energy policy. The construction of pragmatic cooperation between Russia and Poland in the field of natural gas trade requires the key problem of pricing to be resolved.*

***Key words:** energy policy, Poland, diversification of energy resources imports.*

References

1. Mastepanov A.M. Slancevyj gaz: chto on neset Rossii? / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. Electronic resource. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1046&from=nov2rus#top. Date of entrance: 08.13.2013.
2. PМEF-2013 prines sensacii v neftegazovoj otrasli//RBK. Electronic resource. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130624152948.shtml>. Date of entrance: 08.26.2013.

3. Pol'sha podderzhala delo protiv Gazproma // RBK. Electronic resource. URL: <http://top.rbc.ru/economics/05/09/2012/668042.shtml>. Date of entrance: 08.16.2013.
4. Rostovceva T. Lovkost' trub // Mir i politika. № 8 (83). 2013. P. 59.
5. Energy dependence // Eurostat. Electronic resource. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tsdcc310&language=en>. (date of entrance: 03.08.2013).
6. Kardaś S. Komisja Europejska wszczyna postępowanie antymonopolowe przeciwko Gazpromowi // Ośrodek studiów wschodnich im. Marka Karpią. Źródło elektroniczne. URL: <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/tydzien-na-wschodzie/2012-09-05/komisja-europejska-wszczyna-postepowanie-antymonopolowe-p>. Data wejścia: 16.08.2013.
7. Ocena sytuacji w handlu zagranicznym w 2012 roku (na podstawie danych wstępnych GUS). Ministerstwo gospodarki. Departament strategii i analiz. Warszawa, marzec, 2013 r. S. 21-22.
8. Polityka energetyczna Polski do 2030 roku. Rada Ministrów Rzeczypospolitej Polski. Warszawa, 10 listopada 2009 r.
9. Regulation № 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions of access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) № 1775/2005.
10. Sprawozdanie z działalności Prezesa Urzędu Regulacji Energetyki w 2011 r. // Urząd Regulacji Energetyki. Warszawa, marzec 2012. S. 115.
11. Udało się. W Polsce znaleziono gaz łupkowy // Bankier.pl. Źródło elektroniczne. URL: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Udalo-sie-W-Polsce-znaleziono-gaz-lupkowy-2922342.html>. Data wejścia: 03.09.2013.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ ПРОКУРАТУР И АНАЛОГИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.А. Жидких

Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 17 ноября 1995 г. [10]) в число функций этого органа государства включено участие в правотворчестве (п. 4 ст. 1, ст. 9). Причем такая деятельность осуществляется прокурорами в разных формах. Например, в 2012 г. прокуратурами субъектов РФ внесено 300 предложений о разработке нормативных правовых актов, которые включены в планы нормопроектной работы органов государственной власти регионов. Одновременно направлено свыше 1,7 тыс. представлений, информационных писем и предложений о необходимости принятия и приведения в соответствие с изменениями федерального законодательства нормативных правовых актов. Разработано и внесено с использованием права законодательной инициативы 311 законопроектов, из которых 249 принято (остальные находятся в стадии рассмотрения). На поступившие в прокуратуры субъектов РФ проекты нормативных правовых актов составлено почти 52 тыс. заключений, из них свыше 9,3 тыс. — отрицательных с указанием на нарушения федеральных или региональных законов, коррупциогенные факторы либо юридикотехнические изъяны [9].

Несмотря на столь масштабное участие органов прокуратуры в правотвор-

честве, в юридической науке и практическими работниками по-прежнему высказывается мнение о несовместимости такой деятельности прокуроров с осуществлением ими надзора за исполнением законов.

Между тем участие в правотворчестве прокуратуры и аналогичных учреждений предусмотрено законодательством иностранных государств и широко практикуется. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать формы такой деятельности зарубежных прокуроров, что позволило бы выявить и использовать ее положительный опыт в правовом регулировании и выполнении аналогичной работы органами прокуратуры РФ.

Нужно уточнить, что формы участия прокуроров в правотворчестве в немалой степени зависят от ряда обстоятельств. Наиболее значимыми из них являются принадлежность системы права страны к определенной правовой семье (романо-германской, англосаксонской, религиозного, традиционного права), ее государственное устройство (унитарное либо федеративное государство, в том числе с автономиями), место и роль прокуратуры в механизме власти (самостоятельный государственный орган или элемент судебной либо исполнительной системы). Обстоятельствами, определяющими осо-

бенности участия прокуратуры в правотворчестве, служат также исторические, правовые обычаи и иные национальные особенности страны (размеры территории, населения и т.п.).

Поясним, что в романо-германской (континентальной) правовой семье основным источником права является законодательство, в системе которого высшую юридическую силу имеет конституция, чем обуславливается действие прокуратуры подготовке нормативных правовых актов и обеспечению их согласованности по горизонтали и вертикали. К государствам такой правовой семьи относятся, например, Российская Федерация, Федеративная Республика Германия, Французская Республика, Итальянская Республика. В англосаксонской семье права основу правового регулирования образует судебный прецедент (решение определенного суда по конкретному делу, имеющее силу источника права). Государствами с подобной системой права являются, к примеру, Великобритания, ее бывшие колонии, США. В странах религиозной семьи права положения Корана применяются в качестве правовых норм (норм шариатского права). К числу этих стран принадлежит большинство мусульманских стран (в частности, Арабская Республика Египет, Турецкая Республика, Королевство Саудовской Аравии). В семье традиционного права как правовые нормы используются обычаи и традиции. Такими государствами являются, например, некоторые страны Африки, в том числе Республика Мадагаскар. Обратим внимание, что для англосаксонской, религиозной и традиционной семей права законы, как правило, имеют возрастостепенное значение.

При этом Парламентская Ассамблея Совета Европы в Рекомендации 1604 (2003) о роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона [12], указала на целесообразность определения компетенции прокуратуры различных стран с учетом обязательного признания специфики национальной практики и традиций (п. 4).

Наряду с этим в деятельности прокуратур зарубежных государств неуклонно утверждаются определенные стандарты, которые отражают ее общие закономерности [7]. Заметим также, что российская прокуратура руководствуется в своей работе, включая участие в правотворчестве, главным образом европейскими стандартами [3].

Нужно сказать и о том, что имеются примеры обобщения опыта использования и правового закрепления на международном уровне определенных форм рассматриваемой деятельности прокуроров. Так, в проекте Модельного закона «О прокуратуре» [5], принятого 16 ноября 2006 г. на XXVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, содержится глава «Участие прокуроров в правотворческой деятельности», предусматривающая его основные формы. В перечень их включены: внесение предложений об изменении, отмене и принятии законов и иных нормативных правовых актов и предложений о толковании законов, нечеткое формулирование которых препятствует их точному и единообразному исполнению; использование права законодательной инициативы в законодательном органе государства генеральным прокурором и в законодательном (представительном)

органе территории — соответствующим прокурором; правовое заключение прокурора о соответствии конституции и законам проекта нормативного правового акта, представленного субъектом законодательной инициативы или другим уполномоченным органом; предложения и замечания прокурора по проекту нормативного правового акта. Притом рекомендации о совершенствовании законов страны могут вноситься территориальными прокурорами генеральному прокурору.

На практике одной из распространенных форм участия в правотворческой деятельности зарубежных прокуратур служит внесение предложений о совершенствовании, об отмене и о принятии нормативных правовых актов. Такое правомочие реализуется ими в ситуациях установления подобной надобности в ходе осуществления своих полномочий. Например, прокуроры Перу, Республики Таджикистан и некоторых иных государств обязаны уведомлять главу государства и орган законодательной власти о пробелах и противоречиях законодательства.

В рамках выявления потребности в правовом упорядочении общественных отношений, например, прокуроры Литовской Республики рассматривают обращения граждан, в том числе направленные на совершенствование нормативных правовых актов. Со своей стороны российскими прокурорами в 2012 г. разрешено почти 2 млн поступивших к ним обращений граждан и организаций, в том числе указывающих на потребность в совершенствовании законодательства [8].

Формы участия иностранных прокуратур в правотворчестве включают

также самостоятельную разработку и внесение ими в парламент законопроектов. Для этого прокуроры наделяются конституцией государства правом законодательной инициативы. Например, таким правомочием обладают прокуроры республик Абхазия, Куба, Перу, Приднестровской Молдавской Республики, Социалистической Республики Вьетнам. Стоит отметить, что в нашей стране 78 прокуроров субъектов РФ наделены конституциями (уставами) регионов правом законодательной инициативы в соответствующих законодательных (представительных) органах.

Формой правотворческой деятельности зарубежных прокуратур является и участие в разработке нормативных правовых актов иными государственными органами. К примеру, в подготовке и обсуждении законопроектов участвуют прокуроры Республики Корея. Органы прокуратуры Аргентинской Республики совместно с исполнительной властью разрабатывают проекты нормативных правовых актов с целью обеспечения эффективной охраны публичных интересов. Прокуроры Республики Грузия участвуют в заседаниях органов государственной власти и органов местного самоуправления, посвященных обсуждению проектов нормативных правовых актов, которые связаны с обеспечением законности и правопорядка. Аналогичную работу выполняет прокуратура Республики Узбекистан. Нельзя не сказать, что и отечественные прокуроры в истекшем году приняли участие в 8,7 тыс. заседаний органов государственной власти субъектов РФ, их комитетов, комиссий, рабочих групп и в 62,1 тыс. подобных мероприятий, про-

веденных органами местного самоуправления.

Еще одной формой участия в правотворческой деятельности прокуратур и подобных институтов иностранных государств является правовая оценка разрабатываемых правовых актов. Например, Генеральный атторней и атторней штатов в США дают заключения соответственно на законопроекты федерации и ее субъектов [1]. Юридическую экспертизу проектов правовых актов проводит прокуратура Республики Польша, кстати, наиболее решительно среди бывших социалистических государств реформированная по западным образцам. Одновременно следует заметить, что в прошлом году российскими прокурорами в результате принятия нормативных правовых актов без учета их замечаний принесены протесты, внесены представления и предъявлены требования об устранении коррупциогенных факторов по 100 таким актам органов государственной власти субъектов РФ и по 1,6 тыс. актов органов местного самоуправления. Наряду с этим направлены в суды заявления о признании недействующими вследствие нарушений законов 27 нормативных правовых актов регионов и 94 муниципальных правовых актов.

Далее нужно пояснить, что в юридической науке правотворчество в широком смысле понимается как процесс формирования системы права [11; 4]. В таком значении оно охватывает не только подготовку и принятие нормативных правовых актов, но и выявление потребности в правовом упорядочении общественных отношений и согласование системы законодательства по вертикали и горизонтали.

В связи с этим участие в формировании непротиворечивой системы права выражается в применении прокурорами мер реагирования в ходе осуществления надзора за соответствием конституции и законам иных правовых актов. Например, Конституцией Республики Беларусь Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры наделены полномочиями надзора за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов (ст. 125). Аналогичную деятельность выполняют прокуратуры республик Казахстан [2], Молдова, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызской Республики. Обеспечивают соответствие принимаемых правовых актов конституционным и иным законодательным нормам прокуратуры Республики Болгария, Венгерской Республики, Социалистической Республики Вьетнам, Китайской Народной Республики.

Перед органами прокуратуры этих государств поставлена задача выявления нарушений законов и принятия мер к их устранению. Поэтому прокуроры имеют право опротестовывать законы, противоречащие конституции и законам. Одновременно прокуроры Латвийской Республики правомочны предупредить субъекта права о недопустимости нарушения закона. В Латвийской Республике прокурор, установив нарушение закона, вправе также обратиться с заявлением в суд.

Весьма значимо, что участие в создании непротиворечивой системы национального законодательства осуществляется прокурорами зарубежных стран посредством обращения к органам конституционного нормоконтро-

ля. Например, Генеральный прокурор Республики Армения вправе обращаться в Конституционный Суд Республики по вопросам конституционности нормативных правовых актов, касающихся конкретного дела, которое находится в его производстве. Использование такой формы участия прокуратуры в правотворчестве определяется задачей повышения уровня законности в стране.

К полномочиям прокуратуры Федеративной Республики Бразилия отнесено возбуждение исков о признании неконституционными правовых актов субъектов федерации и муниципалитетов.

Распространенной формой участия прокуратур в правотворчестве служит консультирование других государственных органов. Подобная деятельность заключается в подготовке актов обязательного внесудебного толкования законов, официальных мнений и правовых актов органов исполнительной власти. С помощью этих документов разъясняются действующие законы и обеспечивается принятие соответствующих им нормативных правовых актов. Например, в США Генеральный атторней консультирует правительство, формулирует нормативные положения и дает толкование норм права применительно к конкретным обстоятельствам. Разъяснение законов Генеральным атторнеем является юридически обязательным для субъектов правоприменения. И только Генеральный атторней вправе представлять Президенту США консультативный документ, имеющий значение нормативного правового акта исполнительной власти. Высказанное Генеральным атторнеем мнение утрачивает юридическую силу лишь тогда,

когда оно изменено им самим или решением суда. Атторнеи штатов имеют право давать официальные толкования законодательных актов штата. Наиболее важные мнения атторнеев подлежат официальному опубликованию, в частности, отдельные заключения Генерального атторнея включаются в Свод законов США.

Генеральный атторней США и атторнеи штатов являются юридически советниками правительств и консультируют другие органы государства, включая вопросы нормотворчества. Аналогичные полномочия осуществляют прокуроры в Республике Индия, Соединенных Штатах Мексики, Боливарийской Республике Венесуэла и других зарубежных государствах.

В некоторых зарубежных странах юридическое консультирование и надзор за исполнением законов могут быть возложены на различные органы государства. Например, в состав министерства юстиции Государства Израиль входит Главный юридический советник (Генеральный атторней). В то же время надзор за исполнением законов возложен на Государственного контролера. В Новой Зеландии Генеральный атторней надзирает за исполнением законов правительством. Наряду с этим Генеральный солиситер является главным юридическим советником правительства. В Исламской Республике Иран надзор за исполнением законов возложен на специальный орган государства, а прокуратура входит в систему судебной власти. В Республике Колумбия Главная фискалия отнесена к судебной власти, между тем как указанный вид надзора осуществляет Публичное министерство (Генеральная прокуратура).

Однако нужно признать, что в большинстве стран прокуратура и аналогичные государственные органы осуществляют исключительно уголовное преследование и в правотворчестве не участвуют. Но и в этих государствах прокуроры наделяются правом обращения в суд для проведения нормоконтроля, включая проверку соответствия правовых актов конституционным установлениям.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ деятельности прокуратур и аналогичных институтов зарубежных государств показывает, что формы их участия в правотворческом процессе могут существенно различаться. К основным формам такой работы относится внесение предложений об изменении, отмене и о принятии нормативных правовых актов, в том числе с использованием имеющегося права законодательной инициативы. Иностранные прокуроры составляют правовые заключения на проекты нормативных правовых актов, а также о соответствии национальному законодательству международных конвенций и соглашений. Они приносят протесты на незаконные правовые акты и обращаются в су-

ды, включая органы конституционной юстиции. Общей чертой прокурорской деятельности является также участие прокуроров в разъяснении правовых норм правоприменителям.

Показательно, что все формы участия в правотворчестве российской прокуратуры распространены в практике аналогичных структур иностранных государств.

Наряду с этим видится полезным использование в практике отечественных прокуроров форм участия в правотворчестве, используемых прокуратурой и сходными учреждениями зарубежных стран, например, консультирования иных государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам соответствия разрабатываемых ими проектов правовых актов законам. Причем прокуроры лишь разъясняют содержание и смысл норм права и неблагоприятные правовые последствия их нарушения. Принятие решения всегда остается за субъектом правотворчества. Однако такая форма деятельности прокуроров в настоящее время российским законодательством, к сожалению, не предусмотрена.

Список литературы

1. Бессарабов В.Г. Прокуратура и контрольные органы зарубежных стран / В.Г. Бессарабов. М., 2000. С. 26–29.
2. Журсимбаев С.К. Прокурорский надзор в Казахстане / С.К. Журсимбаев. Алматы, 2003. С. 13.
3. Интернет-конференция Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека Лаптева П.А. URL: [garant.ru<Интернет-мероприятия>conference/10125](http://garant.ru/Интернет-мероприятия/conference/10125) (дата обращения: 07.06.2012).
4. Миннихметов Р.Г., Файзуллин Г.Г. Правотворческая и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: вопросы теории и практики / Р.Г. Миннихметов, Г.Г. Файзуллин // Право и политика. 2007. № 8.
5. О прокуратуре: модельный закон. URL: zakon.rada.gov.ua/laws (дата обращения: 01.03.2013).
6. Паштов Д.Р. Участие прокуратур иностранных государств в правотворческой деятельности / Д.Р. Паштов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 5 (25).
7. Прокуратуры зарубежных стран / под ред. С.П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 3–4.
8. Сведения о работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений: Сводный отчет по РФ по форме ОЖ за январь — декабрь 2012 г. (утв. приказом Ген. прокурора Российской Федерации от 17.06.2011 № 176).

9. Сведения о работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в январе — декабре 2012 г.: статистическая форма НПА (утв. приказом Ген. прокурора Российской Федерации от 31.05.2010 г. № 227).
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
11. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 2001.
12. URL: coe.int/T/г/Parliamentary_Assembly/Russian.2003 (дата обращения: 06.06.2012).

Сравнительный анализ основных форм участия в правотворчестве прокуратур и аналогичных учреждений зарубежных стран

Жидких Анатолий Александрович, ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье анализируются формы участия в правотворческой деятельности прокуратуры Российской Федерации, а также прокуратур и сходных учреждений зарубежных стран. Обоснован вывод о распространенности в практике указанных органов иностранных государств форм рассматриваемой деятельности, применяемых российской прокуратурой.*

***Ключевые слова:** российская прокуратура, прокуратура и аналогичные органы иностранных государств, формы участия в правотворчестве.*

The Main Forms of Participation in the Law-making of the Prosecutor's Offices and Similar Establishments in the Foreign States: A Comparative Analysis

Anatoliy Zhidkikh, Ph.D., Associate Professor, Leading Researcher, Academy of General Prosecutor's Office

***Abstract.** In article examines forms of participation in law-making activity of prosecutor's office of the Russian Federation, as well as activities of prosecutor's offices and similar establishments of foreign countries. Valid conclusion about prevalence in practice of the specified bodies of the foreign states of forms of considered activity applied by the Russian prosecutor's office.*

***Key words:** Russian prosecutor's office, prosecutor's office and similar bodies of the foreign states, forms of participation in law-making.*

References

1. Bessarabov V.G. Prokuratura i kontrol'nye organy zarubezhnykh stran. Moscow, 2000. P. 26–29.
2. Zhursimbaev S.K. Prokurorskiy nadzor v Kazakhstane. Almaty, 2003. P. 13.
3. Internet-konferentsiya Upolnomochennogo Ros.Federatsii pri Evropejskom Sude po pravam cheloveka Lapteva P.A. URL: [www.garant.ru/meropriyatiya http://www.garant.ru/action/conference/10125](http://www.garant.ru/meropriyatiya/http://www.garant.ru/action/conference/10125) (date of access: 07.06.2012).
4. Minniakhmetov R.G., Fayzullin G.G. Pravotvorcheskaya i pravoprimenitel'naya deyatel'nost' v Rossijskoj Federatsii: voprosy teorii i praktiki // Pravo i politika. 2007. № 8.
5. O prokurate: model'nyj zakon. URL: zakon.rada.gov.ua/laws (date of access: 01.03.2013).

6. Pashtov D.R. Uchastie prokuratur inostrannykh gosudarstv v pravotvorcheskoj deyatel'nosti // Vestnik Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. 2011. № 5 (25).
7. Prokuratury zarubezhnykh stran / ed. by S.P. Scherba. Moscow: Yurlitinform, 2006. P. 3–4.
8. Svedeniya o rrabote prokurora po rassmotreniyu zayavlenij, zhalob I inykh obrashenij: Svodnyj otchet po RF po forme OZh za janvar' - dekabr' 2012 g. Utv. Prikazon Gen. prokurora Ros. Federatsii ot 17.06.2011. № 176.
9. Svedeniya o rabote prokurora po uchastiyu v pravotvorcheskoj deyatel'nosti organiv gosudarstvennoj vlasti subjktov RF i organov mestnogo samoupravleniya v janvare-dekabre 2012 g.: statisticheskaya forma NPA. Utv. prikazom Gen. Prokurora Ros. Federatsii ot 31.05.2010. № 227.
10. Sobranie Zakonodatelstva Rossijskoj Federatsii. 1995. № 47. Art. 4472.
11. Teoriya gosudarstva i prava / ed. by V.M. Korelsky, V.D. Perevalova. Moscow, 2001.
12. URL: coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/Russian.2003 (date of access: 06.06.2012).

МГИМО НАЧИНАЕТ ГОТОВИТЬ КОНФЛИКТОЛОГОВ. ИНТЕРВЬЮ С В.В. ГРИБОМ

В этом году на факультете политологии МГИМО (У) МИД России открывается новое отделение — «Конфликтология и общественная дипломатия». О его специфике рассказывает заведующий кафедрой гражданского общества, первый заместитель секретаря Общественной палаты РФ В.В. Гриб.

— *Конфликтология — междисциплинарная область, находящаяся на стыке политологии, психологии и юриспруденции. В чем заключается уникальная ниша данной профессии?*

— Конфликты — и глобально-цивилизационные, и межэтнические, и социальные, и межличностные — являются сложными политико-социальными

и психологическими явлениями. Опыт показывает, что эффективно предсказывать, а тем более урегулировать конфликты на основе жизненного опыта и здравого смысла невозможно. Только академическое знание способно дать инструменты понимания истинных причин конфликта, закономерностей его развития и разрешения. Для этого требуются знания из целого ряда смежных дисциплин — не только политологии и теории международных отношений, но и права, социальной психологии, менеджмента, ряда других наук. Уникальность данной профессии — и в крайне актуальном предмете изучения, и в этой самой междисциплинарности, и в широком диапазоне применения полученных навыков, поскольку конфликтные ситуации и необходимость в их осознании встречаются почти в любом спектре профессиональных задач.

— *В чем специфика подготовки конфликтологов на факультете политологии МГИМО по сравнению с другими вузами?*

— Политический процесс — это всегда конфликт, политика как раз является сферой жизнедеятельности общества, связанной с коммуникацией с целью выработки ненасильственного и легитимного способа разрешения общественных конфликтов. В демократическом обществе способность перманентного урегулирования возникающих конфликтов становится важной характеристикой режима. Внеш-

неполитический процесс — это также конфликт, однако еще более многослойный, с большим числом заинтересованных игроков и меньшим правовым регулированием. В этом смысле международные конфликты могут считаться одними из самых сложных и важных. Именно на прогнозирование таких конфликтов и управление ими будут нацелены выпускники-конфликтологи МГИМО. Ну а чтобы понять, какую роль конфликты играют в современной международной обстановке и насколько управление ими важно для безопасности России, достаточно посмотреть любой выпуск новостей.

— *Как методы общественной дипломатии могут способствовать урегулированию международных конфликтов?*

— Традиционная дипломатия не всегда оказывается достаточно гибкой и оперативной для решения возникающих конфликтов. Общественная дипломатия позволяет усилить компонент межличностного общения, так необходимого для разрешения конфликтов, создать для конфликтующих сторон (скажем, этносов, конфессиональных групп или целых наций) площадки для тактического взаимодействия, которое потом может перерасти в стратегический мир. Она может привлечь в переговорный процесс бизнес, низовую общественную инициативу, интеллигенцию, других агентов стабилизации ситуации. Наконец, представителям институтов общественной дипломатии легче выступать медиаторами переговорного процесса, поскольку они не ассоциируются напрямую с какими-то официальными позициями и интересами. Исхо-

дя из этих соображений, мы включили в программу подготовки конфликтологов овладение инструментарием не только традиционной, но и общественной (публичной) дипломатии.

— *Какими навыками должен обладать конфликтолог-международник?*

— Это самый широкий спектр компетенций. Во-первых, это навыки аналитика-исследователя, владеющего методами сбора анализа и интерпретации данных, системным критическим мышлением. Во-вторых, это навыки медиатора-консультанта, применяющего техники переговоров и диагностики конфликтов, владеющего устной и письменной аргументацией. В-третьих, это навыки проектного менеджера, управляющего политическими процессами, направленными на достижение мира, социального компромисса, позитивного консенсуса, толерантности в различных сферах жизни общества. И наконец, в-четвертых, это, конечно, навыки дипломата, разговаривающего с партнерами на их языке (в прямом и переносном смысле слова), знающего специфику международной ситуации и умеющего отстаивать позицию родной страны.

— *Вы секретарь Общественной палаты, известный политик и политический практик, входите в общественные советы многих министерств, в том числе силовых (мы не говорим о вашей научно-преподавательской деятельности). С точки зрения вашего практического опыта — где сегодня нужны конфликтологи, будут ли востребованы конфликтологи-международники в МИДе, других органах государственной*

власти, Общественной палате, некоммерческих и бизнес-структурах?

— На мой взгляд, в современной гуманитарной сфере сокращается потребность в узких специалистах по одной отрасли или стране, все больше требуется людей, способных системно взглянуть на проблему, сравнить ее с мировым опытом и сформулировать аргументированную позицию. Кроме того, организации, вовлеченные в международную деятельность, отмечают появление новых видов вызовов и угроз, исходящих от негосударственных акторов, для работы с которыми требуются специфические знания и навыки. В этой связи востребованность конфликтологов-международников не вызывает у меня никаких сомнений, а высокий уровень академической подготовки в МГИМО, уверен, будет гарантом успешной ка-

рьереры на той жизненной стезе, которую выберет выпускник.

— Почему вы бы взяли на работу конфликтолога именно из МГИМО?

— Образовательная среда МГИМО позволяет добиться уникального для российских вузов сочетания компетенций выпускников. С одной стороны, это языковая подготовка по двум иностранным языкам на уровне ведущих языковых факультетов и вузов, с другой — интенсивная углубленная академическая подготовка по профессии, сочетающая фундаментальную науку с практическими курсами. Кроме того, диплом МГИМО — это своего рода знак качества, гарантия первоклассной подготовки.

Интервью провел И.Ю. Окунев